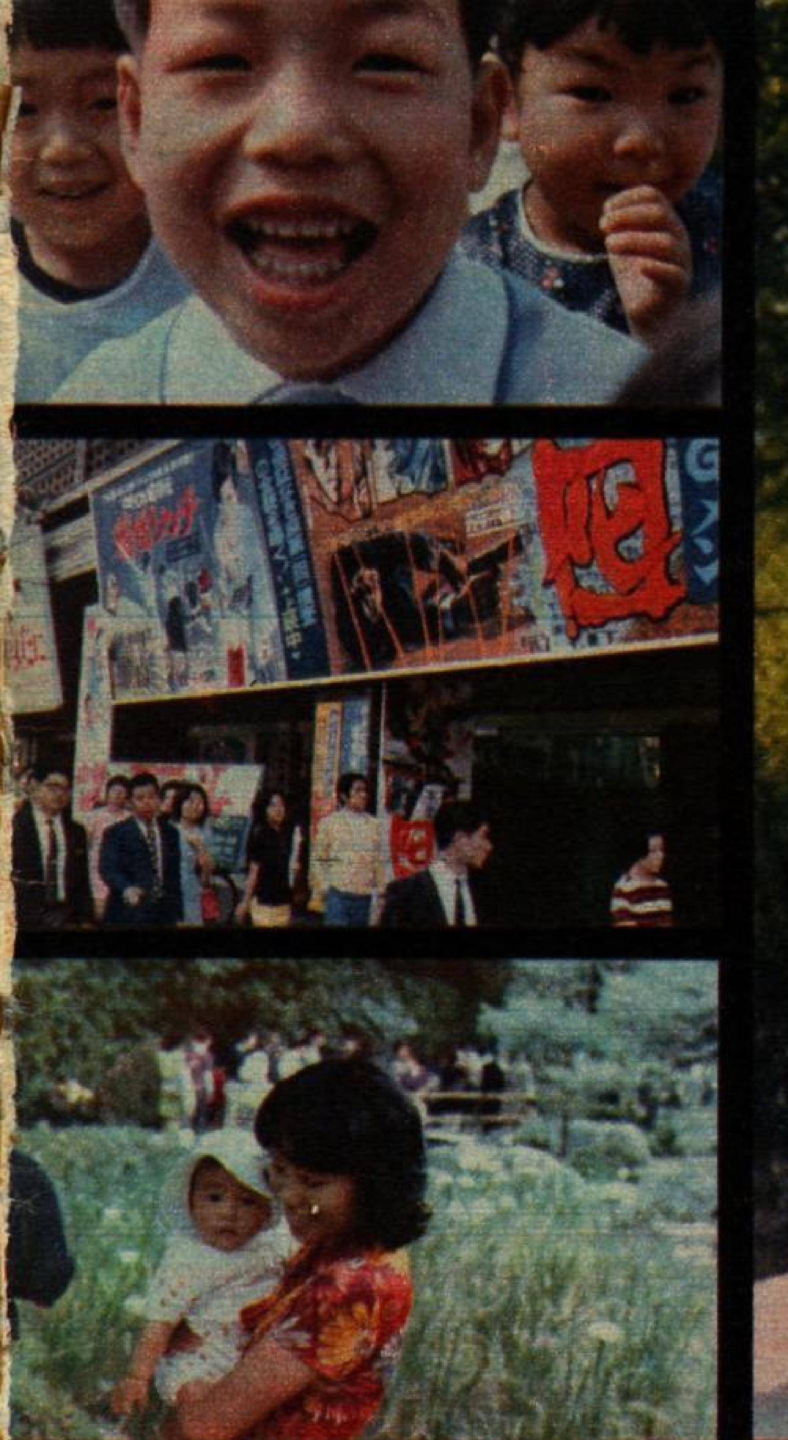
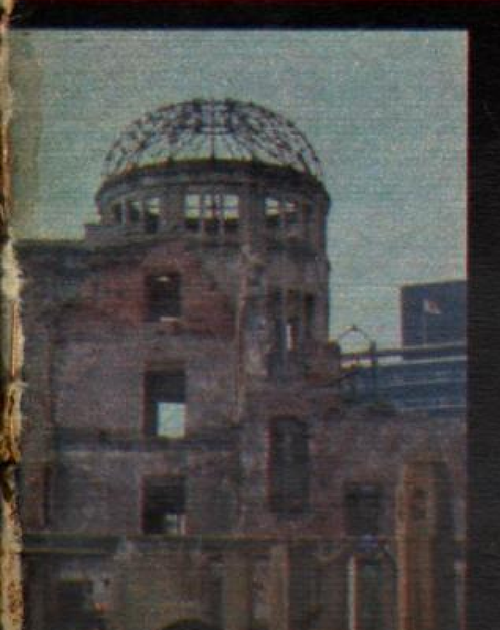

Со стен моей совести вечно не снять,
единой обрамленных рамой,
японскую или гонконгскую мать
с моею российскою мамой.

Евгений ЕВТУШЕНКО

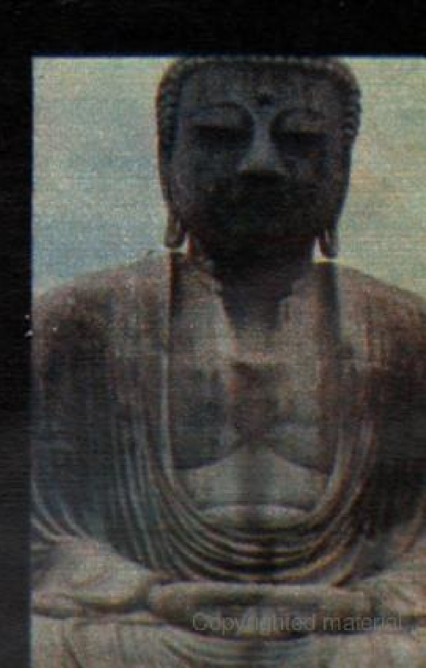

Фото А. ГОСТЕВА.

Группа депутатов, прибывших на седьмую сессию Верховного Совета СССР (слева направо): председатель колхоза «Заповит Ильича», Черновицкой области, Украинской ССР, В. И. Сикорский; председатель колхоза «Путь Ильича», Татарской АССР, И. В. Садыков; главный зоотехник колхоза «Память Ленина», Пермской области, Е. Г. Чайкина; Герой Социалистического Труда шофер Пржевальского автотранспортного предприятия, Киргизской ССР, К. Кадыров; сепараторщица Верхнеднепровского горно-металлургического комбината А. И. Зубенко; Герой Социалистического Труда бригадир тракторной бригады колхоза «Украина», Житомирской области, А. М. Коваль; скорняк фабрики № 3 мехового объединения Казани А. Я. Валеева.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 51 (2424)

15 ДЕКАБРЯ 1973

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

О ПЛЕНУМЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

10 декабря 1973 года открылся очередной Пленум Центрального Комитета КПСС.

Пленум заслушал доклады заместителя Председателя Совета Министров СССР, председателя Госплана СССР тов. Н. К. Байбакова «О Государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1974 год» и министра финансов СССР тов. В. Ф. Гарбузова «О Государственном бюджете СССР на 1974 год».

На Пленуме с большой речью выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев.

По обсуждаемым вопросам на Пленуме начались прения. В прениях выступили: тт. В. В. Щербицкий — первый секретарь ЦК Компартии Украины, М. С. Горбачев — первый секретарь Ставропольского крайкома КПСС, И. И. Бодюл — первый секретарь ЦК Компартии Молдавии, П. Д. Бородин — генеральный директор Московского объединения по производству автомобилей, А. Э. Восс — первый секретарь ЦК Компартии Латвии, А. В. Георгиев — первый секретарь Алтайского крайкома КПСС, К. Н. Руднев — министр приборостроения, средств автоматизации и систем управления, А. К. Черный — первый секретарь Хабаровского крайкома КПСС.

11 декабря 1973 года Пленум Центрального Комитета КПСС продолжал работу.

В прениях по обсуждаемым вопросам выступили: тт. Б. Ашимов — Председатель Совета Министров Казахской ССР, Г. В. Романов — первый секретарь Ленинградского обкома КПСС, А. К. Антонов — министр электротехнической промышленности, И. А. Бондаренко — первый секретарь Ростовского обкома КПСС, Н. Д. Худайбердыев — Председатель Совета Министров Узбекской ССР, Е. А. Сальникова — мастер катализаторных сеток Березниковского азотнотукового завода им. К. Е. Ворошилова, П. М. Машеров — первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии, Б. Е. Щербина — первый секретарь Тюменского обкома КПСС, А. И. Шибаев — первый секретарь Саратовского обкома КПСС, Э. А. Шеварднадзе — первый секретарь ЦК Компартии Грузии, А. Г. Буяницкий — председатель ордена Ленина колхоза им. Жданова Мироновского района Киевской области, Г. А. Алиев — первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана, И. П. Казанец — министр черной металлургии СССР, В. И. Воротников — первый секретарь Воронежского обкома КПСС.

Пленум ЦК КПСС единогласно принял соответствующее постановление.

На этом Пленум ЦК КПСС закончил свою работу.

В одном из освобожденных районов Южного Вьетнама, в провинции Куангчи. Митинг в поддержку Национального фронта освобождения Южного Вьетнама и ВРП РЮВ.

ЗНАМЯ СВОБОДЫ

День 20 декабря навсегда вошел в историю освободительной борьбы вьетнамского народа. В этот памятный день тринадцать лет назад над южновьетнамской землей взметнулось красно-голубое знамя с золотой звездой, зовущее к свободе. Это произошло недалеко от Сайгона, в провинции Бенче, где проходил конгресс патриотических сил Южного Вьетнама. 20 декабря 1960 года был создан Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама (НФОЮВ).

Народ не мог мириться с террором, развязанным сайгонским режимом при поддержке заокеанских колонизаторов. Создание НФОЮВ положило начало организованной борьбе патриотов. Под знамя этой патриотической организации вставали борцы за независимый, мирный, демократический, нейтральный Южный Вьетнам и мирное объединение родины.

Трудными и напряженными были прошедшие годы. Недавно я побывал в освобожденных районах Южного Вьетнама и видел, какие глубокие раны оставила там война. Но ни бомбы агрессора, ни сайгонские каратели не смогли сломить волю патриотов к борьбе, их решимость добиться поставленных целей. Славой героических подвигов и побед овеяно знамя НФОЮВ — организатора и руководителя борьбы сопротивления южновьетнамского народа.

Летом 1969 года состоялся Конгресс народных представителей, на котором была провозглашена Республика Южный Вьетнам и было сформировано ее Временное революционное правительство. Это был замечательный успех патриотов, которые закрепили свои позиции в форме государственной власти, представляющей коренные интересы народа.

Под красно-голубым знаменем с золотой звездой народ Южного Вьетнама внес славный вклад в выдающуюся победу всего вьетнамского народа, результатом которой явилось соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме.

Глубокое восхищение и уважение снискал героический народ непокоренной страны. Свидетельством этого является растущий авторитет Демократической Республики Вьетнам и ВРП РЮВ на международной арене. В настоящее время ВРП РЮВ имеет дипломатические отношения с 38 государствами, в том числе с Советским Союзом.

В ходе поездки по освобожденным районам мы видели, каким глубоким доверием и мощной поддержкой пользуются НФОЮВ и ВРП РЮВ среди населения. Это единственные подлинные выразители интересов и чаяний народа Южного Вьетнама. Мы видели, как горячо желает народ сохранить завоеванный мир, чтобы строить новую жизнь.

Но мир все еще не прочен на этой земле. Каждый день приходят сообщения о все новых и новых нарушениях парижского соглашения. Сайгонские войска непрерывно устраивают вооруженные нападения на районы, контролируемые ВРП РЮВ. В Южном Вьетнаме, по данным агентства печати «Освобождение», находится 24 тысячи американских военнослужащих под видом гражданских лиц, которые направляют действия военно-полицейского аппарата сайгонской администрации. В этих условиях НФОЮВ и ВРП РЮВ решительно требуют строгого выполнения парижского соглашения со стороны Сайгона и США и призывают соотечественников к бдительности, чтобы всегда быть готовыми защитить мир.

Отмечая 13-ю годовщину НФОЮВ, народ Южного Вьетнама теснее сплачивается под знаменем свободы. Неизмеримо выросли и окрепли за прошедшие годы ряды этой массовой политической организации, которая всегда видела свою силу в сплоченности народа. Именно эта сила, помноженная на международную солидарность, и является решающим фактором побед южновьетнамских борцов.

Я помню теплые слова о солидарности советских людей, сказанные Председателем Президиума ЦК НФОЮВ, председателем Консультативного совета ВРП РЮВ Нгуен Хыу Тхо: «...Народ, НФОЮВ и ВРП РЮВ постоянно получали и получают искреннюю поддержку и эффективную помощь со стороны Коммунистической партии, правительства и народа Советского Союза. Высокий дух интернациональной солидарности советского народа способствовал укреплению революционных сил народа Южного Вьетнама. ...От имени народа, НФО и ВРП РЮВ я хочу выразить КПСС, советскому правительству и народу братского Советского Союза нашу сердечную и глубокую благодарность».

Сергей АФОНИН,
спецкор ТАСС для «Огонька»
Фото автора.

ЕГИПЕТСКИЕ СОКРОВИЩА В МОСКВЕ

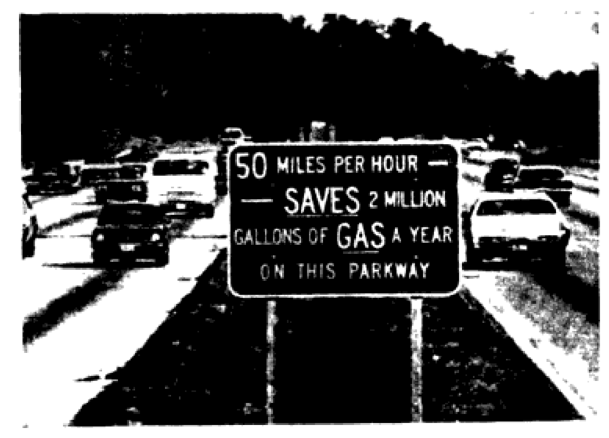
7 декабря в Москве в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина открылась выставка «Сокровища гробницы Тутанхамона». Выступая на открытии выставки, министр культуры СССР Е. А. Фурцева от имени Советского правительства выразила благодарность правительству АРЕ за предоставленную возможность познакомить советских людей с древним искусством египетского народа. Министр культуры АРЕ Юсеф-эс-Сибаи (его выступление запечатлено на этой фотографии) подчеркнул, что эта выставка — еще одно яркое проявление дружбы между СССР и АРЕ. На открытии выставки присутствовал посол АРЕ в СССР Яхья Абдель Кадер.

В начале 1974 года журнал «Огонек» опубликует на своих цветных вкладках материалы, посвященные сокровищам гробницы Тутанхамона.

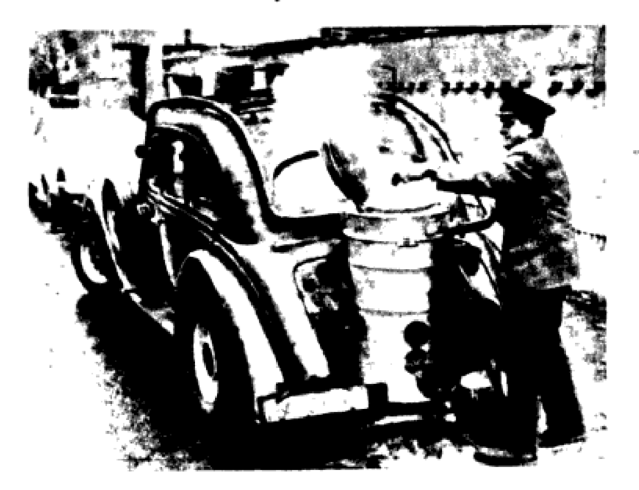
Фото ТАСС.

На улицах городов Западной Европы — велосипед вместо автомобиля.

Объявления на американских дорогах требуют снижения скорости автомобилей в целях экономии горючего.

Переоборудуют автомашины на древесное топливо.

Бастует инженерно-технический состав лондонских предприятий против махинаций монополий.

Фото журналов «Ю. С. ньюс энд Уолрд рипорт» «Тайм», «Ньюсуик».

ЭКОНОМИКУ ЛИХОРАДИТ

Каждый день приносит все новые и новые сведения об обострении экономических трудностей в странах капитализма. Зарубежная печать в этой связи обращает внимание на невиданный в их истории энергетический кризис. Закрываются предприятия, десятки тысяч людей пополняют армию безработных, растут цены на бензин, парализуется авто- и авиадвижение, усиливается инфляция, растут цены на продукты первой необходимости и жилье.

НА БЛАГО ВСЕХ НАРОДОВ

Владимир **НИКОЛАЕВ**

— Вы русские? Когда приедет Брежнев? — с таким вопросом обратился к нам первый же встречный в Агре. Этот город — главный туристский центр Индии, известный повсюду своим белокаменным чудом Тадж Махалом. Услышав такой вопрос здесь, где все интересы подчинены туризму и только туризму, мы были приятно удивлены. Дело происходило за несколько дней до прибытия Л. И. Брежнева в Дели, но уже вся страна — и даже древняя, застывшая в веках Агра — с нетерпением ждала высокого советского гостя. В этом ожидании было не праздное любопытство, а радость предстоящей встречи с другом давним и верным.

Все пять дней исторического визита Л. И. Брежнева стали демонстрацией нерушимой советско-индийской дружбы. Сотни тысяч жителей Дели горячо приветствовали Леонида Ильича в день его прибытия на всем пути следования от аэропорта до резиденции, сотни тысяч делийцев и посланцев со всех концов страны приняли участие в массовом митинге у стен Красного форта, сотни тысяч людей провожали высокого советского гостя при его отлете на родину. Мне довелось быть очевидцем всех этих волнующих встреч Л. И. Брежнева с народом Индии, которые еще и еще раз показали, сколь велика дружба между нашими странами. Мои коллеги, местные журналисты, говорили, что до сих пор Индия еще не встречала с такой радостью и единодушием ни одного зарубежного гостя.

Естественно, что переговоры между Л. И. Брежневым и Индирой Ганди, проходившие в столь дружественной атмосфере, были плодотворными. Об этом говорит содержание важнейших документов, выработанных и подписанных в Дели: Совместной советско-индийской декларации, Соглашения о дальнейшем развитии экономического и торгового сотрудничества между СССР и Индией, Соглашения о сотрудничестве между Госпланом СССР и плановой комиссией Индии и других. В Совместной советско-индийской декларации отмечается, что «плодотворное торгово-экономическое сотрудничество, основанное на принципах равенства и взаимной выгоды, стало объективной закономерностью и важным фактором в развитии экономики двух дружественных государств». Зафиксированные в декларации и других документах итоги визита подняли отношения между нашими странами на новую ступень. Достигнута договоренность о налаживании обоюдовыгодного производственного сотрудничества между СССР и Индией, причем это сотрудничество должно базироваться на кооперации и разделении труда, на взаимном дополнении наших хозяйственных потенциалов. Исключительно важным является и то, что Соглашение о дальнейшем развитии экономического и торгового сотрудничества заключено на пятнадцать лет. Не менее знаменателен и такой фактор: предусматривается обмен опытом в области планирования, которое, кстати, как в Советском Союзе, так и в Индии развивается на основе пятилетних планов.

Эти благотворные результаты визита Л. И. Брежнева в Индию говорят о том, что советско-индийские отношения, которые всегда отличались искренностью и дружбой, становятся еще прочнее и глубже. В 1971 году они были закреплены в Договоре о мире, дружбе и сотрудничестве, ныне, после визита Л. И. Брежнева, они станут еще более активными и разносторонними.

Высоко оценивая итоги исторического визита Л. И. Брежнева в Индию, мировая печать не случайно обращает внимание на то, что два государства, принадлежащие к различным социальным системам, договорились о производственной координации, уважая при этом взаимные интересы и соблюдая принцип невмешательства во внутренние дела друг друга. Это новый яркий пример торжества принципов мирного сосуществования, новый шаг на пути претворения в жизнь великой Программы мира, принятой XXIV съездом КПСС!

В ходе переговоров в Дели состоялся также плодотворный обмен мнениями по актуальным международным проблемам. Премьер-министр Индии высоко оценила последовательную миролюбивую внешнюю политику нашей страны, а Генеральный секретарь ЦК КПСС дал такую же высокую оценку большому вкладу Индии в борьбу за мир, против колониализма, неоколониализма и расизма. Обе стороны подтвердили, что они придают особое значение превращению Азии в континент прочного мира, стабильности и доброго сотрудничества. Из подписанных в Дели документов видно далеко идущее значение визита Л. И. Брежнева в Индию, который был предпринят не только во имя интересов наших двух стран, но и на благо всех народов. Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР, одобряя итоги визита Л. И. Брежнева в Индию, так характеризуют принятую Совместную советско-индийскую декларацию: «Значение этого документа состоит в том, что он развивает основные принципы отношений между СССР и Индией и определяет главное направление сотрудничества между двумя странами. Декларация была с большим одобрением встречена и в Советском Союзе, и в Индии, поскольку она отвечает коренным интересам народов обеих стран, является важным фактором укрепления мира и безопасности в Азии и во всем мире».

Визит Л. И. Брежнева в Индию завершен. Народы двух наших стран стали еще ближе друг к другу, а это очень хорошо и важно, когда более 800 миллионов человек, живущих в Индии и СССР, дружат и сотрудничают во имя мира на земле.

Дели — Москва.

БДИТЕЛЬНОСТЬ И ВЫДЕРЖКА

Виктор КУДРЯВЦЕВ

Город Восточная Кантара назван так потому, что он расположен на восточном берегу Суэцкого канала, на Синайском полуострове. Здесь раньше проходили торговые дороги из Палестины в Египет. Наверно, Кантара была зеленым городом, живописным оазисом в безбрежье Синайской пустыни. Говорят, он славился своими апельсинами. Сегодня об этом можно только догадываться. В городе буквально не уцелело ни одного здания. Апельсиновые сады поломаны израильскими солдатами. Бомбой пробило купол церкви, сорвало минарет мечети, зияют провалы в крыше разрушенного вокзала.

Шесть лет назад, во время июньской войны 1967 года, израильская армия захватила город. Предварительно она обстреляла его из дальнобойных орудий. «Скайхоки» совершили на него несколько налетов в октябре этого года. Египетская армия, форсировавшая канал, освободила Кантару. Город еще хранит следы израильского пребывания: на стенах израильские надписи, валяются предметы быта оккупантов, консервные банки, обрывки израильских газет, разбитая израильская военная техника.

Но над городом уже развевается египетский флаг. Проносятся песочного цвета «газики», удобные для передвижения по пустыне. В Кантаре прочно стоит египетский гарнизон. В городе еще нет жителей: некоторые эвакуировались в 1967 году, других угнали на восток израильтяне. И все-таки Кантара начинает жить общей со всем Египтом жизнью. Составляются планы восстановления города. Жители, эвакуированные на запад, готовятся вернуться. День и ночь функционирует понтонная переправа, наведенная через канал в нескольких километрах от города. Тяжелые грузовики переправляются на восточный берег, подвозится продовольствие, строительные материалы для восстановительных работ.

...Прекращение огня — еще не мир. Пока израильские войска оккупируют арабские территории, война может вспыхнуть снова, и она может быть еще более разрушительной. Это особенно остро ощущается сейчас на Синайском полуострове, который хранит следы недавних сражений. То и дело вспыхивают перестрелки между израильскими и египетскими частями, а израильские самолеты нарушают соглашение о прекращении огня. И сейчас еще Синайская пустыня усеяна остовами танков, обломками самолетов. Большое впечатление на меня произвело зрелище сбитого «Скайхока»; сохранился хвост самолета, на котором изображен ястреб, разрывающий когтями арабский полумесяц,— это выразительный символ агрессии. Израильские ястребы и сейчас не оставляют мысли сорвать возможность урегулирования.

...101-й километр по дороге Каир — Суэц. Здесь находится контрольный пункт чрезвычайных представителей ООН и место переговоров между представителями египетской и израильской армий об осуществлении соглашения о прекращении огня, а также об отводе войск на линию, существовавшую на 22 октября в соответствии с решением Совета Безопасности. Однако израильская военщина всеми силами саботирует прекращение огня и решения Совета Безопасности.

Формально израильские войска передали пункт на 101-м километре войскам ООН. Но все-таки они нарушают соглашение о прекращении огня — блокируют главную дорогу Каир — Суэц. Мы, журналисты, аккредитованные в Каире, были неоднократными свидетелями того, как задерживались израильскими солдатами автомашины с продовольствием для Суэца, плазмой для раненых.

Я посетил в Каире госпитали «Мунира» и «Ахмад Махар», где помещены рабочие, крестьяне, жители Суэца. Никто из них не служил в армии и по своей работе не был связан с военными объектами. Израильская авиация прекрасно знала, что обрушивает свои бомбы на мирное население. Вот Ибрагим Эмейда — мальчику восемь лет. В соседней палате лежит его отец. Он рыбак. Ранним утром они вышли с сыном в море; пролетавший самолет обстрелял шаланду. Мальчика ранило в руку, а отца в плечо. А вот еще один мальчик. Ему 13 лет. Он был дома, когда израильская артиллерия начала обстрел жилых кварталов города. Соседи погибли, а самого мальчика ранило в бедро.

Израильское командование долгое время не давало возможности вывести из Суэца раненых арабских жителей. Только благодаря вмешательству представителя чрезвычайных сил ООН, твердой позиции, занятой египетским командованием, это удалось сделать.

Многие уловки, к которым прибегало израильское командование для того, чтобы уклониться от выполнения соглашения об отводе израильских войск на линию 22 октября, побудили египетскую сторону прервать переговоры, ибо они стали терять всякий смысл. Ответственность за прекращение переговоров несет Израиль. Он продолжает свою политику обострения положения на Ближнем Востоке.

Все это определяет ту атмосферу, в которой живет сегодня египетский народ. В столице еще не отменено затемнение, и, хотя многие улицы освещаются, не горят фонари на набережных, погружена в темноту улица Гизы и многие другие районы. Каир, пожалуй, уже не фронтовой город, но это и не город, вернувшийся к мирной жизни.

Как и во время боевых действий, египетский народ продемонстрировал свою организованность и мужество, так и сегодня он показывает выдержку и терпение. Египетский народ сохраняет бдительность, потому что положение остается напряженным. На линии прекращения огня могут возникнуть новые столкновения. Чувство уверенности придает египтянам та широкая поддержка, которую оказывает Советский Союз арабскому делу. Авторитет нашей страны очень высок в египетском народе. Египтяне внимательно следили за визитом Леонида Ильича Брежнева в Индию. Особое впечатление на египетскую общественность произвела речь товарища Л. И. Брежнева в индийском парламенте. Ее изложение было напечатано всеми газетами, передано по радио и телевидению. Вот что рассказал мне в этой связи Генеральный секретарь Ассоциации писателей стран Азии и Африки известный общественный деятель Ю. Сибаи:

— В своей речи перед индийским парламентом Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев, говоря о положении на Ближнем Востоке, еще раз подтвердил, что сейчас главная задача состоит в том, чтобы в ходе предстоящих переговоров добиться наконец прочного мирного урегулирования на Ближнем Востоке. Египетский народ и другие народы арабских стран,— сказал Сибаи,— испытывают к Советскому Союзу чувство благодарности. Нашей дружбе принадлежит будущее. Она доказала свою прочность и в дни мира и в дни войны.

Каир, по телефону.

ГОР

1723 год... Еще не оделись в гранит каналы Санкт-Петербурга, а далеко на Урале заложили новый город. Крестьяне покидали свои деревеньки, уходили на строительство большого по тем временам предприятия — медеплавильного завода. Мужики объединялись в артели плотников, маляров, пильщиков, землекопов. Строили с большим радением. Вокруг будущего завода возник поселок, соединившийся вскоре с деревней Брюхановкой. И вскоре 1 700 пудов меди стали ежегодно отправлять в западную Россию с нового предприятия. А в 1736 году построили еще один завод — пушечный.

Два с половиной века прошло со дня основания Перми, рабочего града на Каме. О Перми сегодняшней я попросил рассказать

МУДРЫЕ ГОДЫ ХУДОЖНИКА

ОД НА КАМЕ

главного архитектора города ГЕННАДИЯ МИХАЙЛОВИЧА ИГОШИНА.

— Наш город один из крупнейших в стране. И один из ее индустриальных центров: в Перми около ста пятидесяти промышленных предприятий! Наибольшее развитие получили такие отрасли, как машиностроение, металло- и деревообработка, электроприборостроение, нефтепереработка... К концу пятилетки будет реализовано продукции на три с половиной миллиарда рублей.

Теперь о строительстве. В панораму города удачно вписываются девяти- и двенадцатиэтажные дома, многие из них заселяются, многие еще растут. В Перми шесть с половиной миллионов квадратных метров жилья, две трети из них построены за последние лет пятнадцать. Генеральный план включает в себя создание еще двух жилых районов. Один из них вырастет в юго-западной части города. Другой, примыкающий к лесу, протянется вдоль Камы. В новых высотных домах отпразднуют новоселье примерно сто двадцать тысяч пермяков. Конструкторы «Ленпроекта» предусмотрели здесь и зону отдыха и спортивную зону.

— Герб Перми включает в себя изображение парового молота. С чем это связано?

— Это связано с машиностроительным заводом имени Ленина, который имеет пять правительственных наград. На этом заводе в конце прошлого века был сделан крупнейший в мире паровой молот. Он и символизирует поэзию труда, мощь пролетариата.

Событиям первой русской революции посвящена построенная в городе диорама. Композитор Д. Кабалевский написал кантату, посвященную баррикадным боям на Мотовилихе. Мотовилиха — это пермская Красная Пресня!.. Замечу, что в Пермь были сосланы в свое время А. Герцен и В. Короленко. Здесь учились изобретатель радио А. Попов и писатель Д. Мамин-Сибиряк.

— 250 лет назад территория медеплавильного завода и поселка вокруг него составляла, по данным архивов, всего десять гектаров. Какую площадь занимает современный город? Каково его будущее?

— На шестьдесят километров протянулся город по реке Каме. Его территория превысила семьдесят тысяч гектаров. Для сравнения можно сказать, что площадь Ленинграда составляет менее шестидесяти тысяч гектаров. У нас много лесопарков.

В Перми шесть вузов, в том числе ордена Трудового Красного Знамени Государственный университет, десятки научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро. В нашем хореографическом училище учится надежда мирового балета — юная Надя Павлова и талантливая Оля Ченчикова. Здесь же училась золотая медалистка международного конкурса артистов балета в Варне Любовь Кунакова. В нашей художественной галерее собраны произведения Васнецова, Куинджи, Репина, Сурикова, Айвазовского, Серова. Всемирной известностью пользуются деревянные скульптуры древних жителей Прикамья.

Будущее?.. Когда-то в Перми было единственное каменное строение, оно сохранилось до наших дней — это собор Петра и Павла. К 2000 году не останется ни одного деревянного здания. Каждая семья получит благоустроенную квартиру. Вырастут два километровых моста через Каму. Намечаем построить линию метрополитена. Новые парки, сады и скверы преобразят лицо города...

М. ЦЕБОЕВ.
Фото Г. КОПОСОВА.

В строю пионеров советской кинематографии заметно выделяется имя Юлия Райзмана, замечательного кинорежиссера, чьи фильмы отмечены серьезной мыслью, филигранной точностью разработки образов, правдивостью и чистотой чувства. По картинам Юлия Райзмана легко проследить, как зрели и совершенствовались его замыслы. Это видно и в выборе тематики и во все более широком интересе к человеческой личности. Человек и прежде всего человек всегда в центре внимания режиссера.

Райзман пришел еще в «немое» кино. И сразу же заявил себя зрелым мастером в своей талантливой картине «Каторга». На заре звуковой кинематографии его «Земля жаждет», «Летчики», «Последняя ночь» и «Поднятая целина», «Машенька» или картины военных лет «Небо Москвы», «Берлин», как и последующие работы — «Райнис» и другие,— все это настойчивый поиск, открывающий новые грани вдохновения.

И с каждой картиной художника с удивлением и радостью констатируешь, что годы — а их уж немало прошло на наших глазах — не властны над талантом истинным.

«Передать движение человеческого чувства... в одном штрихе, в еле уловимой детали — вот задача,— пишет Райзман,— равной по трудности которой я не знаю». Это — кредо Райзмана-режиссера. Именно эти глубины проникновения и характеризуют работы Райзмана такого большого социального звучания, каким отмечен фильм «Коммунист», а затем «Твой современник»,— они у всех в памяти.

Райзман владеет завидным умением безошибочно находить «своего» артиста; он смело поручает иную ответственную роль совсем еще «зеленому» новичку в кино, но, кажется, не было случая, чтобы потом этот актер исчез с экрана. Школа Юлия Райзмана, школа работы с актером — надежная путевка в экранную жизнь.

И, может быть, еще один главный дар присущ Райзману. Никто никогда не видел его на площадке раздраженным, резким. Он всегда собран, спокоен. Но какая непримиримая строгость в его иронии, какое точное попадание в каждой шутке!

С годами Райзман-режиссер не теряет, а, напротив, утверждает молодость, яркость своего таланта. И сейчас, когда ему исполняется 70 лет, ждем, что же теперь придумает этот замечательный мастер.

И пусть иногда будут споры вокруг новой работы Райзмана,— всегда острая райзмановская мысль радует и увлекает.

Несмотря на свои мудрые 70 лет, он не утратил внимательного и прилежного умения черпать новое и снова отдавать людям свое искусство. Семьдесят. Нам трудно поверить в это, видя, как ходит по «Мосфильму» художник, полный юношеского пыла, любви к своему искусству, к друзьям.

Таков наш Юлий Райзман...

Г. РОШАЛЬ,
народный артист СССР

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

В центре некогда глухого Мещерского края, среди старых лесов и старых полей, раскинулись угодья прославленного на всю страну ордена Трудового Красного Знамени колхоза «Большевик». Более сорока пяти лет назад собрались в артель семь семей, сорок восемь душ, среди которых детишек было вдвое больше, чем кормильцев. Собрались, чтобы жить вместе, вместе пахать и сеять, вместе строить социализм. Сорок пять лет... И все эти годы возглавляет владимирский колхоз «Большевик» Аким Васильевич Горшков. 21 сентября Акиму Васильевичу минуло 75 лет. Его по праву называют старейшиной колхозного движения. Правительство высоко оценило деятельность председателя колхоза: А. В. Горшков — дважды Герой Социалистического Труда.

В дни, когда страна подводит предварительные итоги нынешнего, третьего года пятилетки, наш специальный корреспондент Н. Быков попросил АКИМА ВАСИЛЬЕВИЧА ГОРШКОВА рассказать о делах и жизни в колхозе, о том, как закончился сельскохозяйственный год в стране, о пятилетке селян.

А. ГОРШКОВ,
дважды Герой Социалистического Труда,
депутат Верховного Совета СССР

Начну с того, что за большие успехи, достигнутые в увеличении производства и продажи государству зерна и других продуктов земледелия, и проявленную трудовую доблесть в уборке урожая Президиум Верховного Совета СССР наградил орденами и медалями СССР большую группу колхозников, рабочих совхозов, механизаторов, специалистов сельского хозяйства, работников «Сельхозтехники», заготовительных, транспортных, водохозяйственных и других организаций, а также работников партийных, советских, профсоюзных и комсомольских органов. Многим передовикам сельского хозяйства присвоили звание Героя Социалистического Труда. Эта весть по всей стране воспринята с гордостью и удовлетворением.

Каждый год оставляет в жизни человека, в жизни того или иного коллектива след. Только иногда этот след едва различим, а иной год перебираешь в памяти по дням, да и не один раз... Я прекрасно помню 1928 год, особенно день 21 августа — день, когда меня избрали председателем нашей артели. Сегодня на месте лесной вырубки — прекрасный колхозный поселок: асфальт, электричество, газ и водопровод, паровое отопление и канализация... Труд энтузиастов дал желанные плоды.

И, конечно же, все мы запомним прошедший 1973 год. Не раз уже повторялись слова товарища Л. И. Брежнева, облетевшие мир в дни работы Всемирного конгресса миролюбивых сил, повторю их и я: «Зерна будет, видимо, собрано более 215 миллионов тонн, или, выражая это в наших традиционных русских мерах, свыше 13 миллиардов пудов».

Знаете ли, надо прожить с мое, пережить очень и очень многое, чтобы осознать такое — свыше 13 миллиардов пудов зерна! Вот каков он, этот 1973 год. Думаю, мы, труженики села, вправе гордиться своим успехом. А год был вовсе не из легких. Страна огромная, и не везде сложились благоприятные для сельского хозяйства условия. Однако решающую роль сыграли накопленный опыт ведения хозяйства и осуществление комплекса мер, намеченных партией еще в марте 1965 года, а также помощь селу со стороны ученых и рабочего класса.

Я, понимаете ли, хорошо помню, с чего мы начинали в 1928 году. С нуля. С болот и вырубок.

Сейчас у нас более четырнадцати тысяч гектаров угодий — пашни, луга и леса. И болота — их много, шесть тысяч гектаров. Если освоить, можно получать молока

Вечером на главной улице колхоза «Большевик».

ФОРМ

Аким Васильевич Горшков.

и мяса вдвое больше, чем сейчас. Успехи колхоза всеми признаны, о нас пишут, к нам едут учиться. Общественный фонд составляет более двух с половиной миллионов рублей. Ежегодный денежный доход довольно стабилен. Три или около трех миллионов рублей. Конечно, становление такого хозяйства в условиях Мещеры, края болот и заповедных лесов, тесных, разрозненных полей, потребовало и времени, и огромного коллективного труда, и дерзости. Не забываю повторять — революционной дерзости! Неустанная шла борьба на два фронта — с пережитками частнособственнической психологии и с попытками управлять сложнейшим и ответственнейшим делом социально-экономического переустройства деревни методами нетерпеливого наскока, нажима и всяческих ограничений беспокойной инициативы артельщиков. Вот почему решающим фактором нынешнего успеха явился комплекс мер, принятых и осуществленных партией за последние два десятилетия.

Главное, поднялись у нас в стране урожаи. Это главное.

Давайте вспомним: в 1961—1965 годах среднегодовое валовое производство зерна составило чуть больше ста тридцати миллионов тонн. Это было самое начало сдви-

Фото Б. Кузьмина.

УЛА УСПЕХА

га! И в 1966—1970 годах тот же среднегодовой зерновой вал поднялся до ста шестидесяти семи с половиной миллионов тонн. В 1971 году вал зерна уже перевалил за сто восемьдесят один миллион тонн. А после объяснимого снижения в неурожайном, засушливом 1972 году он достиг нынче грандиозной цифры — более двухсот пятнадцати миллионов тонн! Такого количества зерна мы еще никогда не намолачивали.

Капиталовложения — еще одна искомая величина в формуле успеха. Без денежных средств интенсификация — одно мечтание. Известно, что за последние восемь лет объем государственных и колхозных капиталовложений в сельское хозяйство превысил, заметьте себе, те же вложения за все предыдущие годы жизни Советского государства. Восемь лет и все предыдущие годы... Вот откуда успех. Колхозы и совхозы получили возможность приобретать трактора и комбайны новых марок. А развитие химии? Это же восстановление плодородия и защита растений от болезней и вредителей. Теперь о мелиорации. Тут, понимаете ли, целая революция. На 1972 год площадь улучшенных земель у нас в стране превысила двадцать миллионов гектаров. Все мелиоративные работы делаются за счет государства. А расходы велики — в 1973 году капиталовложения составили почти пять с половиной миллиардов рублей. Это больше, чем было затрачено за всю пятилетку 1961—1965 годов. Год и пятилетка...

Важную роль сыграли ученые, особенно селекционеры. За последние годы миллионы гектаров засеваются новыми высокоурожайными, более стойкими сортами пшеницы «безостая-1», «аврора», «кавказ», «одесская-51», «саратовская-29», «харьковская-46»... Появились и новые сорта ржи «белта» и «саратовская-4», новый ячмень «московский-121». Уже десятки, сотни хозяйств, целые районы намолачивают в среднем по сорок, даже по пятьдесят центнеров зерна с гектара. О таком урожае в двести пятьдесят — триста пудов даже в сказках не говорилось. Иные поля нашего Нечерноземья дают с некоторых пор поистине кубанские урожаи! А целая республика Молдавия нынче получила на круг по тридцать шесть центнеров зерна. Ведь это же по двести пудов! И почти столько же намолотили на круг Харьковская, Днепропетровская области; более чем по сто пятьдесят пудов с гектара — я слышал, в условиях очень

тяжелой дождливой осени — взяли ростовчане; чуть меньше их — саратовцы, хлеборобы Казахстана стали собирать почти по сто пудов на миллионах гектаров!..

Особая гордость, понятно, за старопахотные русские поля. Они переживают эпоху земледельческого возрождения. Нынче хозяйства Российской Федерации продали государству более трех миллиардов пудов хлеба. Такой год не забудется. Однако тут возможности еще далеко не исчерпаны — русское поле еще не сказало последнего слова...

В чем же дело, в чем корень удачи? Да, год сложился хорошо. Хотя такого злого, затяжного ненастья тоже не забыть... Но вот что главное: грамотнее стали мы хозяйничать. Постоянно совершенствуется структура посевов. Тут содружество науки и практики дало свои плоды. Так же постоянно повышается культура земледелия. Что ни говори, растет и заинтересованность в качественной обработке полей и посевов, растет и умение механизаторов, улучшается качество машин. Наряду с особым вниманием к росту и качеству урожаев продолжается и расширение посевных площадей. Только у нас в Российской Федерации в этом году было занято дополнительно около четырех миллионов гектаров. А это значит, больше собрано проса, кукурузы, риса, гречихи!

Стоит отметить, что, несмотря на затяжное ненастье, жатва третьего года пятилетки была довольно короткой, говорят даже, самой скоротечной за последнее время. А это значит, она была лучше организована. Помогли хорошо и горожане и воины-водители.

Еще одна величина в той же формуле успеха — степень механизации процессов труда. В этом сельское хозяйство всегда испытывало нужду. Надо сказать, что поток машин для села, для полей растет. За первую половину девятой пятилетки сельскому хозяйству поставлено:

787 тысяч тракторов,
465 тысяч автомобилей,
259,5 тысячи зерновых и кукурузных комбайнов,
36,6 тысячи дождевальных установок.

Возьмем нынешний год. За девять месяцев промышленность выпустила 373 тысячи тракторов. Кстати, с каждым годом больше производится и удобрений. Колхозы и совхозы только за 1973 год получили 57 миллионов тонн минеральных удобрений (когда-то академик Д. Н. Прянишников мечтал о сорока — сорока пяти миллионах тонн). Для сравнения скажу, что три года назад село получало на десять миллионов тонн удобрений меньше.

Итак, напрашивается вывод: сельскохозяйственное производство переживает коренные, качественные изменения. Вступают в силу такие факторы, как научно обоснованное размещение различных культур по наиболее благоприятным зонам страны, комплекс эффективных приемов выращивания злаков, овощей, хлопчатника, технология возделывания зерновых на орошаемых землях. Достаточно напомнить, что Поволжье из голодной зоны на наших глазах превратилось в зону гарантированного урожая, а Крымская область, Краснодарский край, Казахстан на инженерно устроенных полях получают теперь по шестьдесят — восемьдесят и даже по сто центнеров риса.

Или взять Нечерноземье, нашу заболоченную Мещеру. И здесь даже частичные мелиоративные меры привели к резкому повышению урожайности полей, в недавнем прошлом очень бедных. У нас вот нет плана продажи зерна государству, поскольку главное в колхозе — животноводство, производство молока и мяса, а мы продаем и зерно! Но у нас традиционная культура — картофель, «второй хлеб», как называл его тот же академик Д. Н. Прянишников. Так вот, картофеля мы нынче продали в три раза больше, чем планировали! Урожай был великолепный. Звено Аграфены Филипповны Кочетовой накопало по 752 центнера клубней. Площадь в звене — десять гектаров. Это почти по гектару на человека! Я посылал агронома на ВДНХ с просьбой просмотреть в архивах выставки документы — был ли где-либо в стране такой урожай картофеля на такой площади? Нет, не был.

Наша первая бригада, где бригадиром замечательная труженица, отличный организатор Мария Петровна Хоршунова, накопала по 485 центнеров картофеля с каждого из сорока пяти гектаров. В среднем же мы получили по 374 центнера картофеля с гектара. Велика в этом заслуга людей — колхозниц и трактористов,— ставших подлинными мастерами высоких, устойчивых урожаев.

Вообще-то 1973 год у нас в колхозе сложился хорошо. Мы уже выполнили годовой план продажи мяса и молока. Продаем сверх плана. И следующий год начнем с интенсивной продажи мяса. Нынче и на корову у нас надои значительно выше, чем были. Молока дадим на две тысячи центнеров больше прошлогоднего. Недавно нам вручили Красное знамя Министерства сельского хозяйства СССР и ЦК профсоюзов работников сельского хозяйства и заготовок. Зерновые дали нам более ста пятидесяти пудов с гектара. Овощей мы продали почти вдвое больше, чем планировали. Кстати, звено А. Ф. Кочетовой не только вырастило рекордный урожай картофеля, но еще и продало шестьдесят тонн свинины; а в звене, повторяю, всего одиннадцать человек.

В заключение скажу, что наши колхозники настроены пятилетку завершить намного раньше, особенно в части продажи продукции. Такой опыт у нас есть. Мы и предыдущую, восьмую пятилетку выполнили за три года и десять месяцев. Конечно, сейчас у нас объем производства значительно возрос, у нас очень высокие обязательства. К тому же мы, как и наши соседи, пережили не только засуху 1972 года, но и жестокие лесные и торфяные пожары, понесли от них ощутимые убытки. Жизнь — сложная штука, планы зависят не только от желания людей. Но уверен, что, несмотря на серьезные испытания 1972 года, наш колхоз и нынешнюю, девятую пятилетку одолеет за четыре года в полеводстве и за четыре с половиной года в животноводстве.

Год 1973-й был в сельском хозяйстве действительно годом решающим! Теперь никак нельзя собирать зерна, картофеля, овощей и хлопка меньше, чем нынче. Успех обязывает. Успех — тоже опыт.

ТВОРЦЫ

Ушли поля под снег: северные, зауральские и сибирские еще в октябре и ноябре, а недавно лег снег и в серединной России, и в Прибалтике, и на Украине. Замели метели зябь и ковры озимых полей — миллионы, десятки миллионов гектаров. Тихо за околицей. До новой весны... Но долго еще мы все будем помнить 1973 год, его весну и лето, его вёдро и дожди, его урожай. Для селян это был рекордный год: более 215 миллионов тонн зерна намолочено на полях Страны Советов. Впервые. И в год, который никак не назовешь легким, благоприятным во всех отношениях.

Урожай дает земля. Но урожай — это дело и рук человеческих. Страна каждый день вслушивалась в имена творцов урожая-73, в имена стратегов агрономии и тактиков сева, в имена героев страдных будней.

АЛЕКСЕЙ ЛИЛЕЙЧЕНКО

Что там ни говори, но жатва — всему году венец. И герои жатвы — герои года. Такими героями нынче стали лучшие комбайнеры Ростовской и Саратовской областей. Имя Алексея Лилейченко из колхоза «Родина», Ростовской области, страна услышала впервые еще в августе. Услышала и запомнила: АЛЕКСЕЙ ЛИЛЕЙЧЕНКО намолотил почти 30 тысяч центнеров зерна! Чемпион? Чемпион, и не только Ростовской области. Думается, и не только республики. Ему и вручен переходящий приз имени знатного хлебороба Дона Афанасия Щербинского.

АННА ЧЕРЕПОВА

И там же, на Кубани, славно трудится бригада заслуженного агронома республики, Героя Социалистического Труда АННЫ ВАСИЛЬЕВНЫ ЧЕРЕПОВОЙ. Анна Васильевна—подлинный знаток жизни растений, отличный организатор и душа знаменитой бригады в колхозе «Кавказ». Более 70 центнеров ячменя с гектара взяла нынче бригада. А то, что урожай пшеницы даже в год, богатый дождями и градобитием, составил почти пятьдесят центнеров с гектара,— об этом как-то уже и не пишут: хлебостой в июне сулил больше. Анна Васильевна всякое знала, всякое помнит, поэтому она заглядывает в следующее лето: «Уверена, что наша пшеница догонит по урожайности и кукурузу и ячмень!»

МИХАИЛ КЛЕПИКОВ

Особо отличились земледельцы Российской Федерации. Не грех еще и еще раз вспомнить, что они засыпали нынче в закрома Родины почти 51 с половиной миллион тонн, или более 3 миллиардов пудов зерна! Да еще заложили на хранение 9 миллионов 350 тысяч тонн картофеля. Не менее обильные урожаи были на плантациях свеклы и кукурузы, на виноградниках и в лугах.

Кого же, кого назвать среди тысяч лучших? В каждом селе, районе, области и крае, в каждой автономной республике свои герои.

Широка слава Героя Социалистического Труда МИХАИЛА ИВАНОВИЧА КЛЕПИКОВА, бригадира прославленной четвертой бригады механизаторов из колхоза «Кубань», Усть-Лабинского района. И в этом году поля бригады дали рекордные урожаи пшеницы и свеклы. Кукурузы клепиковцы собрали по 78 центнеров с гектара.

УРОЖАЯ-73

ПЕТР ЖУРАВСКИЙ

Нынешний год запомнится тяжеловесными урожаями сахарной свеклы. Тут впереди свекловоды Украины, Российской Федерации, Киргизии.

Снова порадовал урожаем знатный свекловод Украины ПЕТР АВЕРЬЯНОВИЧ ЖУРАВСКИЙ. Он Герой Социалистического Труда и не первый год возглавляет механизированное звено в колхозе «Прогресс», Жашковского района, Черкасской области. А уборочный поток позволяет трудоемкие работы завершать быстро и без потерь.

ВАЛЕНТИНА МАМОНТОВА

Известно, что особых почестей заслужили саратовские земледельцы. У них год был очень и очень трудным: летом местами ни капли влаги, а в дни косовицы и обмолота — ливни, да еще какие! И все-таки хлеборобы Саратовской области перевыполнили обязательства, продали государству 311 миллионов пудов зерна. Добрым словом, как всегда, следует вспомнить не только агрономов, механизаторов, но и ученых, главным образом селекционеров. Саратовский хлеб — это и победа лауреата Ленинской премии, Героя Социалистического Труда, доктора сельскохозяйственных наук ВАЛЕНТИНЫ НИКОЛАЕВНЫ МАМОНТОВОЙ. Ее «саратовская-29» пользуется огромной любовью всюду, где творят мастера ярового хлеба. Но вот вышел с делянок новый перспективный сорт — «саратовская-40». Он и более урожаен и более засухоустойчив. Сегодня пока занимает несколько тысяч степных горячих гектаров, а завтра—завтра ему достанутся нивы всего Поволжья...

АЛЕКСАНДР ГИТАЛОВ

АЛЕКСАНДР ГИТАЛОВ — бригадир тракторной бригады с Кировоградщины. Дважды Герой Социалистического Труда. Для ветеранов колхозного строительства— все тот же работящий Сашко, для большинства сегодняшних механизаторов — Александр Васильевич, авторитет которого непререкаем. Отличный урожай собрала бригада и в этом году. Любопытно вспомнить, что первую звезду Героя Александр Васильевич получил за урожай ржи... 22 центнера с гектара на площади 165 гектаров. Это было в далеком 1948 году. В нынешнем, 1973 году, четверть века спустя, хлеборобы Украинской республики намолотили более 28 центнеров зерна с гектара. На круг!.. Сравните 165 гектаров и 900 тысяч гектаров. А девять областей республики — три тысячи шестьсот хозяйств — перешагнули рубеж средней урожайности в 30 центнеров. Вот что открывается за именем Александра Гиталова — золотая страница истории отечественного земледелия.

ТУЛЯН ДАДАЖАНОВ

Красивой, благодатной была нынче осень в республиках Средней Азии. Главная забота здешних земледельцев — убрать хлопок. И хлопкоробы трудились до холодов, не оставляя уборочных машин, не покладая рук.

Узбекские хлопкоробы продали на этот раз более 4 900 тысяч тонн хлопка — это больше чем когда-либо! Знатный бригадир механизированной бригады совхоза имени В. И. Ленина, Сырдарьинской области, ТУЛЯН ДАДАЖАНОВ сам собрал четырехрядной хлопкоуборочной машиной тысячу тонн хлопка-сырца. Четыре области, сорок шесть районов Узбекистана одолели 30-центнеровый рубеж урожайности хлопчатника, хозяйства 16 районов собрали по 35—40 центнеров хлопка с гектара!

САБОГУЛЬ ФАТХУДДИНОВА

Эта девушка из Таджикистана. Ее родина — Вахшская долина. САБОГУЛЬ ФАТХУДДИНОВА — последовательница Героя Социалистического Труда узбечки Турсуной Ахуновой. Сабогуль еще совсем молодой механизатор, но она уже возглавляет одну из лучших бригад в республике. А сама бригадир — чемпион Таджикской ССР среди девушек, ставших механиками-водителями хлопкоуборочных машин. Член ЦК ЛКСМ Таджикистана С. Фатхуддинова — бригадир из колхоза «Ленинград».

АФАНАСИЙ ТАУКЧИ

АФАНАСИЙ НИКОДИМОВИЧ ТАУКЧИ — виноградарь. Он Герой Социалистического Труда. Бригада Афанасия Таукчи из молдавского колхоза «Ленинский путь» больше всех в Чадыр-Лунгском районе собирает солнечных ягод. И когда бригадир приезжает в Москву на очередную сессию Верховного Совета СССР, он всегда привозит с собою волшебный напиток молдавских виноградников для друзей-хлеборобов.

ВИДМАНТАС ПУКИС

...Человек и поле. Вот они, с глазу на глаз... Любовь к земле отцов помогает лучше понять ее, помогает в борьбе за плодородие. Там, где человек, современный колхозник или работник совхоза, чувствует себя хозяином земли, там старые поля молодеют.

ВИДМАНТАС ПУКИС еще молод, но он уже признанный в Литовской ССР мастер пахоты. Совсем недавно Видмантас учился в Капляйском профтехучилище, а теперь лучший механизатор совхоза «Улюнай», Паневежского района. Работает на земле — той самой, на которой родился. Он старается — ему доверяют. А когда лучшие пахари страны собрались в пятый раз на состязание, третье призовое место занял он, Видмантас! Среди молодых механизаторов страны Видмантас Пукис на тех же Всесоюзных соревнованиях пахарей признан первым.

* * *

...Их много, их десятки тысяч — героев сельскохозяйственного года. Хотелось бы назвать всех, хотелось бы... Поименно! Их труд, их умение, их любовь к делу, к земле выражены двумя словами: год рекордный. Таким он и запомнится, уходящий 1973-й. А его герои останутся навсегда в памяти.

Б. НИКОЛАЕВ

ЯПО

Более двух месяцев в 1973 году я провел в странах Азии: в Японии, на Филиппинах, Сингапуре, в Малайзии и в Гонконге — в качестве специального корреспондента «Огонька».

В этой поездке мне всюду приходилось сталкиваться не только с замечательными техническими достижениями — особенно в Японии, но и с трагической социальной несправедливостью, не только с друзьями, которых у нас много в Азии, но и с врагами или с людьми, не желающими понимать законы развития истории, пытающимися делать ставку на изоляцию народов. Но в нашем атомном веке судьбы всех стран в той или иной степени взаимозависимы. Все континенты соединены через океаны подводными кабелями общих страданий, общей борьбы. Этим циклом стихов о Японии я хочу начать рассказ о своей поездке. Впервые я занялся в этом путешествии фотографией. Прошу читателей «Огонька» простить меня, если снимки покажутся непрофессиональными, но надеюсь, что они доскажут недосказанное в стихах.

СТАРАЯ ЯПОНИЯ

Усталостью заперта пагода губ
у сгорбленной, старой японки.
Был Будда, наверно, на внуков не скуп,
да вот разбежались потомки.

Как душу теперь умиленьем ни тешь,
не скрыть одиночества муку,
и слишком тяжелая сумка надежд
пригнула к земле ее руку.

Так долго автобус ее не идет,
но смотрит сквозь гущу народа,
как будто вся Азия пристально ждет
чего-то из-за поворота.

У дерева встала, вся в ткани до пят,
скрывающей тело, как в храме,
и словно два дерева скорби стоят,
к другу другу прижавшись телами.

Спина ее грузно к стволу прилегла,
и слиты совсем неумильно
морщины лица и морщины ствола
с морщинами целого мира.

Да, Запад есть Запад, Восток есть Восток,
местами им не поменяться,
но мать — человечества общий исток,
и матери — нация наций.

Пусть Запад есть Запад, Восток есть Восток,
цвет кожи — обман потаенный,
ведь если ребенок — зеленый росток,
повсюду он только зеленый.

В Москве или Токио за сыновей
тревожатся так же щемяще,
и слезы на Западе не солоней,
и слезы Востока не слаще.

Со стен моей совести вечно не снять,
единой обрамленных рамой,
японскую или гонконгскую мать
с моею российскою мамой.

Я всех матерей и дитя и поэт
и знаю всем духом и телом:
Востока и Запада, в сущности, нет,
а есть человечество в целом.

ТОКИО

Токио,
звездный Нью-Йорк азиатский,
рекламами бьющий в упор.
Ток его,
к телу на миг прикоснувшись,
колотит меня до сих пор.
Токио,
словно транзистор из камня, он скрежетом,
джазом, речами набит.
Токарь,
физик и гейша,
буддийский монах и бандит.
Токио,
хиппи раскосый, косматый,
а все-таки в древних гэта.
Теркою
напрочь стирает людей
и погладить умеет — зависит когда.
Токио,
ловкий барыга,
юнец-демонстрант в защитительной каске
стальной.
Толпами
он окружает на Гиндзе,
а в храмах своих — тишиной.
Токио,
призрак четвертого Рима, троцкист,
маоист,
монархист.
Топкие
эти асфальты — в трясину нечаянно
не провались!
Токио —
он забастовщик, борец
и философ под сенью седин.
Око,
дикое око,
в котором грядущее с прошлым —
хрусталик один.
Токио —
самоубийца,
себе выбирающий в лавочке меч,
тепленький,
в парке скамейку себе выбирает,
чтоб мирно прилечь.
Токио,
перенапрягшийся,
ищущий ртом пересохшим воды,
около
взлета великого,
около края беды.
Токио,
мир затопивший игрушками, —
чья же игрушка он сам?
Тикая
на миллионах запястий,
каким же он верит часам?
Токио,
Акутагаву читающий, Маркеса,
Маркса
и даже меня,
только
древние танки в душе,
словно сущность,
хрустально храня.
Токио,
не уступающий женщинам места
нигде
никогда.
Топая,
лезущий внутрь электричек,
как с боем берут города.
Токио,
кинофанатик сражений,
кровавейших драк,
отравлений,
секир.
Тоника,
джина, и виски, и сакэ, и водки
глотатель — факир.
Токио,
он самурай,
но сегодня играющий в гольф.
Тоненько,
робко он шепчет по-русски мне:
«Мой дорогой»...
Токио,
он бессердечен,
и нет у него за душой ничего.
...Екая,
бьется сердечко твое под рукой —
это нежное сердце его...

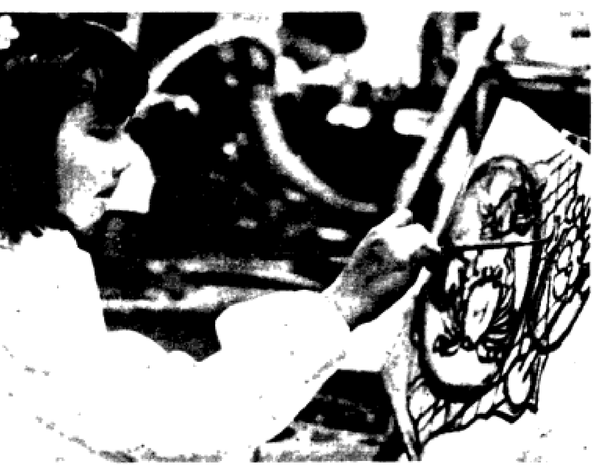
РЫБНЫЙ РЫНОК

Без лица Японии
нет лица мира.
Пусть коктейлем дьявольским
джинсов,
кимоно,
как Бродвей токийский, Гиндза изумила —
здесь лица Японии
нету все равно.
Гиндза только маска.
Гиндза только пляска,
только «Гоу-гоу»
неоновых угрей.
В галереях Гиндзы
на картинах краска —
жирная косметика,
а лицо — под ней.
Нет лица Японии
без лица рынка,
рыбного рынка
в пять часов утра.
Нет лица рынка
без лица крика,
без лица
рубящего
рыбу
топора.
Повар сам в столовке
подает закуски.
Говорит по-русски,
рюмками звеня.
Был военнопленным
он у нас в Иркутске —
рядом с моим детством —
станция Зима.
Что, отец, невесел?
Как тебя согнуло!

Н И Я...

Евгений ЕВТУШЕНКО

Рисующие дети.

Торговец в Хиросиме.

Ровесницы.

Пепел Хиросимы
на плечах навек,
но тебе в подарок,
словно ветвь сакуры,
я принес в ладонях
наш сибирский снег.
Ты в плену у памяти,
ты навеки пленный.
Ты костлявый, будто
рыба химино.
Правда всей Японии,
правда всей Вселенной,
словно химино
без кимоно.
Без лица злопамятства
нет лица злобы.
Токио, дай руку
станции Зима.
Наши два народа
так страдали оба.
Без лица страданий
нет лица ума.
Здравствуй, рыбный рынок,
в лампочках икринок,
Гиндза океана,
ветра и зари!
Без лица заботы
нет лица работы,
без лица работы
нет лица земли.
Здесь не любят люди
хама и жадюгу.
Продавать такому —
небольшая честь.
Люди есть на свете,
словно рыбы фугу —
надо чисто вымыть, прежде чем их есть.
В брюках рыбы фугу
ходят с важным взглядом:
«Это мы — Япония,
это мы — страна».
Ну, а в людях рынка
нет ни капли яда.
Чешуя на фартуках —
вот их ордена.
Взмок аукционщик — пламенный оратор.
Вверх взлетают руки
старцев и юнцов,
будто голосуют, как
за лучших кандидатов,
лишь за независимых тунцов.
Грузчики смеются,
шуточки рассказывают.
Продают здесь рыбу,
но не совесть, не страну.
Столько льда, как будто
на куски раскалывают
для храненья рыбы
«холодную войну».
Вот лицо рынка,
рынка — не пройдохи,
рынка-работяги,
рынка-мудреца.
Без лица такого,
без лица эпохи
у меня не будет
моего лица.

ГОРБ ЯПОНСКОЙ ЖЕНЩИНЫ

У японской женщины есть горб.
Он пищит,
сознаньем жизни горд.
Горб глазаст.
Качаясь на весу,
ковыряет пальчиком в носу,
и ножонки,
кривы и тонки,
весело
колотят
в позвонки.
Важен горб,
как маленький микадо.
Быть горбатой —
это муки ада,
но гордятся в городе любом
женщины Японии горбом.
Горб японской женщины,
расти!
Спрыгни
со спины
усталой мамы
и шагай,
но помни —
на пути
тень лежит от хиросимской драмы.
Юноша,
пробей все стены лбом,
чтоб не повторилась Хиросима,
но не позабудь —
ты был горбом
матери,
молившейся за сына.
И среди горбов японских гор,
спящих лишь притворно безмятежно,
будущее — это тяжкий горб,
но счастливый,
ибо в нем надежда.

ОГОНЕК

Пела юность Японии
о прошедшей войне,
и смоленское полымя
колыхалось в окне.

Эти девушки, юноши
от Руси вдалеке
пели русскую, вьюжную
на своем языке.

И звучало не деланно,
а родным до конца:
«На позицию девушка
провожала бойца».

Наплывало российское,
как ромашек пыльца:
«Поздней ночью простилася
у родного крыльца».

Пиво сдержанно пенилось,
и в кафе над столом
иероглифы песенников
наливались огнем.

И пока за туманами
видеть мог паренек,
память с давними ранами
вновь пришла на порог.

Встало с робкой заминкою
здесь, в токийском кафе,
мое детство зиминское
с латкой на рукаве.

Руку добрую подали
детству множество рук.
И Россией Япония
показалась мне вдруг.

Нас врагами не сделала
никакая война.
Жизнь людей нераздельная
и к тому же одна.

Эти девушки подняли
русский простенький стих,
словно вишни Японии
в белых платьях своих.

За студенческой выпивкой,
слыша грохот вдали,
я встаю с полной выкладкой
всех страданий земли.

И японка, по-сестрински
у дверей осеня,
на позиции совести
провожает меня.

Надо вместе надеяться,
чтобы не одинок
на окошке на девичьем
все горел огонек.

УДАЧА-САН

Что ты плачешь,
капиталист,
пьяный Савва Морозов из Токио?
Твои слезы,
такие жестокие,
из блуждающих глаз прорвались.
Почему ты так мрачно пьян,
тот,
кого и на бирже всевластной
называют
Удача-сан
с тайной завистью подобострастной?
Ты с банкета
со мною удрал
под услужливым чьим-то зонтиком.
Те мильоны,
что ты урвал,
оказались дерьмом,
а не золотом.
От сивушного пота рябой,
распоясавшись,
в съехавшем галстуке,
ты себя ощущаешь собой
только в грязной пустой забегаловке.
Припадая хозяйке на грудь,
обрисованную так выпукло,
просишь выпить чего-нибудь,
не заметив,
что подана выпивка.
Что ты плачешь,
капиталист,
водку рыбой сырой заедая?
Небоскребы твои поднялись,
космос крышами
задевая.
Говорят, у тебя есть двойник,
спит с женою твоей —
работенка!
Что ни буркнешь,
печатает вмиг
твоя собственная газетенка.
Ты скупаешь бокситы и джут.
Всем торгуешь ты — брюками, брюквами.
Твои кони под Саппоро ржут,
твои свиньи под Осакой хрюкают.
Когда Мао ты принят был,
то и там,
чаепития кроме,
от него позвонить не забыл:
как там, в Токио,
на ипподроме?
Днем ты вкалываешь,
надев очки,
ну а вечером
прыгают бойкенько
из Австралий и Франций девочки
на циновку твою
прямо с «боингов».
«Я работаю!
Я человек!» —
ты кричишь с жемчугами
на запонках,
но себя обокрал ты навек
тем, что столько тобою захапано.
Недоверье к друзьям,
свербя,
твою душу съедает зуденьем.
Если кто и полюбит тебя,
заподозришь:
«Ага, из-за денег».
В забегаловке голубой
ты не знаешь, провидец незрячий,
ставят рюмки
перед тобой
или перед твоею удачей.
И ты в зеркале видишь сам
хорошо — аж по коже мурашки! —
как ты плачешь,
Удача-сан,
над удачей,
тебя обокравшей...

ПЬЯНАЯ КОРОВА

Корова
пила
пиво —
отплевывалась,
но пила.
Ясно корове было:
плохи ее дела.
Корова
пила
в страхе.
Сторож,
кукольно мал,
липкой бутылкой «Асахи»
зубы ей разжимал.
В городе Мацудзака
в стенах мясного замка
сервис убийства хитер:
пиво,
массаж,
топор.
Вздрогни, старик,—
это подлость.
Участь коровы страшна.
Ты ведь такой же японец,
как и японка она.
Дай ей простой половы,
дай ей простой травы...
Были бы хоть коровы
в спившемся мире трезвы!
Корова
навзрыд
голосила,
пьяно качалась она.
Как черный дым Хиросимы,
была ее шерсть черна.
Стоны ее колебали
мрачный коровий храм.
Шар земной
прогибали
ее семьсот килограмм.
Сентиментальны люди,
впрочем,
только тогда,
если еще не на блюде
тепленькая еда.
После коровьего рая
ели мы в поте лица,
палочками цепляя
нежные ломти мясца.
Гордым был взгляд хозяйки.
Помнит она до сих пор,
как похвалил «сукияки»
Бонда игравший актер.
И крикнул
с лицом багровым
пьяница из-за стола:
«Выпьем,
друзья,
за корову,
которая тоже пила!
Чем же мы все не коровы,
если нам кто-то льет
с возгласом
«Будьте здоровы!»
сакэ и пиво в рот?
Сено жевать — это серость.
Опыт коров и наш —
перед убийством сервис —
выпивка и массаж.
Там, где с людьми поступают,
будто бы с пьющим скотом,
тот, кто в борьбу не вступает,
жертвою станет потом.
Если корова стонет —
дешево стоит она.
Мясом корова станет —
сразу взлетает цена.
Встанем с циновок сурово.
Братья,
допьем в тишине
то, что сестра-корова
оставила нам на дне.
В этом раю счастливом,
пьянством пропахшем насквозь,
даже мы плачем пивом,
пивом похмельных слез
о нашей дешевой жизни,
о пьянстве в предсмертный час,
о нашей дороговизне,
когда убивают нас».

ПУСТОЙ РУКАВ

Он стоит,
инвалид войны,
в белом весь,
возле храма буддийского.
Кружку держит
рукою единственной,
но монеты внутри не слышны.
Знак он делает,
чтобы «гайджин» [1]
не глазел,
объективом уставясь,
и угрюмы траншеи морщин,
где навек окопалась усталость.
И пустой рукав его свис,
горько видя,
как суетно,
загнанно
ищут в Азии
жизни смысл
инвалиды духовные Запада.
Приезжать с Елисейских полей
Будде кланяться —
модное веянье...
Инвалид войны,
пожалей
инвалидов мирного времени.
И жалеет рукав пустой
тех, кто стали без бомб инвалидами,
тех,
кто ранены нищетой
и отравлены телевидением.
И грустит одиноко
рукав
посреди молодых поколений.
Рядом с ним
детворе для забав
продают надувных оленей.
Им,
резиновым,
видно, лень
приласкаться —
хотя бы для виду.
Но подходит другой олень —
настоящий олень к инвалиду.
И, на задних копытцах привстав,
словно солнце Ниппона рыжий,

[1] Гайджин — иностранец.

одинокий пустой рукав
он,
как руку живую, лижет...

ДИАЛОГ

Сосед по чаепитью был делок,
одновременно пианист-любитель.
Стараясь гостя в споре не обидеть,
«Я азиат...—
он начал диалог,—
И этим я горжусь!»
Как будто к тайне,
он прикоснулся к чашке,
потянул,
и галстук от Диора
на татами [2],
как знак вопроса,
царственно швырнул.
«С презрением словечко «азиат»
звучало на устах у всей Европы.
Взгляд Азии,
терпевшей всех поклепы,
был мстительно при этом косоват.
Япония взвалила на себя,
не избежав,
как помнит мир,
коварства,
все европейство,
все американство,
однако
свои корни не рубя.
Еще покуда не отморосили
отравленные тучи на цветы,
на погребальном пепле Хиросимы
транзисторы всходили,
как цветы.
Япония,
ты стала той страной,
в чьей силе — перепрыгнуть,
переплюнуть,
и ахнула Европа перед плюхой —
японской электронной пятерней.
И у иных американцев страх,
что, вдруг полуочухавшись спросонья,
нервически крутя японский «Сони»,
Америка про свой узнает крах...»
Он бережно пробор свой причесал
и мне сказал:
«Ценю вас, как поэта,
но вы, простите, Евтушенко-сан,
центр мира будет в Токио —
не где-то».
Он был неглупым даже во хмелю,
но я заметил жесты полководца
и главное — то чувство превосходства,
которое я в людях не люблю.
И я ответил вежливо тогда:
«Центр мира — это мир,
все страны сразу.
Я верю в человеческую расу —
такой расизм,
надеюсь,
не беда.
Нет, европейством я не ерепенюсь.
Американство?
Я не так богат.
Я русский —
то есть полуевропеец,
я русский —
то есть полуазиат.

Но я люблю и Кремль,
и Нотр Дам,
и огненный Бродвей,
и храм в Киото.
Я не хочу сверхвозвышать кого-то,
но никого унизить я не дам.
Презрение к другой стране —
позор
любой страны,
пусть самой восходящей.
Меня поймет японец настоящий,
но не поймет политикан-позер.
Не надо мир опять тащить назад,

[2] Татами — циновка.

Место, где упала бомба.

Влюбленные у храма.

Фото Е. Евтушенко.

уподобляясь европейцам чванным,
которые с величием жеманным
надменно говорили:
«Азиат».
В таком лжепревосходстве — гниль ума,
но и наоборотную надменность
с достоинством отвергну современность,
отвергни ты, Япония,
сама!
Европу переплюнуть не робей,
но пусть в нее ты плюнуть возробеешь.
Беда, когда хотя б в душе своей
с презрением ты скажешь: «Европеец...»
Чай был хорош.
Жасмином пах дымок.
Дискуссию изящной шуткой кончивши,
японец перевел наш диалог
на Шостаковича.
Потом встряхнулся,
на часы взглянул.
Сказал: «Не бойтесь, я не склонен
к догмам».
И галстук от Диора затянул
опять на шее,
как петлю,
со вздохом.

ВСЕГДА В ОПАСНОСТИ ЛЮБОВЬ

«Всегда в опасности любовь», —
сказала мне одна японка,
и сразу замерла эпоха
стрипгерлс и атомных грибов,
и замер, полусняв штаны,
над полугейшею туристик,
и замер на сакуре листик,
дрожащий за судьбу страны.
Застыл юнец-полудитя,
спеша на фильм «Секс у животных»,
и столько пальцев, жирных, потных,
застыли, йенами хрустя.
Застыли миллионы губ
от поцелуя в миллиметре.
Застыл на голых бедрах смерти
экватор, словно хула-хуп.
Мир всепланетно обручен
одним и тем же страшным риском.
Застыли палочки над рисом
и где-то ложки над борщом.
В Камбодже бомбу на траве,
застыв, обнюхивали змеи,
и за секунду до измены
ты, вздрогнув, замерла в Москве.

И замер я на полпути
в старинном городе Киото,
где я опять искал кого-то,
забыв себя в себе найти.
Итак, все замерло вокруг.
Но, словно время их настало,
шагнули Будды с пьедесталов,
пыль отряхая с ржавых рук.

Неузнаваемы почти
сквозь рынки, бары, рестораны,
как бронзовые демонстранты,
они колоннами пошли.
Шли мимо пластиковых блюд,
игральных шариков азартных
и телевизоров пузатых,
как мимо новых лживых будд.
Сквозь позолоту тяжких лбов
морщины Будд заметны были.
В руках у Будд плакаты плыли:
«Всегда в опасности любовь».

Всегда в опасности весь мир,
где по костям гэта ступают,
где и в тазах детей купают
среди невыловленных мин.
Всегда в опасности поэт,
когда живет он безопасно,
когда ему все мнимо ясно
и страха за людей в нем нет.
Прикручен шар земной ко мне.
Я, как усталая японка,
весь мир таскаю, как ребенка
рыдающего, на спине.

ОТ СЕРДЦ

Развитие культурного сотрудничества братских социалистических стран происходит в тесной связи с процессом социалистической экономической интеграции. Специальный корреспондент «Огонька» Д. Большов беседует с МИНИСТРОМ КУЛЬТУРЫ ГДР ТОВАРИЩЕМ ГАНСОМ-ИОАХИМОМ ГОФМАНОМ.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Успешное сотрудничество братских стран в решении важнейших политических, экономических, научно-технических и культурных задач уже дало свои немалые результаты. На состоявшейся в конце июля этого года встрече в Крыму руководителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран было отмечено важное значение развития процесса социалистической экономической интеграции.

Закономерно, что на основе все более и более крепнущей материально-технической, экономической базы происходят и соответствующие изменения в сфере сознания народов социалистических стран, и эти изменения имеют ряд общих сторон, которые складываются также и под влиянием социалистической экономической интеграции.

Какое отражение находит дальнейшее укрепление братского сотрудничества социалистических стран в культурной жизни ГДР?

МИНИСТР. Несомненно глубокое воздействие социалистической экономической интеграции также и на сотрудничество братских стран в области культуры. Весьма примечательным для этого нашего сотрудничества является все более наглядное проявление интернационального характера социалистических культуры и искусства. Сознание, чувства и взаимоотношения людей в социалистическом обществе формируются не только под влиянием успехов своей собственной страны, но и в результате укрепления всей системы социализма, развития мирового революционного движения. Мы стремимся активно поддерживать происходящий внутри социалистического содружества процесс интеграции и всемерно способствовать раскрытию всего богатства нашей культуры, многонациональной советской культуры, культур других братских социалистических стран, стремимся сделать это богатство прочным завоеванием, прочной составной частью духовной жизни рабочего класса, всех трудящихся республики.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Владимир Ильич Ленин обращал очень серьезное внимание на необходимость учитывать особенности становления социализма в разных странах. Одновременно, как известно, Ленин боролся против национальной узости, замкнутости, обособленности.

В наши дни уже повседневная практика показывает, что общее в развитии культур социалистических стран имеет реальную, объективную основу. Как сегодня в искусстве ГДР осуществляется гармоническое сочетание национальных и интернациональных интересов?

МИНИСТР. Я хотел бы подчеркнуть, что интернациональный характер нашего искусства, интерес граждан республики к познанию и освоению культуры Советского Союза и других братских социалистических стран с особенной силой проявились со времени VIII съезда нашей партии. Культура и искусство братских стран стали прочной составной частью нашей духовной жизни. Они оказывают существенное влияние на социалистическое воспитание граждан. В этих условиях распространение и популяризацию достижений советского искусства мы тесно связываем с традициями революционного немецкого рабочего движения, стремимся продолжать и развивать эти традиции.

Я хотел бы подчеркнуть еще и следующее: сегодня немыслимо представить развитие художественного творчества, литературы и искусства в нашей республике без постоянного влияния культуры братских социалистических стран. Мы рассматриваем эти тесные связи как величайшее достижение в истории нашего народа.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Интернациональное воспитание действительно неразрывно связано с сохранением и приумножением традиций революционной борьбы. Как раскрывается эта тематика в современном искусстве ГДР, какова роль здесь молодых писателей и художников?

МИНИСТР. Неизменным курсом политики СЕПГ и правительства ГДР была, есть и всегда будет дружба с Советским Союзом. Навечно остается для нас незабываемым то, что совершил советский народ и его прославленная армия для освобождения нашего народа от фашизма. Эта дружба навсегда остается основным условием и предпосылкой осуществления жизненных интересов рабочего класса и всех граждан ГДР при построении социализма и коммунизма. Я уверен, мы можем сказать: наши литература и искусство в значительной степени способствовали тому, что сегодня эта дружба является делом сердца всех классов и слоев населения республики. Под знаком этой дружбы с самого начала велась как антифашистская борьба нашего народа, так и борьба за его социалистические завоевания.

К пониманию того, как важна эта дружба, творческие работники ГДР пришли также и в процессе осмысления нашего исторического прошлого.

В 1969—1970 годах в нашей литературе довольно сильно проявилась тенденция вновь обратиться к тематике военных и послевоенных лет, взглянуть на историю с высот развитого социалистического общества. Я вспоминаю в связи с этим романы: Петера Эделя «Показания свидетеля Шаттмана», Мартина Фиртеля «Святой Урбан», Иоахима Кнаппе «Береза там наверху» или книгу Юрека Бекера «Лжец Якоб». Эта тенденция продолжается в течение последних двух лет прежде всего в работах молодых авторов, которые в те времена были еще детьми, а то и вовсе не родились. Здесь можно назвать такие произведения молодых, как «Михаил» Шлезингера, «Наследство генерала» Фрица Гофмана, «Выстрел Ноева ковчега» Петера Абрахама.

Творчество Анны Зегерс — я имею в виду в данном случае ее повесть «Через океан» — обогащает эту тенденцию новым качеством, придает ей как бы новый масштаб.

Интересным представляется то, что манера и метод, подход к рассмотрению прошлого с точки зрения сегодняшнего дня значительно отличаются от тех, которые мы находим в книгах пятнадцатилетней давности, написанных Дитером Ноллем, Максом Вальтером Шульцем, Бруно Апитцем. Этих авторов прежде всего интересовал вопрос, как это могло случиться, что фашизму в преступных целях удалось ввести в заблуждение огромное большинство немецкого народа. Сегодня же художественное исследование прошлого ставится в более тесную взаимосвязь с проблемами нашей современности, в особенности, например, с проблемой ответственности личности в социалистическом обществе.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Это очень интересная тема — художественное освоение нынешней молодежью прошлого. Несомненно, как вы это и подчеркиваете, молодежь волнуют вопросы ответственности каждого в условиях социализма.

Интересно было бы уточнить все же, в чем конкретно проявляется отмеченная вами специфика подхода современной молодой литературы ГДР и ее авторов к проблемам прошлого по сравнению с упомянутыми выше произведениями пятнадцатилетней давности.

МИНИСТР. Я представляю это себе таким образом: один из выводов, который должен быть сделан для современности из осуждения фашистского прошлого, наши писатели видят сегодня также и в постоянном возрастании ответственности каждого перед обществом. Это, безусловно, будет способствовать еще более своевременному познанию и преодолению с помощью всего общества возникающих противоречий и негативных тенденций.

В этой связи я хотел бы еще коротко отметить совсем недавно вышедший в свет второй том «Чудодея» Эрвина Штриттматера. Это произведение ценно тем, что автору удалось талантливо, с большой художественной убедительностью раскрыть на фоне широкой картины событий 1946—1949 годов развитие характера его главного героя — Станислава Бюднера, его перехода на позиции революционного рабочего движения и партии рабочего класса. Это произведение показывает, что именно стремится извлечь из исторического материала наша современная литература.

Мы рассматриваем такого рода произведения как органическое продолжение антифашистских традиций нашего искусства и как жизненно необходимый вклад во все более глубокое изучение и объяснение исторических событий.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Не могли бы вы привести конкретные примеры из опыта ГДР, свидетельствующие о взаимном обогащении культур стран содружества?

МИНИСТР. Вот некоторые факты, некоторые примеры из практики 1972 года:

из общего числа переведенных у нас книг 65 процентов — и по названиям и по тиражу — произведения авторов из социалистических стран;

около 80 процентов деятелей культуры и художников, приезжавших в ГДР, представляли мир социализма;

более 90 процентов творческих командировок наших писателей, художников, искусствоведов были в братские страны;

из всех иностранных выставок — 75 процентов представляли искусство социалистических стран;

все импортируемые детские и короткометражные фильмы и около 60 процентов импортируемых художественных фильмов произведены в социалистических странах.

Мы всячески приветствуем заключение долгосрочных соглашений о планах культурного сотрудничества, которые уже существуют у нас как с Советским Союзом, так и с рядом других братских социалистических стран. Очень плодотворны для взаимного обогащения культур проводимые у нас дни советского театра, фестивали советских кино- и телефильмов, дни музыки ГДР в Социалистической Республике Румынии или — болгарского театра в ГДР, праздники дружбы и культуры, которые проводятся с отдельными областями Польской Народной Республики и ЧССР.

В такого рода мероприятиях я вижу прежде всего общие цели в развитии духовной жизни братских стран, вижу те тенденции, которые мы можем назвать характерными для нашей совместной работы.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Существуют ли, с вашей точки зрения, сложности в развитии культуры, сложности, которые обусловлены масштабностью и новизной задач культурного строительства?

А К СЕРДЦУ

МИНИСТР. Культура и искусство социалистического общества призваны найти свое применение не в какой-то узко ограниченной области, а служить всему народу, исходя из общности жизненных условий и устремлений рабочего класса и всех трудящихся. Речь идет поэтому о создании таких материальных и культурных ценностей, которые помогли бы людям стать образованными и убежденными строителями социализма. В этом-то и состоит та сложность, о которой вы говорите. Я думаю, мы вполне можем исходить из того, что интересы личности и интересы общества находятся у нас в принципиальном соответствии. Существует, однако, еще немало проблем, которые должны быть решены, чтобы обеспечить постоянную возможность устранения возникающих в процессе нашего развития противоречий.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Какие именно противоречия вы имеете в виду?

МИНИСТР. Я думаю, например, о быстро растущих духовных и культурных потребностях наших трудящихся и имеющихся у нас на каждом данном этапе материальных возможностях их удовлетворения. Нельзя не замечать и того, как соотношение между конкретными, индивидуальными желаниями личностей и необходимыми общественными потребностями могут подчас еще выступать и как противоречия. Ведь именно так и происходит, если индивидуальные желания находят свое выражение в имеющем еще место индивидуалистическом и эгоистическом поведении, что не соответствует новым масштабам социалистических общественных отношений в рабочем коллективе, в общественной жизни, в семье и в личном окружении.

Мы должны постоянно иметь в виду и те антагонизмы, которые вытекают из основных противоречий нашей эпохи, из происходящей на международной арене классовой борьбы. В таких условиях искусство должно быть использовано для разоблачения антигуманистического характера империализма, его преступных целей, намерений и происков.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Какое отражение находит в литературе, театре, кино и других видах искусства тема жизни и труда рабочего класса, его ведущей роли в социалистическом обществе?

МИНИСТР. В центре внимания творческих устремлений многих наших художников по праву находится образ активного строителя социализма, прежде всего представителя рабочего класса.

Возьмем в качестве примера литературу. Преимущественное внимание писателей в их творческих поисках вполне определенно обращено к теме руководящей роли рабочего класса и его партии, союза рабочего класса с крестьянством, со всеми слоями населения. Эта тематика оказывает определяющее влияние и на ансамбль героев и на характер конфликтов. Во многих произведениях находят свое художественное отображение отношения людей к освобожденному труду, его влияние на развитие личности. Сложившееся примерно в середине 60-х годов в нашей литературе направление, для которого характерно довольно отчетливо выраженное внимание к проблематике жизни в условиях социализма, непрерывно набирает силу. Из появившихся тогда произведений я мог бы назвать такие, как «Оле Бинкоп» Эрвина Штриттматера, «След камней» Эрика Нойча, «Доверие» Анны Зегерс. Сегодня к ним прибавились новые работы Германа Канта, Фолькера Брауна, Карла-Хейнца Якобса, Эдит Моргнер и других. Эти новые произведения явно свидетельствуют о том, что наши писатели, особенно со времени VIII съезда партии, еще более усилили свои творческие поиски в отмеченном выше направлении. Так, например, Эрик Нойч в своем совсем недавно вышедшем романе «В поисках Гатта» предпринял попытку проследить жизнь рабочего в течение двух десятилетий строительства социализма в нашей стране и показать, как на пути полной острых конфликтов борьбы, побед и поражений этот рабочий пришел к пониманию единства своих личных интересов с делом своего класса.

Результаты проведенного центральным органом нашей партии, газетой «Нойес Дойчланд», опроса среди писателей об их творческих планах дают все основания ожидать, что мы в скором времени встретимся с новыми интересными произведениями таких авторов, как Бенито Вогатский, Герберт Отто, Иоахим Новотный, Герберт Нахбар и другие.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Какие стороны социалистического искусства, раскрывающие его гуманистические традиции, вы считаете необходимым подчеркнуть?

МИНИСТР. Я хотел бы еще раз обратить внимание на углубление интернационального характера нашего социалистического искусства и в особенности на взаимное влияние и взаимное обогащение искусств братских стран. По-моему, было бы правильным полагать, что интернациональный характер нашего искусства в конечном счете зависит от того, с какой идейной глубиной, приверженностью принципам партийности и народности искусства основные закономерности нашей эпохи раскрываются в человеческих судьбах, с какой выразительностью создается осмысленная с позиций социалистического гуманизма картина человечества. Я думаю, что с такой точки зрения вполне объяснимо огромное интернациональное влияние таких произведений, как «Судьба человека» Михаила Шолохова, «Живые и мертвые» Константина Симонова, «Прощай, Гульсары!», «Белый пароход» Чингиза Айтматова.

В этом смысле и наша литература последних двух десятилетий прозой Зегерс, Апитца, Канта, Нолля, Штриттматера, поэзией Брауна, Фюмана, Калау, Маурера, Прейслера, драмами Хакса и Керндля и многими другими произведениями внесла свой вклад в интернациональную социалистическую литературу.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Расскажите, пожалуйста, какое отражение в искусстве вашей страны находит притягательная сила социализма, его превосходство в области нравственной, культурной, чувство гордости строителей социализма своими прогрессивными традициями.

МИНИСТР. Я хотел бы здесь особо остановиться на одном аспекте этого вопроса. Наше искусство развивается в условиях постоянной идеологической борьбы против различных реакционных направлений в искусстве капиталистических стран, против оппортунистической расплывчатости, против правого и левого ревизионизма. В особенности это проявляется в обстановке постоянной и непосредственной конфронтации с западногерманским капитализмом. Такая боевая, принципиальная позиция является существенной характеристикой развития всего нашего, как и вообще всего социалистического, искусства. С 1945 года демократические, гуманистические и социалистические элементы культуры становятся у нас господствующими. Они представляют культуру и искусство победившего рабочего класса, в то время как в ФРГ до сих пор господствует реакционная буржуазная культура. В этом-то и заключается наше принципиальное преимущество, и речь идет о том, чтобы в ведущейся день за днем идеологической борьбе его постоянно приумножать и создавать на основе собственных убедительных достижений единственно возможную альтернативу угасающей буржуазной культуре.

Замечательным примером в этом отношении был для нас X Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Именно здесь было наглядно показано, что наше интернациональное воспитание, атмосфера дружеской заботы о развитии искусства и поддержка гуманистических традиций мировой культуры принесли прекрасные плоды. Наша молодежь, как и все население столицы, продемонстрировала тонкое понимание демократической, гуманистической и социалистической культуры других народов и континентов.

Модернистский рыночный товар, фальшивые подделки под фольклор нашли лишь очень небольшой резонанс. Восторженное же одобрение получило все то, что отвечало достоинству человека, его гордости, его исторически обоснованному оптимизму, его уверенности в будущем.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Партийность искусства предполагает его высокое мастерство, талантливость художника. Ведь только талантливое произведение способно средствами искусства донести зрителю, читателю, слушателю высокие идеи и вызвать благодарную эстетическую реакцию. Но бывает подчас и так, что пьеса или, например, кинофильм по своей политической направленности верны, а интерес зрителя привлечь не могут. Бывает, конечно, и наоборот — и актеры хороши, и снят фильм профессионально и со вкусом, а по проблематике своей мелок. Настоящая партийность — в неразрывном слиянии идейности и художественности. Интересен в этом отношении опыт искусства ГДР.

МИНИСТР. Вопросы художественного мастерства, или, как вы говорите, неразрывного слияния идейности и художественности, являются у нас весьма актуальными. Социалистическому обществу, безусловно, нужно искусство, удовлетворяющее самым высоким эстетическим критериям. Но ведь художественная деятельность требует очень серьезной работы. Она нуждается в определенной обстановке поддержки ее обществом, заинтересованности в ней общества, обстановке, способствующей росту творческой инициативы и энергии художника.

Решения VIII съезда нашей партии способствуют созданию именно таких условий деятельности художественной интеллигенции. Министерство культуры считает задачей первостепенной важности активно содействовать созданию такой атмосферы заинтересованности в развитии искусства, которая явилась бы плодородной почвой для высокого, тесно связанного с народом искусства, условием совершенствования художественного мастерства. Очень важно для этого всячески поощрять тесные и плодотворные связи художников с рабочими коллективами. Такие связи, несомненно, оказывают глубокое влияние и на формирование мировоззрения художников, на дальнейшее развитие гармонического сочетания их творческих устремлений с целями развитого социалистического общества. Мы стремимся помочь творческой интеллигенции еще глубже познать руководящую роль рабочего класса как объективную закономерность нашей жизни.

Поэтому мы постоянно в духе ленинских традиций заботимся о новых талантах, об их запросах, их нуждах, бережно помогаем им в творческом росте, сочетая при этом большую терпимость с принципиальностью. Все это, по нашему мнению, безусловно, создает необходимые предпосылки для дальнейшего роста художественного мастерства.

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

МАКС ШВАБИНСКИЙ

1973 год... Осень. Вся Прага в плакатах — на золотом фоне мужской строгий профиль. Энергичный, крутолобый. Кудрявая грива волос. Тонкий нос с горбинкой. Острый взгляд чуть прищуренных глаз. Осанка спокойна и полна достоинства, благородства. Открытое лицо говорит о прямодушии и честности. Он прост. Что-то в нем от рабочего, мастерового... Сила и верность в каждой черте его характера. Это Макс Швабинский. Художник. Гордость Чехословакии... Плакат выпущен к столетнему юбилею со дня рождения мастера. День этот отмечает вся страна, весь мир.

Сентябрь. Кованая старая бронза осени. Черная бездна звездной мги. Ломкая льдинка молодого месяца. Острые скалы храмов. Готика. Каменная песня средневековья. Тяжелые, темные от смога скульптуры Карлова моста. Легкие, прозрачные купола соборов. Барокко... Колдовской силуэт Градчан, словно выплывающий из облаков. Серебряный простор Влтавы. Розовая парабола в бирюзовом небе — след самолета. Звуки юных шагов по истертым плитам мостовой... Стремительный полет флагов.

...Мы едем в город Кромержиж, где развернута юбилейная выставка из произведений Швабинского.

Ганацкие Афины... Такое гордое название носит Кромержиж. Город на Мораве, заложенный в двенадцатом веке, один из культурных центров Чехии.

Однажды давным-давно крупнейший чешский художник Йозеф Манес посетил Кромержиж. Это было в 1848 году. Живописец путешествовал по Моравии. Изучал быт, обычаи, костюмы... Эта поездка немало способствовала становлению Манеса — мастера, воспевшего жизнь народа своей страны. Его замечательное творчество во многом определило дальнейшее развитие реалистической станковой национальной живописи, и его недаром называли учителем большинства художников XIX века в Чехословакии...

Надо же было случиться, что в 1873 году именно в Кромержиже ровно через двадцать пять лет после посещения города знаменитым Манесом на свет появился малыш, которому было предопределено продолжить и развить дело Манеса...

Дебелая, румяная повитуха едва ли предполагала, что именно этот новорожденный станет одним из самых ярких художников Европы. Откуда было знать простой акушерке, принявшей на своем веку не одну сотню детей, что именно этот громко пищавший карапуз, родившийся 17 сентября 1873 года и нареченный вскоре Максом, впоследствии создаст творения, которыми возвеличит искусство своей родины и обессмертит себя... И что именно его юбилей будут так торжественно праздновать через сто лет все его соплеменники. Впрочем, не только земляки. Всемирный Совет Мира и ЮНЕСКО включили день рождения великого художника в знаменательные даты 1973 года.

Итак, мы спешим на родину Швабинского, на его юбилейную выставку...

Кромержиж... Утро. Тишина. Прохладная лазурь осеннего высокого неба. Косые лучи бледного солнца заставляют согласно петь чистые краски древнего города. Внезапно тишину и безмятежность разбудил хрустальный звон курантов. Заговорила старинная башня ратуши, и ровно через мгновение на этот мелодичный зов ответил старый замок. Но это было лишь миг. Еще не прозвучал последний, девятый, удар часов, как это состояние раздумья и благости взорвал грохот и треск мотоциклов. Молодые парни в желтых и оранжевых шлемах, подобно розовым и фиолетовым диковинным осам (так тонко были перехвачены у них талии), низко пригнувшись к рулям своих машин, носились по мостовой, оглушая всех и вся... Это наваждение длилось минуту. Пестрый мираж исчез так же быстро, как появился. Остался только запах угара. И снова тишина покорила площадь. Ветер донес издалека звуки музыки. Оркестр играл Гайдна. По вековой брусчатке прошли девушки в туфлях на модных платформах. Цокот их каблуков разнесло эхо. И снова пробили куранты... Осенний свежий ветер колышет чехословацкие и советские флаги. Страна отмечает годовщину словацкого восстания. Над ажурным, резным флюгером старой ратуши блеснула серебряная птица. «ИЛ-62» прокладывал новую трассу... Век контрастов, век двадцатый... Старый квартал. Улочка, узкая, как коридор. Тесно прижавшись друг к другу, стоят домики-шкатулки. Резные, расписные... Из темного, почти черного квадрата окна двухэтажного особнячка выглядывает, как из рамы старинного холста, красавица в сиреневом парике, эдакая Коппелия XX века. Загадочная. С перламутровой улыбкой на восково-бледном лице. В лиловом платье. Ее тонкая рука в белой перчатке держит желтый цветок.

Рядом с этим домиком-шкатулкой, совсем в двух шагах — скромное здание в четыре окна. На нем мемориальная доска с барельефом Швабинского. В этом двухэтажном домике родился мастер...

Центральная площадь Кромержижа. Около здания выставки на стоянке — добрая дюжина туристских автобусов, много машин... У входа людно. Молодежь, старики, дети, целые семьи пришли на встречу с прекрасным. Открывает экспозицию скульптурный портрет Швабинского, исполненный его большим, верным другом — скульптором Яном Штурсой.

Просторные, светлые залы... Картины, эстампы, рисунки... На втором этаже монументальные работы — панно, эскизы росписей. Картоны для витражей и мозаик... Могучее дарование Швабинского раскрылось во всю мощь на этой выставке... Должен признаться, что мне довелось видеть лишь одну экспозицию работ мастера в Москве, в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Это было великолепное собрание офортов, литографий, рисунков, ксилографий... Помню, каким успехом пользовался у москвичей портрет Юлиуса Фучика. Но то, что я увидел в Кромержиже, превзошло все ожидания. Предо мною во всем великолепии предстал бесконечно добрый и сильный мастер, любивший свой народ и свою страну.

Швабинский — прирожденный реалист. Если в самых ранних его живописных композициях чувствуется некое влияние прерафаэлитов, то с годами могучее реалистическое дарование побеждает это воздействие и вовсе высвобождается изначальное, простое, ясное и необычайно крепкое и здоровое видение мира. Поражает у художника его виртуозное владение рисунком буквально с самых первых листов, выполненных пером либо углем. Восхищает блистательное чувство формы, силуэта, тона... Но, что особенно удивляет в его манере рисовать,— это поистине рембрандтовская маэстрия во владении магией светотени, то поистине колдовское качество, которое заставляет жить каждый штрих, каждый объем изображения.

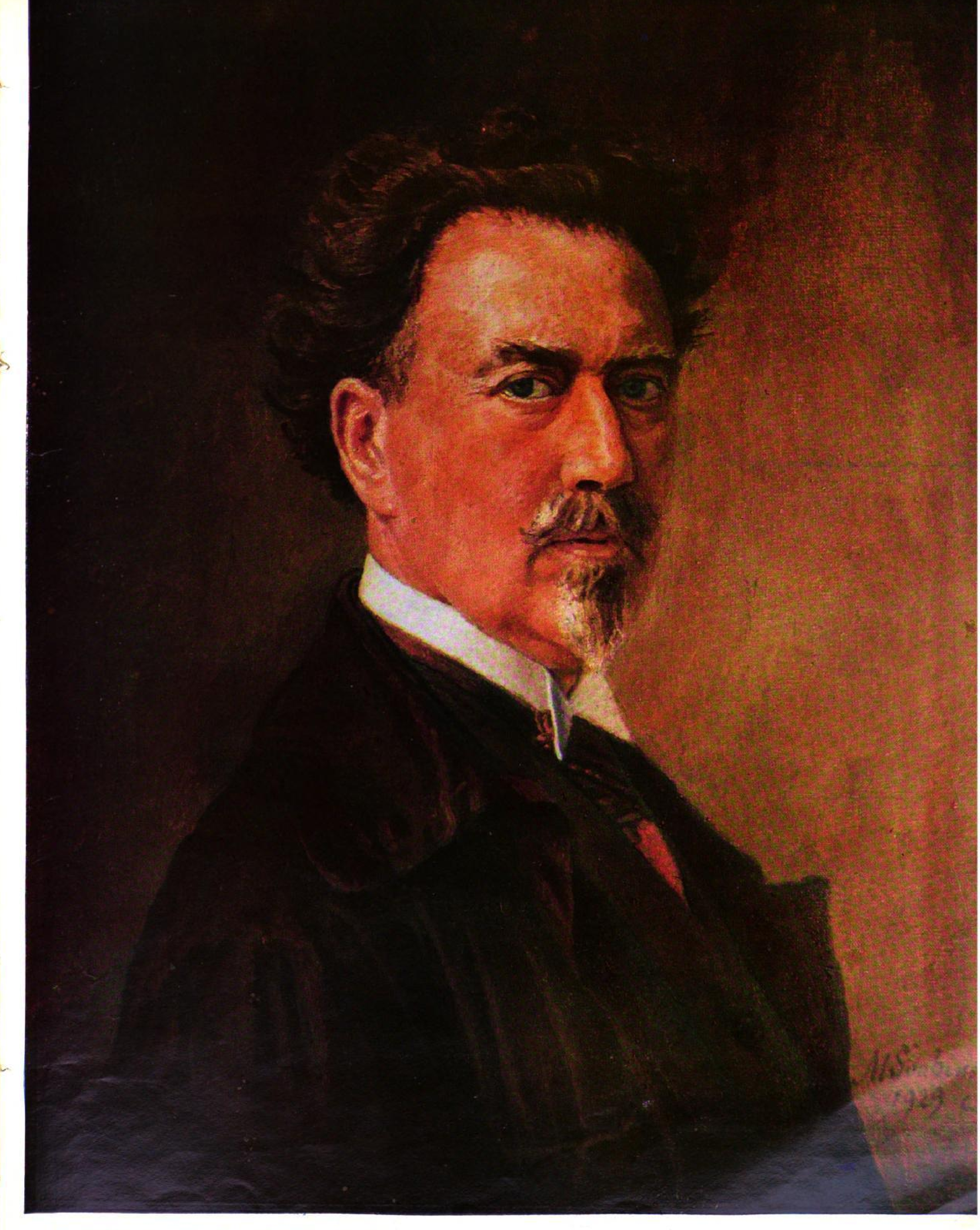
Экспозицию первого зала открывает большое полотно.

«Бедный край»... Ветер... Холодный осенний ветер гнет к земле молодые березы. Гонит по огромному, пустынному небу стаи облаков. Гуляет по склонам крутогорбых холмов. Шуршит в выжженной траве... Бугор. Синий вереск. Молодая женщина. Такая же одинокая, как березка... Стройная. Печальная. Одетая в скромное темное платье... Она устала. Ее босые ноги долго бродили по этой неласковой, скудной земле. Женщина выбилась из сил. Жизнь ее тяжкая, непосильная. Беспросветная... Широко раскрыты грустные глаза. Беспомощно разведены руки... Что делать? Как жить? Она силится что-то сказать нам... Что? О том, что ее молодость нелегка, что судьба уже измотала ее. Что она изнемогла. О том, что земля ее края сурова и трудно, очень трудно родит. Что много, очень много сил требует она от крестьянина... Труда и пота... Ветер поет грустную и протяжную песню Верховины.

Известно, что позировала для этого холста художнику Эла, его будущая жена. Известно, как нелегко было служить моделью взыскательному живописцу, сколько сил потратил Швабинский, создавая свой шедевр... Достаточно поглядеть на подготовительные этюды, написанные мастером в окрестностях Козлова, где он жил летом, чтобы понять, сколько труда, таланта вложено в это полотно, написанное в 1900 году...

Эла... Она глядит на нас с десятков холстов Швабинского. Молодой художник не скрывает своих чувств. Он влюблен в свою юную супругу и от всего сердца радуется охватившему его ощущению полного счастья... И этот простодушный восторг передается зрителю, и мы любуемся молодой женщиной — то задумчивой, то веселой и задорной... С годами первый порыв охладел. Все чаще мастер пишет большие семейные группы, где появляются новые персонажи. Словом, время накладывает свой неумолимый след на отношения супругов. Шли годы... Швабинскому минуло сорок лет. Его талант достиг полного расцвета Он работал как одержимый... Из-под его кисти, пера, резца выходили десятки новых творений... Его слава росла. Казалось, судьба мастера была безоблачна. Жизнь сложилась удачно, душа должна быть спокойна... Однако все было не так... Мы не знаем, когда пролегла первая трещина в отношениях Элы и художника, но год от года холод и равнодушие овладевали бездетным домом Швабинских... Вот полотно с простым названием «Ателье», или «Мастерская художника», которое отражает назревающую драму в семье живописца...

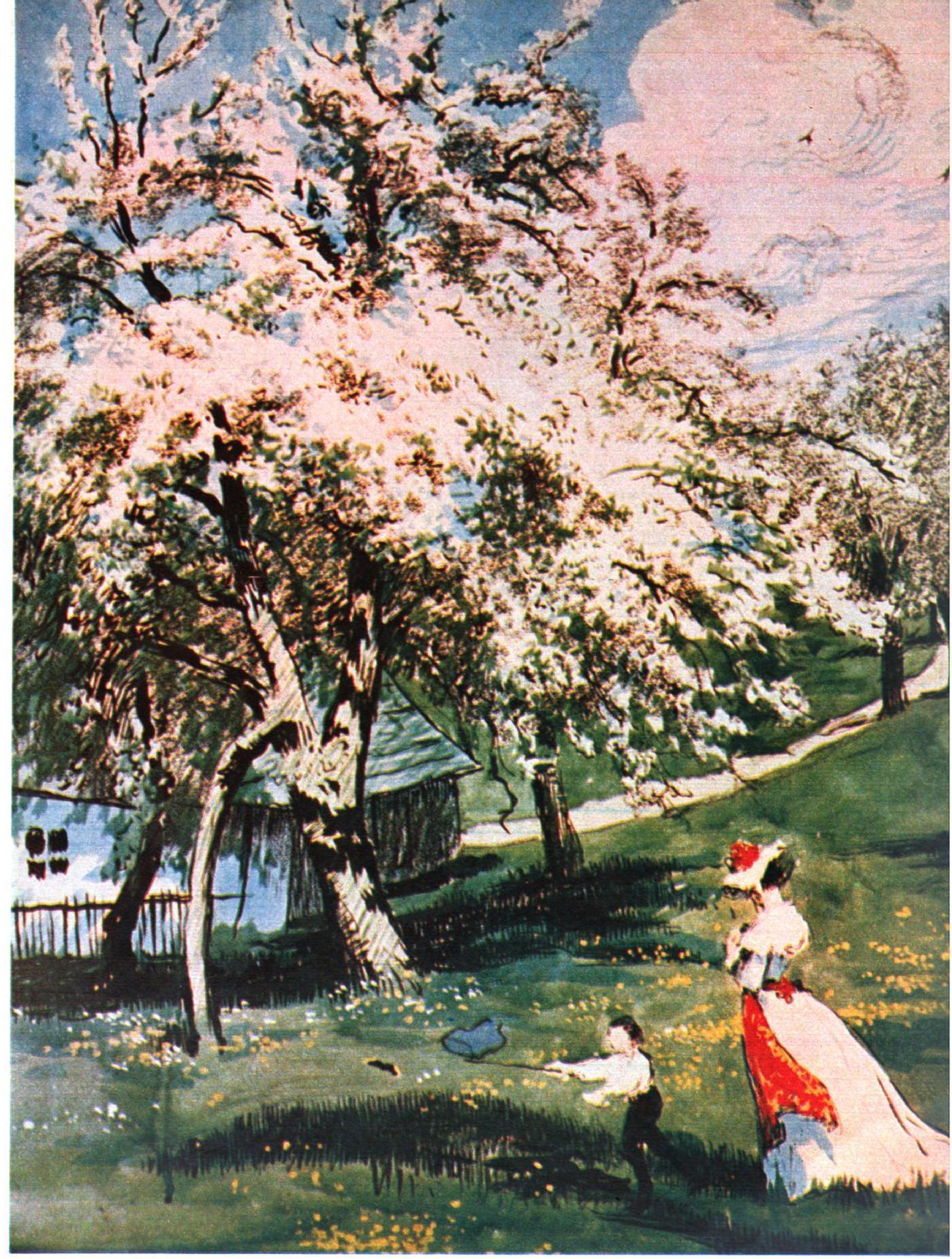
«Ателье»... 1916 год. Название полотна ничего, кажется, не говорит. В центре композиции сам художник наносит на большой холст первые

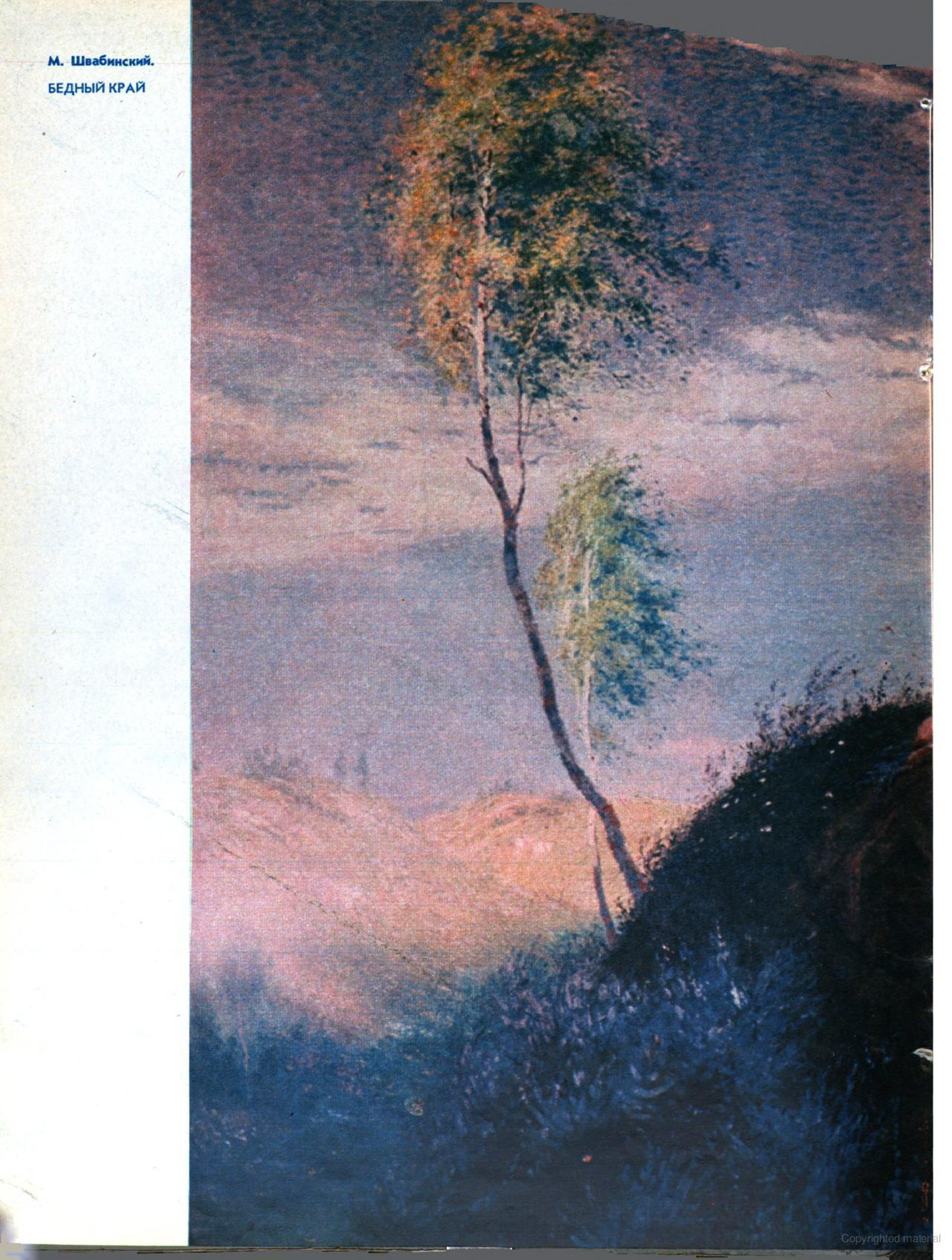
М. Швабинский. 1873—1962. АВТОПОРТРЕТ. 1929.

М. Швабинский. ДАМА ПОД КРАСНЫМ ЗОНТОМ.

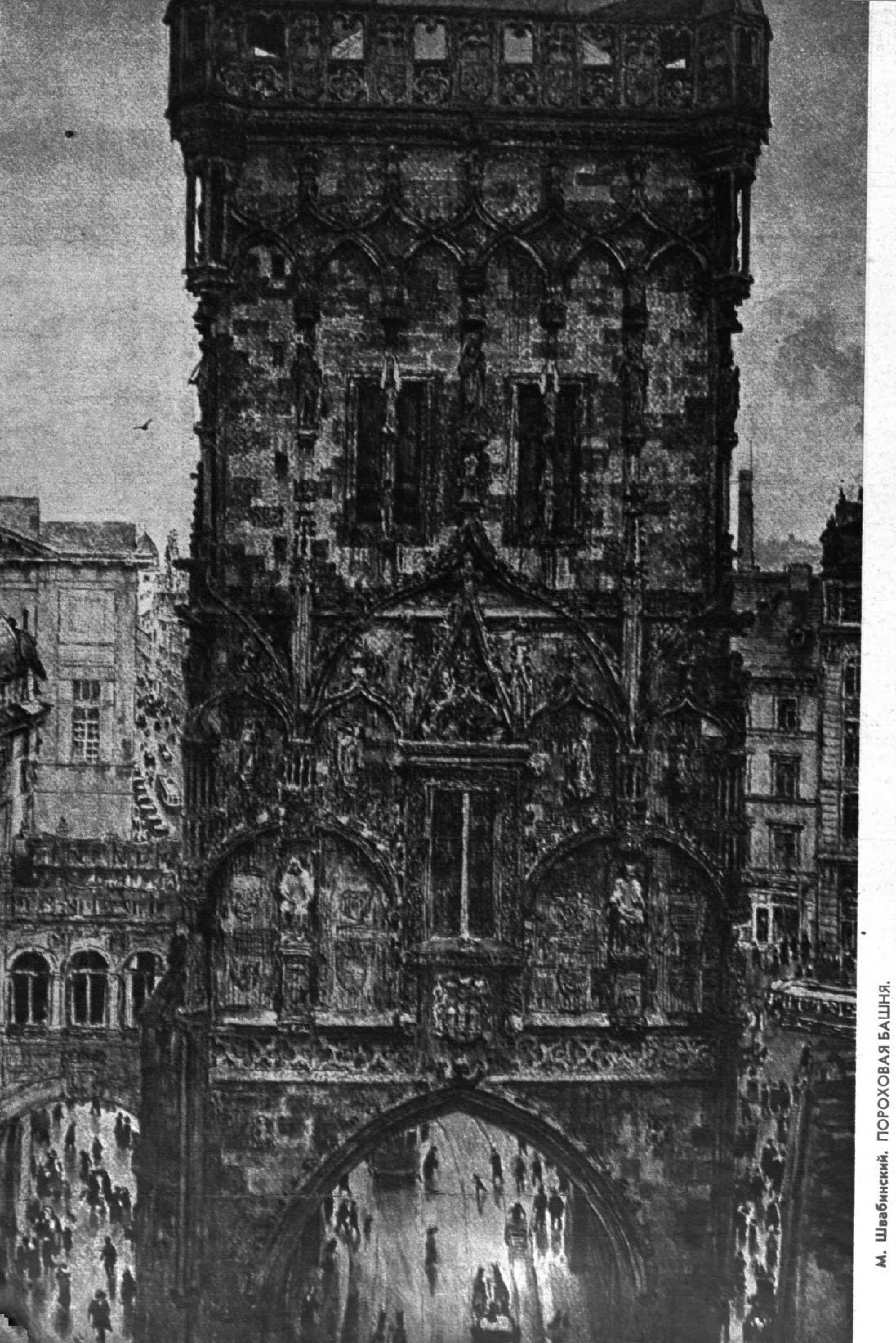

М. Швабинский. ВЕСНА.

М. Швабинский.
БЕДНЫЙ КРАЙ

М. Швабинский. ПОРОХОВАЯ БАШНЯ.

М. Швабинский. МАСТЕРСКАЯ ХУДОЖНИКА.

М. Швабинский. ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ.

штрихи углем. Ему позирует модель в странном серо-голубом хитоне, в руках у женщины красные тюльпаны. На голове венок из желтых кувшинок... Желтый и красный — цвета-символы. Нет ли и здесь скрытой символики?.. Обратимся к остальным персонажам холста. В самой середине картины в нарядном белом кружевном платье томно расположилась в кресле супруга художника, Эла. Она с вымученной светской улыбкой-гримасой обращается к молодой женщине, стоящей к нам спиной. Это Анна Верихова, супруга Рудольфа Вериха, который находится на картине рядом с мастером в черной строгой паре. Анна молчит... Она задумалась. Ее раздумье не напрасно... Ведь Швабинский безумно влюблен в Анну. Эла не может не догадываться об охватившей мужа страсти. И, как всегда бывает в жизни, ничего пока не знает муж Анны — Рудольф. Слышно, как шуршит уголь по шероховатому холсту, как шелестит тяжелое шелковое платье Анны и как беззаботно смеется ничего не подозревающая маленькая Сюзанна — дочь Анны... Сюзанна тесно прижалась к тете Эле, схватила ее холодную руку и о чем-то спрашивает маму. Прелестная Анна потупилась и молчит... Только нервные пальцы перебирают густые пряди тяжелой русой косы... Тишина царит в ателье... Но слышно биение сердец живых людей, любящих и страдающих... Все в этом полотне насыщено предгрозовой атмосферой житейской драмы. И чем больше вглядываешься в холст, тем сильнее, глубже постигаешь остроту психологической завязки картины, мастерство реалистического письма... Всего лишь «Ателье». Всего лишь простая комната. Но это арена борьбы страстей людских...

Как давно все это было! Наверно, давно уже нет в живых участников этой житейской драмы. А маленькая Сюзанна? Может быть, она здравствует? Ведь на картине ей всего лет пять, не более. Не буду описывать всех деталей поиска, но Сюзанна нашлась... в каталоге выставки в числе составителей, где она именовалась Сюзанна Швабинская! Как мне рассказали, Макс Швабинский все же развелся с Элой и женился на Анне Вериховой, и впоследствии ее дочь Сюзанна стала Сюзанной Швабинской... И она жива!

..На другой день, узнав, что Сюзанна Швабинская в эти дни отдыхает в Козлове, где когда-то Швабинский приобрел маленький домик, мы решили посетить ее.

Чехословакия! Мерно дышит земля. Как пологие волны Влтавы — ритмичны линии холмов. Ласкова, уютна природа. Густы заросли курчавого темно-зеленого хмеля. Светлы просторы полей. Крутой серпантин. Березовая многокилометровая аллея уводит нас в гору. Впереди Козлов... Сосна. Ель. Чешско-моравская Верховина... Узкая дорога. Одноэтажный домик под черепичной крышей. Багровая рябина. Золотые шары. Розовые мальвы окружают строение. В палисаднике цветут астры. Маленькая терраса. На мой стук отвечает тишина. Хозяйки нет. Через стекла окна видны репродукции с картин Швабинского. На полу две лейки. Тихо. Кричат петухи. Гудят пчелы. Далеко внизу на косогоре жгут солому, и ветерок доносит горький запах дыма. За холмами вдали синеет бор. Дом пуст. Сюзанны нет. Голубые ставни домика растворены. На подоконниках за стеклом красная герань... Широкая, старая деревянная скамья. Ветер шелестит в листьях бузины. Шевелит венчики табака и душистого горошка. Оранжевая бабочка села на коричневые от времени перила террасы... «Здесь когда-то жил сам Швабинский»,— подумал я. Зеленый, тихий мир окружал нас... Синие дымы тянутся в высокое небо. Ветерок запутался в ветках берез. Родина...

Мы не дождались Сюзанны... Я сорвал на память бархатный фиолетовый цветок анютиных глазок. Вот и большая груша, которая теперь вечно цветет на этюдах Швабинского. А вот и скамейка под яблоней, где так любил сидеть художник. Маленький садик... Сливы. Яблони. Груши. Они остались навсегда в цветущих полотнах мастера... Я легко себе представил в этой дремотной тишине белое платье Элы — первой любви, воспетой живописцем... Так искусство делает мгновения вечными.

...Березы провожали нас в путь. Солнце садилось. Длинные золотые лучи зажгли розовым светом стволы деревьев. Тени окутали лес... На одной из берез черная табличка. Надпись: «Дорога Макса Швабинского».

И снова Прага... «Злата уличка» в Градчанах. Я брожу по щербатой древней мостовой и ловлю себя на мысли, что это все мне... снится. Что сейчас кто-то закроет занавес и зажжет свет в большом зале, и все исчезнет. И эти яркие домики, такие разные и затейливые, и игрушечные палисадники с настоящими подсолнухами, и эти ажурные ограды, решетки и фонари. Все детское, затаенное, что было запрятано во мне глубоко-глубоко, все это вдруг пробило оболочку человека, много прожившего, и весь прагматизм немедля покинул мою душу. Я вдруг вспомнил первую книжку сказок Андерсена, и все колдовство «Синей птицы», и драгоценные камни в простой избе Тильтиль и Митиль. И все это случилось в то мгновение, когда я ступил на неровный булыжник «Золотой улички» и прошел по ней. Всего сто шагов не больше... Но эти шаги уводят нас на три столетия назад. По три года на каждый шаг. И когда мы подходим к последнему домику, покрашенному «польверонезе», то мы вдруг становимся старше на триста лет! Но чудо заключается в том, что мы одновременно возвращаемся в детство и становимся вдруг молодыми, без помощи злого Мефистофеля... «Золотая уличка» вручает нам ключи от полузабытой юности.

Женщина разулась и, держа модные туфли-платформы, на цыпочках идет с подругой под руку. Может, она почувствовала себя девчонкой, маленькой и взбалмошной... Бредет, бредет поток очарованных людей по этой улице старых мастеров, всего лишь одном из чудес Златой Праги... Вдруг куранты пробили пять раз, и я вмиг вспомнил: пора ехать к Сюзанне.

...Маленький домик на багряной от опавших листьев улице... Калитка недовольно проскрипела... Второй этаж. Узкая лестница.

Нас встречает стройная женщина — Сюзанна! Милая улыбка. Живые карие глаза — приветливые, удивительно добрые... Тесная прихожая. Небольшая комната. Стены увешаны картинами. По потолку бродят солнечные зайчики, пробившиеся сквозь листву деревьев.

— Чьи это картины?— спрашиваю я, несколько оторопев от этой встречи. Сюзанна не удивлена столь странному началу беседы.

— Это картины моего отца Рудольфа Вериха... Первого отца.

Небольшие, талантливо написанные полотна напомнили мне живопись Воллара, Боннара... Я говорю об этом.

— Ведь мой отец был художник и очень любил Воллара и французских импрессионистов.

Мне не терпится узнать подробности создания полотна «Ателье», и я спрашиваю Сюзанну об этом.

Сюзанна внимательно посмотрела на меня... и тихо сказала:

— Я отлично помню, хотя мне было немного лет,— тут она улыбнулась,— как писал «Ателье» Швабинский... Тогда мастерская находилась напротив Пороховой башни, и я часто подбегала к окну любоваться на эту чудесную архитектуру, хотя это мешало ему писать.

Швабинский очень долго готовился к созданию этой картины. Но саму ее он написал быстро. Почти в месяц. Так мне рассказывала мама... Он был очень строг к себе,— продолжала Сюзанна.— Живопись, живопись и еще раз живопись. В этом была вся его жизнь. Труд... Ритмичный, строго по задуманному плану. Это очень важно, потому что богема и всяческое безделье были чужды мастеру. Он не любил пустословия и долгие застольные беседы в ресторанах, на которые уходило драгоценное время...

Прохладный синий свет осеннего вечера пробился сквозь золотые шторы листвы и разлился по комнате... Вмиг куда-то далеко исчез шум города.

— Никогда мне не забыть,— сказала Сюзанна,— как порою долгими вечерами отец любил мне показывать одну книгу о русской живописи... Сейчас я найду ее.

...Хозяйка подошла к шкафу, подставила стул и высоко, на верхней полке нашла книгу... «Александр Бенуа»,— прочел я имя автора.

— Отец любил русских художников, любил русское искусство, и поэтому он горячо и с охотой рассказывал мне о Сурикове, Репине, Васнецове, Нестерове, Серове.

Сюзанна листала книгу. Репродукции «Стрельцов», «Запорожцев», «Богатырей», «Отрока Варфоломея»...

В комнате было тихо, очень тихо. Лишь тиканье часов да шелест страниц нарушали покой.

— Швабинский любил Россию, любил глубоко, и я поняла это особенно ясно, когда побывала в Москве... Это был 1959 год. В Музее имени Пушкина была развернута большая выставка его графики... Меня любезно пригласили на вернисаж. Было очень торжественно. Меня попросили сказать несколько слов... Я передала нашим советским друзьям большой привет от художника. Я сказала, что Швабинский был очень огорчен, что состояние здоровья и возраст помешали ему приехать в Москву, и что он просил меня сказать русским зрителям, что он очень счастлив: его искусство художника-реалиста пользуется уважением в новой России. Я рассказала, как мой отец любит великих русских мастеров... Когда я кончила свою речь, раздались аплодисменты... Надо ли вам говорить, что я пережила в те счастливые минуты...

Сюзанна машинально листала книгу Бенуа, по ее лицу блуждали тени тех далеких дней, она улыбалась.

— Я вернулась на родину и рассказала Швабинскому о большом успехе его выставки... Он был очень растроган и попросил меня передать в дар советским музеям десять больших эстампов...

Вечерело... Синие и голубые тона вечера победили золотые краски осеннего дня. Удивительное состояние овладело мною. Я благодарил судьбу, которая позволила мне познакомиться с редким по чистоте и благородству души человеком, посвятившим свою жизнь Швабинскому...

— Швабинский был удивительно цельный человек,— проговорила Сюзанна.— Его жизнь, путь художника прозрачны, как кристалл. Художник-реалист. В 1898 году он поехал в Париж, в эту Мекку живописи. Художника интересовал Лувр. Он копировал старых мастеров. Его натуру никак не затронули изыски модернистов. Когда Макс вернулся на родину, он сразу начал писать свой программный холст, ставший ныне хрестоматийно известным — «Бедный край»...

Перед моими глазами встало это полотно, которое так поразило меня в Кромержиже.

Последний блик солнца вспыхнул в стекле шкафа с книгами. В комнате воцарился сумрак... Сюзанна зажгла свет.

— Я хочу показать вам редкое, уникальное издание,— сказала Сюзанна...

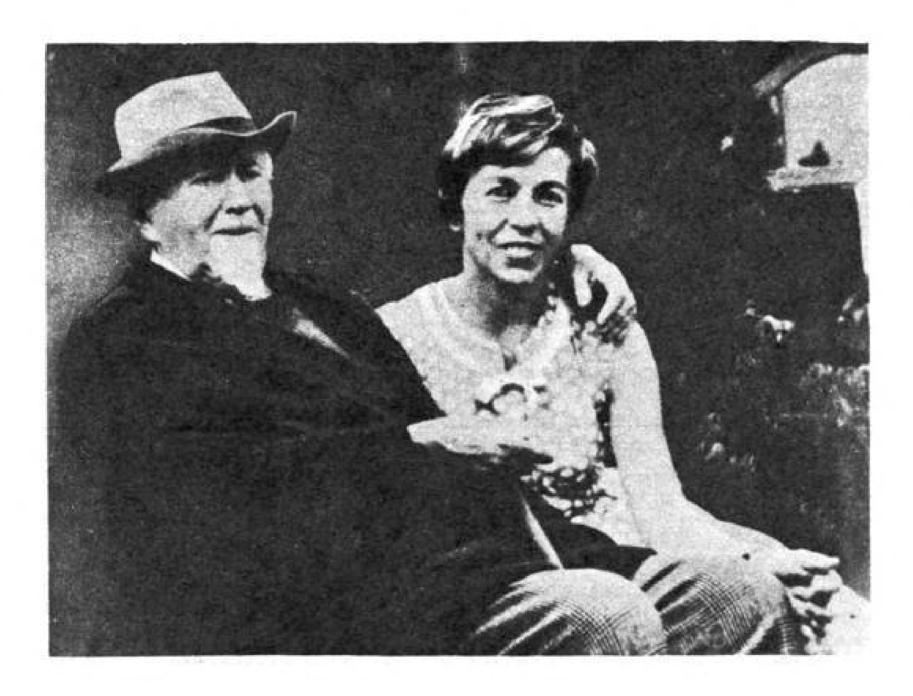
Она пригласила меня в другую комнату, и я увидел огромную книгу... Это был шедевр полиграфии, факсимильно воспроизводивший рисунки, оттиски офортов, литографий...

— Первый офорт, который вы видите в этой книге, сделан на родине Рембрандта,— сказала Сюзанна.— Ведь Рембрандт был самый любимый художник отца... Вы, наверное, заметили его огромное влияние на творчество Швабинского...

Я подумал, что, если бы Швабинский создал только свои замечательные офорты, он вошел бы в историю мирового искусства как великий мастер гравюры, но Швабинский был художник грандиозного размаха и универсальности. Он создавал не только мозаики и витражи. Мастер с великим тщанием исполнял миниатюрные почтовые марки, ибо считал, что почта несет культуру в самые широкие слои населения.

Мы снова листаем уникальную книгу. Перед нами возникает сама жизнь. Картины природы, портреты близких, друзей, деятелей культуры и искусства. Улыбается лукаво Алеш, замечательный художник и друг Швабинского, задумалась о чем-то тетя Марья. Бродит по цветущему саду Эла, и снова Эла на лугу у маленького домика в Козлове, где я только недавно был...

Книга закрыта... Вмиг исчез целый мир образов, вызванный из небытия талантом художника. Ведь именно в этом великая созидательная и познавательная сила р е а л и с т и ч е с к о г о и с к у с с т в а, воспро-

Макс и Сюзанна Швабинские.

изводящего во всем богатстве нашу жизнь, время, современников. Я на миг себе представил наших далеких потомков, изучающих ребусы модернистского искусства XX века... Что они почерпнут из этих сочетаний диких клякс, линий и геометрических фигур?..

Сюзанна подводит меня к картотеке, над которой она трудится уже много лет. Это подвиг. Подвиг натуры, любящей и верной своему долгу.

— У меня есть взрослая дочь... Есть внуки. Я люблю их. Но главная моя забота, мой долг — довести до конца опись работ отца. В этом сейчас смысл всей моей жизни...

— Вот одна из последних фотографий Швабинского,— проговорила Сюзанна.

...Скамейка в любимом сквере у дома художника. Макс Швабинский в просторной куртке. Добродушный. Большой. На нем старая, помятая шляпа. Он излучает редкую приветливость. Солнце заставляет его щуриться... Улыбка прячется в седых усах... Рядом с ним — Сюзанна. Похожая на озорного мальчишку. Коротко стриженная, в веселом платье в крупный горошек. Непокорная челка. Ямочки у уголков рта. Раскосые милые глаза... Слава фотографии, которая запечатлела эту прекрасную жанровую сцену, полную человеческого глубокого смысла — радости бытия...

— Мне бы хотелось,— промолвила Сюзанна,— показать вам место, где работал Швабинский... Но это лучше было бы сделать завтра или послезавтра.

...Академия изобразительных искусств... Мы с Сюзанной поднимаемся по лестнице. Длинный коридор. Большие скульптуры. В конце прохода высокая дверь.

Огромное помещение. Верхний свет. Окно во всю стену. Студия художника.

— Вот там,— говорит Сюзанна,— отец писал. А напротив,— Сюзанна показывает на противоположную стену, ныне пустую,— висели картоны к витражам собора святого Вита...

Собор святого Вита... Острогрудый корабль... Порою кажется, что не облака плывут по осеннему лазоревому небу, а плывут башни храма, невесомые в своем порыве. Мы с Сюзанной подходим к дверям, ведущим в трефорий... Винтовая лестница. Гремят ключи... Мы входим на хоры. Я глянул вниз. Люди. Крошечные люди бродили по мозаичному ковру мраморного пола. Муравьи. Но именно они, эти крошечные муравьи, создали это чудо. Этот громадный храм... Мы еле протискиваемся по узкому проходу. Нас встречают изображения короля Карла IV и его многочисленных жен. Мы знакомимся с образами строителей собора. Перед нами во всем радужном блеске предстают витражи Швабинского... Это труд, гигантский труд художника. Ведь надо было вписать в заданную архитектурную форму оконной рамы композицию, не диссонирующую с ансамблем. Это мог сделать только мастер высшего класса.

— Никогда не забуду,— прервала молчание Сюзанна,— какую бездну времени, труда затратил Швабинский, отбирая колеры стекол для витражей. Каждый сантиметр, каждое стеклышко для этих многометровых громадин он обсуждал с мастерами. От самого начала до конца он руководил монтажом. Художник не позволял себе, как некоторые «маэстро», сделав эскиз и картон, сбросить заказ с плеч. Нет. Как бы ни велика была мозаика или витраж и как ни был сжат срок, отец всегда трудился вместе с мастерами до полного завершения работ. Это был поистине великий труженик... В последние годы у Швабинского стали отказывать руки. Они болели и сильно дрожали. Но что поразительно, правая рука тряслась у него до тех пор, пока карандаш или перо не касались бумаги. Тогда вмиг происходило чудо. Рука становилась твердой, и он наносил тот единственный штрих, который был ему нужен...

...За огромным, во всю стену, окном студии — золотая метель. Листопад. Ветер кружит в воздухе листья старого каштана, акаций...

— Отец любил писать пейзажи... Он боготворил родную природу и никогда не уставал удивляться лазурному небу с сиреневыми облаками, синим лесам, изумрудным лугам Чехословакии... Стены этой студии были всегда увешаны новыми этюдами, набросками, эскизами. Это была творческая лаборатория мастера. Он работал здесь с 1925 года, буквально до последних дней своей долгой, долгой жизни. Хотя естественно, что в начале шестидесятых годов он стал бывать в студии реже...— Сюзанна вздохнула.— Потом он умер...

Сюзанна подошла к высокому окну. Маленькая, тонкая... За окном ветер все кружил и кружил карусель багряных, желтых, алых листьев...

— Вы знаете,— заговорила Сюзанна,— в жизни людей бывают эпизоды, на первый взгляд малозначащие, а потом с годами обретающие другой, более значительный смысл... Помню, как однажды к Швабинскому в мастерскую пришел молодой художник — принес показать свою работу. Я рассказывала вам, как трудно сходился отец с людьми, насколько он был поглощен искусством. Но он любил молодежь и всегда охотно смотрел на их произведения. Старый мастер поглядел на юношу, на медаль с рельефом, которую он принес с собой, и вдруг... стал показывать ему свою большую коллекцию бабочек. Молодой скульптор оказался на редкость знающим любителем природы — он начал без запинки называть бабочек, не только по-чешски, но и по-латыни, чем настолько поразил и очаровал отца, что он даже согласился ему позировать для портрета. Это было поистине удивительно, ибо до сих пор никому, кроме Яна Штурсы, это не удавалось. Юноша вылепил прекрасный бюст. Вы ведь видели его... Он на надгробии Швабинского на кладбище в Славине... Так иногда бывает в жизни, когда случай, мгновение становятся вечностью.

Славин. Здесь покоятся корифеи культуры и искусства Чехословакии. Божена Немцова, Бедржих Сметана, Ян Неруда, Антонин Дворжак, Миколаш Алеш, Сватоплук Чех, Макс Швабинский. Гранитные, мраморные надгробья. Бронзовые скульптуры. Торжественная тишина некрополя. Замечательные имена, начертанные золотыми буквами на вечном камне.

Порыв осеннего ветра внезапно распахнул окно, и в тишину мастерской ворвался голос ветра и... музыка. До нашего слуха вдруг донеслась чудесная, бесконечно знакомая мелодия... Густые, несколько протяжные звуки симфонического оркестра... Радио...

— Вы знаете, это «Влтава» Сметаны,— сказала Сюзанна.

Ветер занес в открытое окно студии сухой, бронзовый лист каштана... Легкий лист с сухим шорохом опустился на блестящий паркет.

...Не раз в Москве мне доводилось прослушивать записи «Влтавы». Но только на родине композитора, увидев Влтаву, Прагу, Чехословакию, я понял гениальность этого эпического сочинения.

«Влтава»... Колдовская музыка. В ней вся страна. Я чувствую, как течет река — величавая, полноводная, красивая. Я словно вижу крутые берега, затейливые острова, пологие волны. Я слышу, как дышат просторные поля, леса и рощи, как бежит дорога мимо веселых городов и деревень, мимо золотого жнивья, изумрудного хмеля. Мой слух улавливает прекрасные песни и танцы народа, шелест берез, тополей, каштанов. Журчанье озорных ручьев... Перезвон старинных курантов. Я чувствую неповторимую музыку многоликой Праги, симфонию ее поющих, рвущихся ввысь башен. Я явственно слышу, как гудит, ревет ветер в старых бойницах Карлштейна, как гулко разносит эхо шаги людей по ступеням, источенным временем... Чехословакия юная и древняя. Страна великой истории и светлого будущего, ты вся в музыке «Влтавы».

Ветер снова захлопнул окно. Стало тихо, и мы словно очнулись...

— Вы были в Музее Сметаны?— промолвила Сюзанна.— Там экспонирован портрет композитора, нарисованный отцом в 1898 году.

— Нет,— признался я.

— А стоило бы зайти,— просто сказала Сюзанна...

Мы вышли в вестибюль. К Сюзанне подошел высокий, сухощавый мужчина с необычайно живыми глазами.

— Иржи Коталик — директор Национальной галереи,— представила мне его Сюзанна. Мы решили вернуться в мастерскую.

— Мне посчастливилось не один раз бывать в этой студии при жизни Швабинского. Я ведь с тридцать восьмого года был знаком с этим замечательным художником и человеком,— сказал Иржи Коталик. Швабинский — живой классик,— продолжал Коталик,— он принес с собой из XIX века в наш XX век лучшие традиции реалистической живописи и графики. Макс Швабинский был настоящей личностью. Он знал все в искусстве, но был человечен и доступен. Был принципиален и тверд в своих убеждениях. Он не любил модернистов, но не подавлял ничьих вкусов. Глядя на некие «изыски» формалистов, заразительно смеялся и говорил: «А может быть, здесь что-то есть»... Швабинский был глубоко образован. Художнику удалось рисовать с натуры, многих великих деятелей культуры и искусства, общение с ними, естественно, воспитало в нем чувство большой широты, масштабности. Я повторяю, Швабинский — это могучая личность, и я горжусь, что знал его близко... До последних своих дней он работал, как простой мастеровой. Он любил говорить, что вдохновение приходит к нему во время труда, и работал, работал, работал. Он, как и великий чешский классик Йозеф Манес, всего себя отдал людям, народу. Единственно, что он ценил больше всего,— это время! Он берег его для работы. Он поэтому бывал иногда так одинок. Ведь все его близкие друзья ушли в небытие, а новых он не очень заводил. Я вижу в искусстве и жизни Швабинского пример этического благородства. Он был крайне скромен. Нарисовав известный портрет великого Йозефа Манеса, он начертал на нем слова — «Покорный рабочий, чешский живописец и гравер». Это было кредо Швабинского — работать... Работать до седьмого пота от зари до зари... Как сейчас вижу его. Живой. Большой. Улыбающийся. Откровенный. До предела честный... Он часто говорил: «Я очень люблю русских, их язык, их искусство». И это была святая правда...

Мы сейчас широко готовимся к проведению юбилея Швабинского в Праге. Скоро выставка из Кромержижа приедет к нам, и мы ее еще расширим и покажем самому широкому зрителю... Ведь Макс Швабинский поистине народный художник Чехословакии. Недаром он первый в стране получил это высокое звание. Он оправдал его. Он сделал все, что мог..

КОСМИЧЕСКАЯ ВСТРЕЧА

Мы можем уже сейчас точно назвать дату этого события — 15 июля 1975 года в 15 часов 37 минут земля Байконура всколыхнется от жаркого дыхания двигателей ракеты-носителя, которая выведет на околоземную орбиту космический корабль «Союз». Через некоторое время с мыса Канаверал уйдет в космос корабль «Аполлон». Спустя двое суток корабли сблизятся, и на 36-м витке на высоте 225 километров сработают специально сконструированные для этого стыковочные устройства, и корабли соединятся в одну систему — «Союз — Аполлон».

Советские космонавты и американские астронавты смогут приветствовать друг друга на борту своих кораблей, провести комплекс работ и экспериментов, запланированных программой совместного полета. Эта космическая встреча на «самом высоком уровне» продлится двое суток. Затем, пожелав друг другу новых успехов, экипажи займут свои места, а «Союз» и «Аполлон», каждый по своей траектории, возвратятся на Землю.

Осуществление этого проекта требует большой предварительной работы, и, хотя до лета 1975 года еще немало времени, у советских космонавтов и их американских коллег уже наступает горячая пора.

29 ноября представители советской и американской прессы встретились в Звездном городке с экипажами будущего совместного космического полета. Начальник отдела совместной подготовки летчик-космонавт СССР В. Ф. Быковский ознакомил присутствующих с устройством и работой тренажера корабля «Союз», показал рабочие места, аудитории для совместных занятий, аппаратуру и оборудование для изучения отдельных систем корабля, а затем пригласил всех в... бар.

Как и все в Звездном городке, бар оказался космическим. Правда, гостям были предложены земные блюда, но в «звездной» упаковке. Вот туба, на которой написано «суп харчо», вот «зеленые щи», «борщ». Здесь и курица с черносливом, сыр российский, пакетики с миниатюрными буханочками хлеба, величиной с конфету. Крышки прикреплены к тубам, чтобы в состоянии невесомости они не затрудняли пользование пищей.

Американские гости остались весьма довольны угощением, а Т. Стаффорд, их руководитель, заявил, что после такой еды для них придется делать более мощную ракету-носитель. Правда, далее он добавил, что предстоит очень много работы и он надеется, что вес астронавтов придет в норму.

Двухнедельная встреча не предполагала совместных тренировок, они начнутся летом наступающего года. Однако руководитель подготовки советских космонавтов В. А. Шаталов отметил, что завязавшиеся личные контакты помогут преодолеть сложности подготовки полета системы кораблей «Союз — Аполлон».

Открывая встречу астронавтов и космонавтов с представителями прессы, председатель совета «Интеркосмос» при АН СССР академик Б. Н. Петров сказал, что программа занятий в Звездном полностью выполнена. Тепло были встречены слова самого молодого из астронавтов Дж. Лусмы. Он заявил, что, много раз пролетая над нашей страной, любовался ее просторами, морями и счастлив, что теперь вместе со своими товарищами побывал на этой прекрасной земле.

Прощаясь со Звездным городком, нельзя не сказать об обстановке радушия и доброжелательности, о том, что в июле в Хьюстоне встретятся уже не только коллеги, но и добрые друзья.

Г. МАКАРОВ

Фото автора.

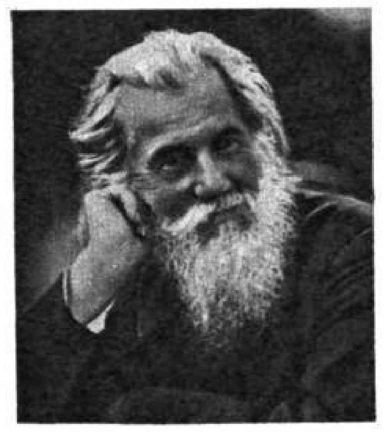

Академик Б. Н. Петров открывает встречу.

Руководитель подготовки советских космонавтов В. А. Шаталов и один из руководителей американских астронавтов Ю. Сернан.

Валерий Быковский рассказывает об устройстве тренажера корабля «Союз».

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
С. Д. ДРОЖЖИНА

ПОЭТ-ПАХАРЬ

Слово о русском крестьянине, поэте-самоучке сегодня, может быть, особенно уместно начать с признания одного профессора из Гарварда, который в свое время с недоумением спрашивал Максима Горького: «Правда ли, что в России есть поэты, вышедшие непосредственно из народа, сложившиеся вне влияния школы? Это явление непонятно мне. Как может возникнуть стремление писать стихи у человека столь низкой культурной среды, живущего под давлением таких невыносимых социальных и политических условий? Я понимаю в России анархиста, даже разбойника, но — лирический поэт-крестьянин — это для меня загадка. Я мало знаю русскую литературу, но все, что знаю, рисует русских изумительно, бешено талантливыми людьми».

Именно таким лирическим поэтом-крестьянином был Спиридон Дмитриевич Дрожжин. Впрочем, «вышедший из народа» — не очень точные слова. Дрожжин стал поэтом, оставшись крестьянином.

60—70-е годы XIX века — эпоха, когда в России многое переустраивалось — вызвали к жизни многих поэтов из крестьян. Рост самосознания народа, о котором писал Ленин, проявился и в стремлении войти в литературу, овладеть ею, заявить себя в ней. Жизненные и творческие судьбы этих самородков, и тех, кто вошел в литературу, и тех, кто в нее так и не попал, оказались труднейшими. Такова она и у Дрожжина.

Спиридон Дмитриевич Дрожжин родился 6 декабря 1848 года в деревне Низовка, Тверской губернии. И там же умер в 1930 году. Бедная крестьянская семья в детстве, а с 12 лет бедная жизнь в городах. Мальчик в гостинице, половой, лакей, приказчик — таков «послужной список» Дрожжина, жившего в Москве, в Петербурге, в Ташкенте, в Харькове. Многое вместилось в 82 года нелегкой жизни. Очень ранняя грамотность, фанатическая преданность книге и почти бродяжничество с ночевками на гранитных петербургских набережных. Уже успех многих напечатанных стихов и удары кнутом, полученные взрослым поэтом от отца прямо на пашне на глазах односельчан. Прием у президента Академии наук и обыск, производимый урядником в деревенской избе поэта. И постоянный литературный труд, книга за книгой (более 30 прижизненно изданных сборников стихов), внимание многих выдающихся литераторов и критиков, наконец, присуждение Академией наук Пушкинской премии. Недаром в свое время известный издатель журнала «Русская старина» М. И. Семевский предложил поэту написать повесть о своей жизни. Он справедливо увидел в Дрожжине значимый социальный и национальный тип. И недаром это жизнеописание, впервые опубликованное в 1884 году, много раз, обычно вместе со стихами, переиздавалось. «Бодро смотрится на жизнь и будущность русского человека в виду таких явлений»,— заметил о Дрожжине один из старых критиков.

Сам поэт писал:

Я для песни задушевной
Взял лесов зеленых шепот,
А у Волги в жар полдневный
Теплых струй подслушал ропот;
Взял у осени ненастье,
У весны благоуханье;
У народа взял я счастье
И безмерное страданье.

Поэт много писал о страдании народа. «Смерть коня-пахаря» быстро нашла место на страницах хрестоматий и книг для чтения. Но в отличие от многих самоучек, поэтов часто одной темы, одного настроения Дрожжин, поэт и человек, жил с ясным сознанием истоков своего мироощущения и своего дарования. С гордостью рассказывает поэт о своей крестьянской родословной, даже и о прапрадеде, чтеце «священных» книг, да и обо всей семье, традиционно из поколения в поколение грамотной. И замечательная особенность Дрожжина — прямо-таки истовое к книге отношение. Читательские интересы молодого Дрожжина удовлетворят самый строгий и изысканный вкус: «Ну, вот, слава богу, купил и двенадцатый том Белинского! Я теперь миллионер!.. Пушкин, Лермонтов, Кольцов, Белинский, Никитин, Шевченко, Некрасов, Шиллер, Гейне, Беранже и много других — это все мое! А я еще, безумный, говорю, что я несчастлив!» Это записывает в дневнике бедный и полубездомный трактирный слуга.

Поэт-пахарь, как часто называли Дрожжина и как сам он часто называл себя, знает тяжесть труда пахаря, но он знает и поэзию этого труда. Любовь к родной деревне, к родному крестьянскому краю удивительно естественно переходит у Дрожжина в любовь к родине, вообще к людям, выражаясь простовато, но с прелестной наивностью и чистотой:

Кругом поля раздольные,
Широкие поля,
Где Волга многоводная —
Там родина моя.
. . . .
Идешь, идешь — и края нет
Далекого пути,
И хочется мне белый свет
Обнять и обойти.

Хотя нужда снова и снова гнала Дрожжина из деревни на заработки, при первой же возможности он возвращался в родную Низовку, а с 1896 года поселился в ней окончательно. Здесь, в крестьянстве, в крестьянской поэзии он находил себя.

Многие произведения свои Дрожжин сначала пел «на голос», а потом записывал. «Мои песни должны быть понятны каждому крестьянину. В особенности крестьянке»,— заявлял он. Стихи-песни Дрожжина несут следы и обрядового причитания, и частушки, и «долгой» лирической песни. Но дело не во внешних приметах. Фольклорное начало остается в лучших стихах Дрожжина во всей своей безыскусности, непосредственности и цельности. Не потому ли так хороши стихи Дрожжина, входившие во многие сборники для детей,— «Домовой», например. Не потому ли так притягателен был Дрожжин для многих композиторов: Кюи, писавший музыку к его стихам, прямо обозначал — народное. Не потому ли привлекала поэтическая судьба Дрожжина художников судьбы прямо противоположной, таких, скажем, как сложный европейский поэт Р. Рильке, который переводил Дрожжина (в «Пражском вестнике» за апрель 1900 года напечатаны его переводы стихов «В родной деревне» и «Прими меня, сторонушка родная»), гостил у Дрожжина и писал ему: «Я говорил вам не один раз, что ваши стихотворения я очень, чрезвычайно люблю. И теперь еще больше понимаю и люблю их, когда я увидел родину ваших песен, вашу деревню и жизнь вашу в ней».

Да, есть что любить и есть что помнить в стихах и в судьбе поэтически и человечески талантливого русского крестьянина Спиридона Дрожжина.

Н. Н. СКАТОВ,
профессор,
доктор филологических наук

ГЕРОИНИ ВЕРЫ ШИЛОВОЙ

«Марица» — классика. Для актера встреча с образами классического репертуаоа — всегда серьезное испытание. Создать ощущение единственности, неповторимости — словно и не было длинной вереницы исполнителей этой же роли, ощущение, что только для вас, только на этой сцене впервые играется блистательная оперетта И. Кальмана — цель участников спектакля.

Сегодня Марица — Вера Шилова. Ее героиня очаровательна, взбалмошна, остроумна,— такой, в общем, мы привыкли видеть и вспоминать своенравную графиню. Но Марица Веры Шиловой, кроме того, цельная, чистая натура, она женственна, в ней чувствуется благородная строгость. Шилова в роли Марицы привлекает яркостью темперамента, своеобразной, точной пластикой, прекрасными вокальными данными. Но прежде всего она актриса, всегда живущая в эпохе, обусловленной действием спектакля. Ее манеры, туалет не только изящны, но еще и вполне убедительны. Ее героине веришь во всем, а это немаловажно.

...Вчера была графиня Марица, сегодня — Ирина из оперетты В. Мурадели «Москва — Париж — Москва». Другое время, другая обстановка, да и вся среда... Конфликт пьесы предельно заострен. Девушка из богатой семьи уходит к любимому — простому матросу, революционеру. Уходит, чтобы разделить с ним трудности жизни, борьбы... Ситуация острая, напряженная.

Изменились и внешность и пластика актрисы. Шилова играет Ирину раскованно, со всей страстью актерского темперамента, но по-прежнему остается естественной, трогательно-женственной. Ее Ирина полна душевной силы, энергии, воли к жизни.

Шилова — одна из ведущих актрис Московского театра оперетты. В ее репертуаре — Сильва в одноименной оперетте И. Кальмана, Ганна Главари в «Веселой вдове», Анжель в «Графе Люксембурге» Ф. Легара. Прелестна ее Лала в оперетте Р. Гаджиева «Не прячь улыбку». Актриса и здесь радует зрителя красотой голоса, обаянием актерской индивидуальности.

Л. ЛУКЬЯНОВА

Ахсан БАЯНОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ТРИ МОНОЛОГА

Уехал Исанбек абый. Уехал и потерялся. Осталось его письмо к брату и снимок. Зачесанные набок волнистые волосы, две складки от лба к переносице, умные, пытливые глаза, губы, застывшие в нерешительной улыбке...

А как мне хочется вскрыть конверт и прочитать письмо, будто в нем записано его будущее! Но ведь я дал слово, твердое слово ему, себе, потому клятвы своей не нарушу. Я пересилю любопытство, одержу победу над собой.

Письмо я спрятал в такое место, где его не может порвать ветер, измочить дождь, испепелить огонь, а себя убедил, что нет письма, потерялось. Для меня его не существует. Оно появится, когда вернется с войны живым-здоровым Ильдархан абый.

А Ильдархан абый приехал. В тот день я был в Уфе. На обратном пути обратил внимание на двух военных. Стоят и разговаривают. Тот, что помоложе,— старшина, тот, что постарше, — сержант. Оба вроде бы знакомые. Тот, что помоложе,— высокий, красивый... Так ведь это же Аслам. Ну да, он почти не изменился! А тот, другой, очень похож на Ильдархана абый. Он! Только стал посолиднее, возмужал. Узнаю обоих. А вот поздороваться подойти, заговорить боюсь: глазам не верю. Это же слишком большое, неожиданное счастье, чтоб сразу поверить в него. Глупо так смотрю на них. Наконец они увидели меня.

— Анис? Да ведь это ты, Анис!— закричал Аслам абый.

— Что ж ты молчишь?— удивился Ильдархан абый.

А я онемел от радости. Подбежали они ко мне, обняли крепко. А я-то лишь руки им протянул. Такой уж человек я странный, стеснительный человек, робкий — что делать.

Пароход уже ушел. На другой день его вовсе не было. Поэтому два дня мы ходили по городу, фотографировались — до сих пор еще хранится в памяти эта встреча.

Нетрудно представить, как обрадовалась мама, когда ее сыновья вдруг появились вместе в доме. Не знала, то ли смеяться ей, то ли плакать, то ли обнимать фронтовиков, как помешанная металась по дому, не могла отыскать ложку, миску, даже самовар. И ничего в этом удивительного не было. Мне только удивительным показалось, как это Наркес апа прибежала за двадцать верст часа через два после нашего приезда. Как это можно за такой короткий срок не только услышать о нашем приезде, но и прибежать из такого далека?

В окно крикнула какая-то женщина, возвращавшаяся от родника с полными ведрами воды на коромысле:

— Наркес идет!

И мы выскочили из-за стола и бросились на улицу, а впереди всех Ильдархан абый.

Бежит он, а навстречу ему Наркес апа. Вот сейчас бросятся друг другу в объятия, а они остановились, молчат. Стесняясь, несмело поздоровались, протянув руки. Будто впервые встретились. Можно подумать, любовь что-то стыдное, греховное, что тоска многолетняя — это нехорошо, что ее надо непременно скрывать. Нет, надо не стыдиться, а гордиться, что тосковали так друг по другу, что так крепка их любовь, не скрывать, что страстно ждали этой встречи.

Но почему же они прячут свои самые прекрасные, самые лучшие чувства, которыми можно только восхищаться? Идут так, будто не разлучались, будто все годы жили вместе. Я взял за руку Наркес апа, а она взяла за руку Ильдархана абый.

В счастливом доме и сон сладок.

Утром солнце ласково приветствовало нас. Близилась осень, дни стояли теплые, солнечные.

Я вышел во двор. Ильдархан абый прислонился к забору и стоял неподвижно.

Я подошел к нему.

— А Наркес апа где?

Не то чтобы ответить — даже головы не повернул в мою сторону Ильдархан абый. Не расслышал, что ли?

— Где Наркес апа?

Снова нет ответа. Постояв немного, я отошел к крыльцу.

Из трубы бани шел дым. От калитки с ведрами на коромысле шла Наркес апа. Вижу, и у нее невеселое лицо. Вот она остановилась около Ильдархана абый, ждет, не скажет ли он что-нибудь. Но тот и не обернулся к ней.

— Ильдархан, что это ты... так уж?.. Ильдархан! При людях-то...

Постояла и пошла к роднику. Но сколько бы ни проходила она мимо Ильдархана, каждый раз, останавливаясь, жадно смотрела ему в лицо.

— Хватит, Ильдархан, при людях хоть не позорь меня. Хватит!

Ильдархан абый наконец выпрямился. Лицо его было серое, как зола.

— Кто тебя опозорил? Кто?! Я, что ли?

— Ильдархан! — вскрикнула Наркес апа негромко и снова выдохнула:— Ильдархан!— И любовь, и жалость, и мольба — все было в этом единственном слове.

— Так выходит, что я опозорил тебя, а не ты меня? Интересно...

— Говорю же тебе...

Ильдархан абый прислонился к забору, отвернулся, снова о чем-то задумался.

— Уходи, Наркес, не толкай меня на преступление,— сказал он.

Не от тяжести ведер с водой — от горя согнулась Наркес апа. Не могла вымолвить больше ни слова. Они стоят рядом, но между ними будто высокий колючий забор.

Я вбежал в дом и торопливо стал рыться в сундуке. Разбрасывал книги, тетради — искал письмо Исанбека абый. Нашел. Я очень боялся, что письмо затерялось. Вот сейчас, через несколько минут, лицо Ильдархана абый посветлеет. Письмо! Сейчас оно поправит все, это заколдованное письмо.

Ильдархан абый сидел уже в саду, на скамейке, один. Я подбежал к нему.

— Исанбек абый оставил тебе письмо.

— Письмо? Какое письмо?

— Вот! На, читай! — Видя, что он не протягивает к письму руки, я добавил: — Тебе!

Ильдархан абый презрительно посмотрел на меня, отвернувшись, бросил:

— Не хочу, противно. Убирайся отсюда!— заорал он вдруг.

— Никуда я не пойду! Ты должен прочесть письмо и... и простить...

— Предательство, измену не прощают.

Я оторопел. Не знал, что сказать. Какие найти слова? Я уже взрослый, кое-что понимаю, кое-какие чувства знакомы и мне. Когда он говорил «предательство», «измена», он знал, что говорил. Он солдат и представляет ясно: выпущенный из пушки снаряд обратно не вернешь.

Вот какие дела... Хочу помочь, а сил не хватает. Нет, не хватает сил. Все-таки после долгого молчания попробовал заговорить.

— Давай забудем. Не скажем никому ни о чем...

Ильдархан абый посмотрел на меня уничтожающим взглядом.

— Исанбек абый сказал: «Мы ни в чем не виноваты». Если будут сплетни, велел не верить.

— Если бы только сплетни...

Ильдархан абый поднял сжатые кулаки над головой, потряс ими, потом устало и безвольно кинул руки на колени. Я решил, что он стал успокаиваться, и опять принялся уговаривать:

— Если поймешь, то должен простить. Тут нет никакого предательства. Это не измена, а беда! Человека не ругают за то, что он попал в беду.

— Чьи ты слова говоришь? Чьи?!

— Кто же, кроме меня, станет теперь говорить его слова? Он же сам не может. За него — я...

— За грязное дело взялся.

— Нельзя проклинать погибшего!

Услышав это, Ильдархан абый оторопел. Замолк от неожиданности и я. И вдруг ощутил страшный стыд.

Сколько времени просидели мы так, не смея пошевелиться, заговорить, не знаю. Показалась мама и, улыбаясь, направилась к нам. Но, видно, заметив что-то неладное, стала сгонять с лица улыбку.

— Случилось что-нибудь? Что это вы такие?— Она подошла к нам близко, чуть пригнулась, стараясь рассмотреть выражение наших лиц, прочесть на них ответ.— Что случилось? Ну же?..

— Ничего, ничего не случилось, мама,— ответил я, боясь, что Ильдархан абый все скажет.

— Нет. Что-то случилось. Я вижу. Чувствую. Только бы Ильдархан абый одним махом не разбил свое будущее, все свое счастье, выношенное в огне, в тяжелых походах и боях.

А Ильдархан абый, видно, стыдясь поднять глаза и посмотреть на мать, молчал. Встал, потом сел снова.

— Поругались, что ли? Из-за чего же? В детстве и то никогда не ссорились.

Продолжение. См. «Огонек» № 50.

чей заводи и бросил туда письмо. Последняя просьба, быть может, надежда Исанбека абый, кружась, поплыла по воде. И я решил забыть о письме навсегда. Но забыть так и не смог. Не могу простить себе, что не вскрыл и не прочитал письмо.

Через несколько дней рана Ильдархана абый вроде бы затянулась. Улыбка появилась на его лице. И вдруг он собрался уезжать. Сказал, что надо, и вечером перед отъездом, когда в голову ударил хмель, пропел:

Не то что петь, а трудно плакать,
Если милую ласкал другой...

Мы с Наркес апа проводили Ильдархана абый за три километра до шоссе и посадили на попутную машину.

Уехал. И на шоссе мы остались вдвоем. Потом направились напрямик по полю. Шли медленно, не поднимая головы.

— О чем Исанбек абый писал в том письме? — спросила Наркес апа, не скрывая волнения.

— Каком письме? — спросил я, притворяясь непонимающим, а сам думал: «Когда же и от кого она о нем узнала?»

— Не надо таиться от меня. Мы же с тобой друзья. В тот день... утром... когда вы сидели вдвоем... Чье же это было письмо? Исанбека, да?

— Ильдархан абый не стал его читать.

— Эх, Исанбек, Исанбек абый,— проговорила Наркес апа с горечью.

— А зачем оно теперь? — спросил я. И мелькнула тревожная мысль: «Неужели ее до сих пор интересует Исанбек абый?»

— Да, ты прав. Не нужно.

Когда мы вошли в дом, на лице Наркес апа появилось выражение печали и безнадежности. Потом она стала сторониться нас. И это было началом отчуждения ее от нашей семьи.

Наркес апа уехала и долго, очень долго не появлялась. Как она жила все это время — неизвестно. Зимой я побывал в той деревне, где она учительствовала. Мы почаевничали, потом она вышла проводить меня к воротам.

— От Ильдархана пришло письмо,— прошептала она.

— Скоро приедет?

— Пишет, что не приедет совсем.

— Не приедет? Совсем?

— У нас все кончено.

Я ничего не понимал.

— Просит не ждать его. Советует выходить замуж.

Я растерялся, не мог слова сказать. Потом еле выговорил:

— Да что же это такое?

— Так вот. Всему конец.

— Не может быть!

— Ах, Анис, не можешь ты еще понять всего. Не все ты еще знаешь...

Война кончилась, и один за другим возвращаются демобилизованные солдаты. А Ильдархана абый нет. Я жду, а пуще меня ждет мама. Ждет и каждую ночь видит страшные сны. Утром принимается рассказывать эти сны, один ужаснее другого.

Миновала зима, вот уже и половодье. А когда вода схлынула, до нас дошла страшная весть, будто бы какой-то солдат переходил реку Агидель по льду, попал в прорубь и утонул.

Если хорошие вести идут со скоростью пешехода, то дурные со скоростью ветра летят. Эта весть облетела нашу деревню вдоль и поперек, наверное, быстрее, чем за день. Каждая из матерей, потерявшая на войне сыновей своих, думала, что солдат этот, утонувший у самого порога родного дома, именно ее сын. Сколько слез было пролито — не измерить, не счесть.

Не обошла эта весть и наш дом. Мама чуть ли не лишилась рассудка. Как я старался успокоить ее!

— Если этот солдат не Ильдархан, то где же он, мой Ильдархан? Все, кто остался в живых, уже вернулись, нет только его. Это, наверное, он, мой Ильдархан, мой сыночек погиб. Остаться живым в такой страшной войне и погибнуть, утонуть у самого порога! Как же тут не сойти с ума? Как перенести такое?!

Проходили месяцы, но горе матери не уменьшалось, становилось все глубже. Мы стали побаиваться, как бы она и в самом деле не

— Да нет,— сказал Ильдархан абый.— Просто он нечаянно задел больное место.

— Рану?

— Разве у тебя есть рана?— спросил я удивленно.

— Да. Бедро...

— Ай, хорошо! — обрадовался я, что Ильдархан абый сумел скрыть настоящую причину ссоры.

Но мама по-своему поняла мои слова.

— Разве рана может быть хорошей?

— Ничего, заживет.

— Это так, конечно. Душевную рану не скоро залечишь, а на бедре заживет,— улыбнулась мать.— Айда, чай готов.— И она пошла в дом.

Ильдархан абый снова прислонился к забору, потом, похлопав по карманам, достал бумагу, табак и закурил. А я решил больше не тревожить его. Раз скрыл от матери наш разговор, значит, думает простить Наркес апа и Исанбека абый. Настоящий мужчина — мой брат. Победил себя, утаил обиду.

Подумал я так — и успокоился. С проклятым письмом в руках, содержания которого не знал, храня столько лет тайну, я пошел к стоя-

заболела, и не знали, как ее утешить, что ей говорить. Как ни утешай, что ни говори, а Ильдархан абый не приезжал.

Вот и лето прошло, и осень настала...

А весной мы услышали новость: Наркес апа вышла замуж. Значит, совсем потеряла надежду, бедняга. Побоялась остаться одинокой. Поторопилась Наркес апа. Ведь, может быть, Ильдархан абый жив. Может быть, он не приезжает и не дает знать о себе по каким-то особым причинам, просто возможности не имеет такой...

А зимой, когда мы уж совсем потеряли надежду получить хотя бы весточку какую-нибудь, появился вдруг сам Ильдархан абый.

Жив! Жив Ильдархан абый!

Жив Ильдархан абый, да только не был он уже прежним Ильдарханом. Я не могу точно передать, в чем он изменился. Внешне-то остался вроде бы и прежним, но скажу точно одно: изменился его характер. Исчезла прежняя жизнерадостность, не было веселости во взгляде. Он оставил это в дальних, чужих краях. Нет прежнего ласкового, мягкого человека, есть другой — резкий, замкнутый и очень мне не нравящийся. Да и одет он так, что смотреть неприятно на него. Какие-то длиннопятые, с приподнятыми вверх носками, нескладные валенки, толстые, стеганые грязно-зеленые брюки и такого же неопределенного цвета фуфайка.

— Разве у тебя шинели нет? — спросил я.

— Было трудно, и пришлось продать,— ответил он безразлично.

— Где скитался?

— Вблизи Чарджоу.

— Что же не приезжал домой?

— Это тебе знать не обязательно.

— А сколько из-за тебя мама слез пролила! Чем же ты расплатишься за те слезы?

— Это не твоя забота, сам разберусь.

Удивительное дело: почему не моя забота, ведь он мой родной брат. Вот безголовый. Вот бессердечный человек!

— Почему ты велел Наркес апа выходить замуж?

Молчит.

Вот тебе и Ильдархан абый! Как хочешь, так и верь ему, как хочешь, так его и люби. Нет, у меня на такое не хватит сил. Не смогу я теперь ни любить его по-прежнему, ни уважать по-старому, ни даже считать близким.

Что я сказал? Или, может быть, люди только в детстве да в юности бывают отзывчивыми и хорошими, когда же повзрослеют, сразу становятся черствыми? Так ли это? Но почему же я в таком случае слишком легко отрекаюсь от брата? Постарался ли я прежде его понять? Нет. Я, кажется, даже не пробовал этого делать. Да, да, надо быть терпеливее, чутким надо быть.

Когда Ильдархан абый стал работать в колхозе счетоводом, на душе у меня немного потеплело. Может быть, снова у него появится вкус к жизни? Увидит цель ее, красоту... Как говорят, чему быть, того не миновать. Все в прошлом, ничего такого уж страшного не произошло. Разве мало людей, что заново начинают жизнь? Да и девушек хороших, похожих на Наркес апа, тоже немало в нашей округе. Поживем — увидим!

Сразу скажу: надежды мои не оправдались. Скоро он заявил, что одежда у него обтрепалась, надобно кое-что приобрести, что скопил он, мол, сколько-то денег и, передав мне свои дела на то время, которое будет отсутствовать, уехал. Уехал, как говорил, на несколько дней, а вернулся домой лишь через две недели и не один — с девушкой по имени Адиль. Адиль была из другой деревни, познакомился в дороге. Сразу они решили пожениться.

Я никакой не счетовод, работу эту совершенно не знаю, да и характер у меня неподходящий. К счетному делу не приспособлен. И когда брат приехал, я очень обрадовался. Ну, думаю, сдам дела, пока не напутал окончательно. Однако не тут-то было: это Адиль уговорила брата снова собраться в путь-дорожку. Наказали никому не говорить, что приезжали домой, и отправились...

Прошло полмесяца, и распространился слух, что Адиль и Ильдархан абый приехали. Приехали, но остановились в деревне Адиль. Я поехал туда, рассказал, как плачет и горюет мама, как трудно мне — ничто не помогло. Дома он уже не появился.

— Совсем испортился парень,— вздохнула мама, когда я, вернувшись домой, рассказал ей все.— Боже мой, боюсь его ругать. Вдруг мои слезы на нем отольются! Будет несчастным всю жизнь. Ай, сынок! Как же ты сошел с пути? Сыночек!..

А скоро брат и Адиль завербовались на Север.

Через пять лет Ильдархан абый вернулся домой, один. Я к тому времени был студентом университета, поздравил его телеграммой с приездом, пожелал радостного труда, счастья.

Года полтора брат работал в деревне. Хотел жениться, начать семейную жизнь, но, за кого ни сватали, никто не нравился ему. Ни одна девушка. Побывал он на многих должностях, какие есть только в колхозе, и не выдержал — снова укатил куда-то.

Как-то, когда я приехал домой на каникулы, застал и его. Он был не один. С женой Шурой. Шура была на десять лет старше его.

Провели мы вместе месяц. Брат частенько, не обращая внимания на упреки матери и жены, выпивал с дружками. Дома садился за стол и грустно пел:

Не то что петь, а трудно плакать,
Если милую ласкал другой...

Однажды Ильдархан абый взял мандолину, которую купил когда-то Исанбек абый, и попытался ее наладить. Вроде бы наладил, потом ударил медиатором по струнам — никакого звука, только дребезжание. Выскочил он с этой мандолиной к дровняку и со всей силы трахнул ее о чурбак.

Вскоре он уехал. А через два года пришло от него письмо. В письме несколько вестей. Первая: с Шурой ужиться не смог. Развелся. Вторая: болит сердце, и он лежит в больнице. Третья: переехал в другой город. Какой? В письме не указано. Больше писем не было.

Жив, нет ли — неизвестно. Потерялся.

На наших глазах изломалась жизнь родного человека. А причина тому — Исанбек абый и Наркес апа...

Исанбек абый, это твоих рук дело! Исанбек абый, почему ты молчишь? Где ты? Жив? А может, погиб?..

А ты, Наркес апа? И ты — в ответе.

Почему вы сделали это? Почему?!

Окончание следует.

Перевел с татарского Н. НЕФЕДОВ.

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ХАЛИЖАНА БЕКХОЖИНА

МЕНЯ МАНИЛА ВЫСОТА

Известный казахский поэт Халижан Нургожаевич Бекхожин родился 15 декабря 1913 года в Павлодаре.

Когда в 1936 году в печати впервые появились стихи Х. Бекхожина, тогда еще студента пединститута, казахский читатель сразу оценил их самобытность и совершенство формы, стихи волновали его любовью поэта к родному краю, к бескрайним степям и голубому куполу неба, к труженикам-землякам. Халижан Бекхожин работал в Институте языка и литературы АН Казахстана, служил в Советской Армии, руководил секцией поэзии Союза писателей Казахстана, много ездил по республике, часто встречался с хлеборобами, чабанами, шахтерами — героями своих произведений. Богатый жизненный опыт художника и гражданина, поэтическое видение мира отразились в тридцати книгах Бекхожина, изданных на казахском и русском.

Признанный мастер стиха, в частности, в жанре философской лирики, Х. Бекхожин часто обращается к излюбленному жанру эпической, масштабной поэмы, чтобы воспеть героическое прошлое своего народа («Хромой кулан», «Месть», «Степной комиссар»), рассказать о трудовых подвигах современников («Акан Актаев», «Шардара» и др.). Многих молодых поэтов напутствовал в творческую жизнь Х. Бекхожин. Успешно трудится он для пропаганды литературы народов СССР и зарубежных стран, переводил на родной язык произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Горького, Маяковского, Байрона, Гете, Навои, стихи поэтов Узбекистана, Киргизии, Белоруссии, а также Египта, Индии, Ганы, Бангладеш и др. Свое шестидесятилетие поэт встречает в расцвете творческих сил.

Здесь публикуются два новых стихотворения Халижана Бекхожина.

ХОДИТ ПО ПОЛЮ ЧЕЛОВЕК

Я поэт, что весной
Обучает цветы пламенеть.
Проходя целиной,
Заставляю ее я звенеть!
Нежно, как хлебороб,
Я погладил колосья рукой,
Скоро ведь обмолот —
Станет литься пшеница рекой.
Льнут колосья к рукам.
Белый полдень — в пшеничной пыли.

Землепашец Мукан
Мнет в ладонях щепотку земли,
И встает перед ним
Желтых нив переливная дрожь,
И узоры долин...
Он лицо подставляет под дождь...

Но минует страда —
Вьюга в поле, как пес на цепи.
Но Мукан, как всегда,
Вновь задумчиво бродит в степи.

Он стоит молодой
И счастливый — хозяин страны.
Будто вместе с землей
Отдыхает теперь до весны.
Посредине зимы,
Обживая завьюженный мир,
Вот и встретились мы.
Говорю ему:
— Здравствуй, батыр!

Я мечтаю воспеть,
Как ты песенно полем идешь.
Ведь не зря ты, как степь,
На Дихана-бабая [1] похож!

* * *

Мне бабушка сказала: надо мной
Должна взойти счастливая звезда,
С тех пор и подружился я с мечтой,
С тех пор меня манила высота.
Высь звездами большими налита,
Звезда упала с неба, унесла
С собою тайны, словно юность та,
Что бровью мне лукаво повела.

Звезда иная свет мне свой зажгла,
Смотрю я не на небо, а туда,
Где надо мной, лучиста и светла,
Горит пятиконечная звезда.

Она людей сдружила навсегда,
Страны моей весенняя звезда.

Перевел с казахского Владимир Цыбин.

[1] Дихан-бабай — легендарный старец, зачинатель хлебопашества.

Юр. ЗУБКОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

МОЛОДОСТЬ СТАРЕЙ

Нам нужно «делать что-то большое». И не ставить «пустяков для препровождения времени и заполнения репертуара», говорил более сорока лет назад выдающийся мастер пушкинской сцены И. Певцов. Слова эти не утратили своего значения и сейчас.

Сегодня примером подобной взыскательности, заботы Театра имени Пушкина о создании своего репертуара является постановка пьесы молодого драматурга Л. Моисеева «Иней на стогах».

Прежде чем ожить на сценических подмостках ленинградского театра, пьеса эта обошла многие театры страны. Иные играли пьесу точно так, как написал автор: главный герой — председатель колхоза Лепехин, вокруг которого и развивается действие, появлялся непосредственно на сцене под самый занавес. Другие вообще исключали Лепехина из состава действующих лиц, превращая его в персонаж внесценический. Пушкинцы пошли иным путем. Вместо того, чтобы рассказывать устами других персонажей о положительном герое наших дней, они решили показать его в самом действии и, руководствуясь этим стремлением, совместно с автором переписали пьесу заново. Сравнивая работу пушкинцев с другими постановками пьесы, можно сказать даже без тени какого бы то ни было сомнения: их разведка, их поиск оказались наиболее плодотворными и эффективными.

Своего Алексея Лепехина И. Горбачев наделяет даром редкой человечности. Как и у автора, Лепехин в спектакле весь в деле, весь погружен в производственные заботы о родном колхозе, но все это существует для него не само по себе, а лишь ради людей. В центре внимания героя всегда находится человек, его интересы, достоинство, нравственный мир. Сила и глубина человечности, одержимость в служении людям роднят образ, созданный одним из талантливейших мастеров современной советской сцены, И. Горбачевым, с героями М. Шолохова — Давыдовым, Нагульновым, Разметновым. Иными стали уровень культуры, образованность, но партийная закалка, народная основа сближают эти образы между собой...

Сценическим прочтением и освещением центральной фигуры спектакля «Иней на стогах» Театр имени Пушкина как бы дает новую жизнь такой эстетической категории, как положительный герой, делая очевидной всю несостоятельность рассуждений иных критиков о ее надуманности и схоластичности. Утверждает героическое как нравственную норму проявления повседневного.

Было бы, однако, неверно полагать, что успех «Инея на стогах» — это преимущественно успех одного актера. В спектакле нет ни одной неточно или поверхностно сыгранной роли. В удивительный человеческий ряд и по своей жизненной достоверности, и по своей психологической наполненности, и по своей художественной колоритности, неповторимости — выстраиваются все герои спектакля. И если бы не решение образа журналистки Риммы Шершень, приехавшей расследовать анонимную жалобу на Лепехина, предложенное Н. Ургант, вся вторая половина спектакля могла бы показаться скучной: ведь театр уже познакомил нас с Лепехиным, его невиновность и правота нам очевидны, и расследовать, по существу, нечего. Но Ургант делает Римму Шершень не следователем, а союзницей Лепехина — страстной, активной, заинтересованной, глубоко убежденной в плодотворности, перспективности всех его начинаний...

Успех сегодняшних поисков Театра имени А. С. Пушкина развивает и другую его важнейшую традицию. Состоит она в том, что каждый актер, чувствуя себя соавтором драматурга, дополняет, обогащает и углубляет образы пьесы своими впечатлениями, своим творчеством, своим активным, заинтересованным отношением к действительности, своим глубоким гражданским чувством.

Обычно, когда речь заходит о Ленинградском театре драмы имени А. С. Пушкина, называют имена прославленных актеров, отдавших десятилетия творческого вдохновения его сцене,— И. Н. Певцова, Е. П. Корчагиной-Александровской, В. А. Мичуриной-Самойловой, Е. И. Тиме, Б. А. Горин-Горяинова, Н. К. Черкасова, В. И. Честнокова, К. В. Скоробогатова, Н. К. Симонова и непосредственно сегодня Ю. В. Толубеева, А. Ф. Борисова, В. В. Меркурьева, И. О. Горбачева... Каждый из этих выдающихся художников и в самом деле составляет целую эпоху в русском советском театре. И тем не менее было бы глубоко ошибочным рассматривать Театр имени А. С. Пушкина лишь как некое средоточие театральных звезд. Нет, весь этот целостный художественный коллектив исповедует единую творческую веру и обладает плодотворнейшими творческими традициями, которые в сегодняшних поисках театра развиваются и углубляются.

Именно благодаря этому театр и стал подлинной лабораторией советской драматургии. Школой мастерства для писателей. Академией — в полном смысле этого слова — сценического творчества, имеющей своей целью художественное отражение и осмысление современности... Именно этот театр открыл ленинградскому зрителю в двадцатые годы «Виринею» Л. Сейфуллиной, пьесу, с которой, по словам исполнительницы заглавной роли Е. Тиме, ворвалось на сцену «новое огромное содержание», «Пугачевщину» К. Тренева, «Штиль» В. Билль-Белоцерковского, «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова, «Конец Криворыльска» и «Огненный мост» Б. Ромашова... На протяжении более чем полувека старейший театр страны, вступивший сегодня в свой 218-й сезон, неизменно проявлял и проявляет заинтересованное отношение к современной советской драматургии.

Исходя из творческого опыта театра, которому отдал он более полувека, А. Ф. Борисов утверждает, что воплощение образа нового человека, беззаветно преданного народу, с первых же дней революции стало задачей и драматургов и мастеров советского театра. Решать эту задачу было трудно. Она «была совершенно непохожа на все задачи, которые приходилось решать актерам до сих пор».

Спектакли пушкинского театра не раз становились явлениями не только художественными, но и политическими. Так было с «Яростью» Е. Яновского. Две тысячи зрителей вставали в финале, охваченные единым стремлением почтить память убитого кулаками большевика Глобы. «Священная ярость,— вспоминает одна из участниц этого спектакля,— перенеслась со сцены в кресла партера и на скамьи галерки». Так было со «Страхом» А. Афиногенова. Монолог старой большевички Клары — Е. Корчагиной-Александровской, разоблачающей «философию» страха, пронизанный и трагедийной и жизнеутверждающей силой, вызывал единодушную реакцию зрителей. Недаром С. М. Киров, присутствовавший на одном из представлений «Страха», тихо, с оттенком восхищения воскликнул после этого монолога: «Молодчинище!..» Так было и с «Оптимистической трагедией» Вс. Вишневского, режиссер которой Г. Товстоногов и исполнитель роли Вожака Ю. Толубеев были удостоены Ленинской премии.

Театру и сегодня необходимо хранить высокую взыскательность и к произведениям драматургии, включаемым в репертуар, и к авторам в процессе совместной работы над этими произведениями, и, наконец, к своему творчеству, которое обеспечило его выдающиеся успехи, став традицией и одним из важнейших принципов жизни коллектива.

Традиция эта уходит своими корнями еще во времена А. Н. Островского. Обращаясь к замечательному актеру александринской сцены А. Е. Мартынову, великий русский драматург говорил: «Ваша художественная душа всегда искала в роли правды и находила ее часто в одних намеках. Вы помогали автору, вы угадывали его намерения, иногда неясно и неполно выраженные; из нескольких черт, набросанных неопытной рукой, вы создавали оконченные типы, полные художественной правды».

Надо ли говорить, сколь важна и плодотворна эта традиция при встрече театра с произведениями современной драматургии! Не могу удержаться от того, чтобы не вспомнить о двух эпизодических образах, созданных (именно созданных, а не просто сыгранных) в свое время И. Певцовым. Это Красильщиков в «Штиле» Билль-Белоцерковского и Путнин в «Ярости» Яновского. Первая роль состояла всего из двадцати или тридцати реплик, но человек, с которым актер знакомил зрителей, обладал высокой степенью жизненной достоверности и глубины, яркостью незаурядной человеческой личности. Образ вошел в летопись советской сцены, став одним из первых положительных героев современного репертуара. В образе Путнина, появляющегося на сцене лишь однажды, ясно прочитывалась вся жизнь профессионального революционера, старого большевика. «Певцов,— писал о его Путнине А. Борисов,— дал великолепный образец творческой самостоятельности актера, и, исходя из собственных жизненных наблюдений, используя собственное душевное богатство, он мастерски развивал предложенный автором сценарий... Певцов сумел придать своему персонажу такие внутренние масштабы, такую человеческую и идейную значительность, что незаметно выводил его далеко за скромные рамки укома. Его Путнин был большим государственным деятелем, я бы даже сказал — деятелем ленинского склада».

Подобное укрупнение масштабов воплощаемого образа, углубление содержания характеризует, — повторяю, — и нынешние поиски пушкинцев. Яркий тому пример — работы Б. Фрейндлиха, Ю. Толубеева, А. Борисова и молодой актрисы Н. Максимовой в спектакле «Сказки старого Арбата» А. Арбузова. Пьесу о любви старого Балясникова к юной Викто-

«Последняя жертва». Тугина — Г. Карелина, Дульчин — С. Сытник.

ШЕГО РУССКОГО ТЕАТРА

ше, почти лишенную примет времени, его опознавательных знаков, участники спектакля наполняют глубоким гуманистическим содержанием, выражающим идеалы именно наших дней. Б. Фрейндлих напрочь лишает своего Бальсникова эгоистических стремлений, надежды обрести для себя вторую или даже третью молодость в соприкосновении с юностью.

Нет, встреча с красотой, олицетворением которой является Виктоша, побуждает его дарить Виктоше радость, окружать ее атмосферой праздника. А боязнь сломать ее судьбу заставляет героя Фрейндлиха встать «на горло собственной песне». Столь же последовательно Толубеев в роли Блохина и Борисов, играющий эпизодическую роль Толстячка, развивают и углубляют гуманистическую тему спектакля. Первый играет преодоление одиночества, выход к людям, необходимость быть полезным и нужным им каждую минуту своей жизни, второй — преодоление обиды и страдания, ощущение себя счастливым от счастья другого человека... Вот традиция в действии! Вот истинный пример интенсивного актерского соавторства!

Это соавторство ощутимо и при работе актеров над современным репертуаром и при встрече их с репертуаром классическим. Театр бережно относится к классике, как к нашему великому национальному достоянию, чуждый стремлению модернизировать ее, приспосабливать к «злобе» нынешнего дня. Характерно, что коллектив пушкинцев надолго задержал выпуск спектакля «Вишневый сад» в силу того, что богатство и глубина душевного мира чеховских героев оказались в нем нераскрытыми. Обращаясь к классике, театр стремится проникать в глубину замысла великих писателей прошлого с тем, чтобы, раскрыв эти замыслы с наибольшей полнотой, приблизить их произведения к нашим дням.

В чем, к примеру, состоит соавторство артиста В. Меркурьева с А. Островским?.. В двух пьесах великого русского драматурга занят актер: это «Горячее сердце» и «Последняя жертва». Ну, кажется, ничего не делает он на сцене, просто остается самим собой — столь органичен и естествен артист на сцене. Но есть в меркурьевском Прибыткове этакий едва уловимый холодок. Живет этот «европеизированный» купец своей замкнутой жизнью — ни к себе в душу никого не пускает, ни сам не хочет ни с кем сближаться. Деньги, миллионы очертили вокруг него незримую черту. И он не в состоянии из этого круга выйти, и никто другой не может через него перешагнуть... Не существует для такого Прибыткова родственных связей, жалости, сострадания, нет ничего святого в жизни — все покупается и все продается. И Юлию Тугину (Г. Карелина) он тоже покупает, как вещь. Покупает, как подлинник, дорогой цены требующий, но — покупает!.. Что же касается Курослепова, то здесь актер дает такую концентрацию невежества и самодурства, что кажется весьма сомнительным счастливый финал комедии. Надолго ли пришел меркурьевский герой в «рассудок ума», не возвратится ли завтра же на прежнюю линию?..

Доверие актеров к Островскому сочетается в этих спектаклях с самостоятельным освещением образов, свободой от готовых представлений.

Вот еще три примера. Молодой актер С. Сытник освобождает своего Дульчина («Последняя жертва») от каких бы то ни было сдерживающих начал: его герой сам не знает, как поступит через минуту. Правда, Сытник не лишает Дульчина ни искренности, ни способности к осуждению собственной низости, ни добрых порывов. Но, так же как и Прибытков, Дульчин — раб денег. Нет и у него ничего заветного, святого. Деньги превращают его в паяца, в некое механическое существо.

Г. Карелина же в образе Тугиной менее всего акцентирует заботу о деньгах, которые та хочет вернуть после разрыва с Дульчиным. Актриса наделяет ее удивительной поэтичностью, открытостью сердца, включая Юлию в галерею тех образов Островского, чей нравственный облик особенно дорог и близок нам сегодня.

Глазами нашей современницы смотрит и молодая актриса В. Панина на героиню «Горячего сердца», ищет у этой купеческой дочери черты, роднящие Парашу с Катериной из «Грозы». У героини Паниной и в самом деле горячее сердце, отзывчивое на добро, не желающее мириться со злом.

Заинтересованная, целенаправленная забота о создании современного советского репертуара и постоянное интенсивное соавторство каждого актера с драматическими писателями составляют основу неиссякаемой творческой молодости пушкинского театра.

По силе и красоте актерского ансамбля, по своим художественным возможностям, по глубине эмоционального воздействия на зрителя, это лучший театр Ленинграда.

Четыре с лишним десятилетия назад предложив известному советскому режиссеру Н. Петрову возглавить бывшую Александринку, С. М. Киров обратил его внимание на смелое выдвижение молодежи как одну из основных задач коллектива.

«Смотрите, как полюбил зритель Симонова и Рашевскую после спектакля «Криворыльск»,— говорил Сергей Миронович.— Смелее выдвигайте молодежь, которая впоследствии сможет занять ведущее положение и встать рядом с такими прекрасными актерами, как Корчагина-Александровская и Певцов».

Эти слова на многие десятилетия определили направление работы пушкинцев. Уже давно нет в коллективе прославленных мастеров пушкинской сцены, украшавших ее в первые годы революции. Ушли из жизни и К. Скоробогатов, Н. Черкасов, Л. Вивьен, Н. Рашевская, В. Честноков, Н. Симонов... Невосполнима каждая утрата! И, однако же, театр не оскудел талантами. От поколения к поколению передаются эстафета мастерства, принципы актерского творчества, тот самый «секрет» памяти, о котором скорбел чеховский Фирс, говоря, что его забыли, но о котором в Театре имени Пушкина не забывают ни на один день.

Известно, нет проку в перечне фамилий. Но, думая о сегодняшнем творческом облике пушкинского театра, просто нельзя не вспомнить о М. Екатерининском, К. Адашевском, Е. Карякиной, О. Лебзак, Н. Мамаевой, А. Ефимовой, Ю. Родионове, А. Соколове, А. Яне, Р. Кульде, Л. Горбачевой, Э. Романове, В. Лисецком, Р. Балашовой, А. Таракановой, Е. Вановской, И. Вознесенской... И еще о многих других актерах, где каждый являет самобытную, глубокую художническую индивидуальность.

Именно пушкинский театр, заключив несколько лет назад договор с заводом «Электросила», стал застрельщиком поисков новых форм содружества искусства и труда. Для коллектива, постоянно чувствующего себя активным и полноправным участником жизни, это закономерно: иначе просто и быть не могло! Жизнь, наша советская действительность, взращенные ею новые люди — источник, из которого театр повседневно черпает вдохновение.

Раздумывая над процессом смены поколений на советской сцене, председатель художественной коллегии Театра имени А. С. Пушкина, народный артист СССР Игорь Горбачев пишет: «Особенно он сложен в старых, давно устоявшихся коллективах с богатыми традициями. Молодые режиссеры часто не умеют пользоваться традициями и на них взращивать новые. Им хочется немедленно, здесь, сейчас создать нечто небывалое, поразить новизной и необычностью. И в этом они не одиноки. Молодые артисты утверждают «современный стиль» игры, а молодые критики громят «устаревшее» и «консервативное». Рождаются теории «современного стиля» и «современной манеры». Традицию отрицают, не овладев ею, не зная ее существа. И тогда мне хочется воскликнуть: какой новый «Маскарад» вами сыгран? Какая «Принцесса Турандот» поставлена? Какое «Письмо Белинского к Гоголю» написано? Есть ли у вас право поднять руку на прошлое?

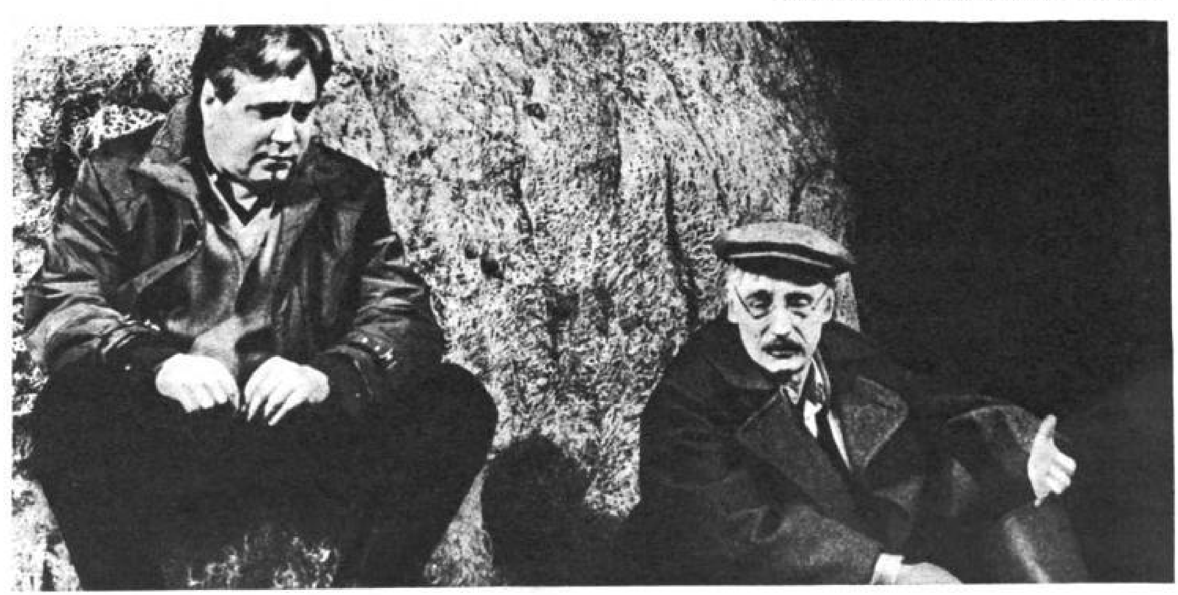
Нельзя рвать нить преемственности, эта нить — актер. Только вместе с ним вы можете создать новый театр, развивающий и совершенствующий искусство старых мастеров».

И. Горбачев имеет право на эти слова. Они оплачены золотой валютой многолетнего и прекрасного творческого опыта пушкинского театра, подтверждены всей его художественной практикой.

Мы за то, чтобы было больше театров хороших и разных. Ленинградский театр имени А. С. Пушкина во всем своем творческом своеобразии и неповторимости входит в художественную сокровищницу нашего народа, обогащает ее.

И. Горбачев и М. Екатерининский в спектакле «Иней на стогах».

Фото И. Галанюка и Д. Мовшина.

К 80-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА
КЕДРОВА

СЛОВО О ДРУГЕ

Павел МАССАЛЬСКИЙ,
народный артист СССР

Я помню его молодым, мысленно вижу первые его роли. Пожалуй, он был тогда особенно хорош в «Бронепоезде 14-69» Всеволода Иванова, одном из первых советских спектаклей на сцене Художественного театра.

Мы много лет работали, точнее сказать, жили в театре вместе с Михаилом Николаевичем Кедровым. Часто говорили, что выпала нам на редкость счастливая актерская судьба — быть младшими современниками и учениками наших великих «стариков», как все любовно называли К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко.

Кедров стал одним из их прямых преемников. Мы это поняли после премьеры горьковского спектакля «В людях». Многое стерлось в моей памяти, а эта прекрасная режиссерская работа товарища осталась, хотя прошло со времени премьеры ни мало ни много сорок лет.

Чем замечателен был Кедров-режиссер? Прежде всего редким сочетанием режиссерского дара с педагогическим талантом. Человек широкого творческого диапазона, глубокой и разносторонней культуры, он унаследовал от своих великих предшественников и учителей то главное, что делало их бессмертными в искусстве театра,— видение большого художника правды. Он умно, активно и проникновенно любил жизнь, знал ее, был по-граждански чуток к ней. Во главу угла своего творчества он ставил служение высокому воспитательному назначению театра. Кедров прежде всего был художником-гражданином. И это помогало ему создавать спектакли общественно значимые, современные в полном смысле слова, независимо от того, обращался ли он к творениям Шекспира, Мольера, Гоголя, или к драматургии наших дней.

Мне не раз приходилось в работе над ролью непосредственно сталкиваться с Кедровым-режиссером. Гарри Смит в симоновском «Русском вопросе», Вово в «Плодах просвещения», Захар Бардин в горьковских «Врагах»... Бесконечно интересно было работать с Михаилом Николаевичем! Подобно К. С. Станиславскому, он не признавал в процессе создания спектакля никакого деления актеров на «именитых» и «начинающих». «Мне неважно,— говаривал он бывало,— что вы все знаете. Мне важно, что вы еще ничего не знаете...» Он справедливо считал, что уверенность в своем «всезнайстве» мешает чистоте и свежести восприятия, ведет к штампам.

Знаток человеческой природы, он удивительно умел подсказать в нужный момент точный и меткий психологический штрих. Помню, работал я както над ролью рассеянного и нерешительного человека. Все казалось просто. Однако Кедров был чем-то недоволен, приглядывался, помалкивал. «Слушай,— сказал он мне,— а ведь нерешительный человек на самом деле решителен!.. Представь себе, я хочу поехать на футбол...— Представить себе это было нетрудно, потому что любил он эту игру самозабвенно.— Но, с другой стороны, дождь идет, давка в метро... Нет, не поеду... Но ведь дождь и давка в метро не в первый раз?.. Решено — еду!..» Вдумаешься: Кедров прав. Так человечнее, правдивей. Редко отступается нерешительный человек от принятого решения. Он только «крутит» его так и эдак, а сам все уже давно решил...

Много прекрасных спектаклей поставил на сцене МХАТ народный артист Советского Союза, мой старый и добрый друг Михаил Николаевич Кедров. Вошли в золотой фонд мхатовского репертуара горьковские «Мещане», «Дачники», чеховский «Дядя Ваня», гоголевский «Ревизор», погодинская «Третья патетическая», «Платон Кречет» Корнейчука...

Он был большим и многоплановым актером. Его Тартюф, Бардин, неповторимый Манилов, Каренин навсегда остались в памяти свидетельством крупного, мхатовского таланта, которым он в какой-то степени пожертвовал во имя творчества режиссера.

Скоро пятьдесят лет, как я в родном Художественном театре. Но ощущение молодого и взволнованного счастья от встреч и долгой работы вместе с великими мастерами не проходит. Их жизнь продолжается.

ТРАГЕДИЯ ПОЭТА

«Жизнь и смерть Михаила Лермонтова»...[1]. Георгий Гулиа, мастер, который во всех своих вещах остается самим собою, не теряя своей самобытности, и вместе с тем, как превосходный актер, умеет обуздать и подчинить себе непокорное искусство до такой степени, что перевоплощается и входит в образы не только далекие друг от друга, но и просто-напросто диаметрально противоположные. Право же: только что опубликованы романы об Эхнатоне, Перикле и Сулле—и вот... Лермонтов.

Лаконичное это произведение безраздельно овладевает вами своей динамичностью. Потрясает ликом русского гения, нарисованным с такой любовью к нему, с такой неопровержимой убедительностью, с бережным и глубоко уважительным отношением к поэту, которое иначе не назовешь как народное, потому что именно народ вот уже более столетия лелеет каждую лермонтовскую тропу и хранит червонное золото его драгоценных строк...

В чем же секрет удачи автора? Вымысел?

Гулиа ничего не придумывает. Он позволяет себе лишь сделать то или иное краткое замечание по поводу факта биографии или события в жизни Лермонтова, по поводу того или иного его стихотворения, но, комментируя, высказывает только свои мысли и ощущения, нимало не навязывая их и даже подчеркивая, что читатель может понимать все это по-своему, и, больше того: может, собственно говоря, взяться за перо и написать сам все, что считает нужным. Иными словами, автор не раздражает читателя категорическими выводами и сентенциями и не подавляет его авторитетом известного писателя, а как бы советуется с ним...

Гулиа идет еще дальше. Отнюдь не посягая на единоличное владение таким национальным сокровищем, как Лермонтов, он освобождает свою любовь к поэту от ревности и то и дело предоставляет слово другим писателям и мемуаристам, нашим современникам и современникам поэта, честно цитируя их, а не превращая в своих литературных вассалов и доноров. Впрочем, это не исключает мимоходом брошенного иронического или полуиронического словца в адрес некоторых из них...

Является ли произведение Гулиа романом в привычном для нас значении этого слова? Нет, не является... Может быть, это хроника жизни Лермонтова? Ведь шаг за шагом, начиная от рождения будущего поэта в доме у Красных Ворот и до выстрела Мартынова, прослеживает Гулиа весь жизненный путь нашего классика. И досконально, так что каждая подробность органически входит в состав нашей крови. Нет, не хроника: хроника выглядит иначе.

Исторический роман? Ведь, читая Гулиа, мы проникаемся духом лермонтовской эпохи. Нет, и не исторический роман.

Человековедческое эссе? Поэма в прозе? Возможно, и это. И скорее всего. Пожалуй, ведь только поэзия может так сильно и так прямо воздействовать на нас, как, скажем, сопровождаемая рефреном из письма Лермонтова к бабушке Елизавете Алексеевне Арсеньевой («Милая бабушка, будьте здоровы и уверены, что бог вас вознаградит за все печали...») трагическая и все с большей эмоциональной силою нагнетаемая история дуэли и смерти Лермонтова, где буквально каждое слово и каждый фрагмент мрачнеющего пейзажа (он тоже лаконичен, как все остальное в этом повествовании) вызывают щемящее чувство удушливой тоски и физической боли за поэта, который вот-вот должен погибнуть во цвете лет и погибает, сраженный проклятой пулею. А разве не поэзия — контрастное сопоставление нежнейших строк из лермонтовского «Ангела» с эпизодами глупейших «парадировок», в которых приходится участвовать уже не поэту, а корнету Лермонтову?

Каков же все-таки жанр нового произведения Гулиа, новой и совершенно исключительной, удивительно своеобычной вещи о Лермонтове? Я не могу ответить на этот вопрос.

Хочу сказать другое: написанное Георгием Гулиа произведение — одно из лучших среди того, что есть о Лермонтове.

Все в его вещи предельно просто. Язык его романа — это разговорный язык с простыми вопросами и простыми ответами. Автор не стремится пускать пыль в глаза читателю семиэтажными конструкциями фраз или нарочитыми преуменьшениями. Он ничего не снижает и ничего не приукрашивает. И в этом — подлинная эстетическая красота его произведения.

Он будто бы только апеллирует к фактам — жизненным и литературным, историческим и романтическим, вроде бы лишь концентрирует их и сравнивает, но поэтической мудростью веет от этих апелляций и сравнений.

Это историческая книга, которая целиком обращена к нам, людям семидесятых годов. Меньше всего думает автор о себе, о том, чтобы так или иначе продемонстрировать себя и покрасоваться на фоне портрета гения. Он все время как бы уходит на задний план, за кулисы. Но он режиссер этого волшебного спектакля. И за это спасибо ему.

А. ТВЕРСКОЙ

[1] Георгий Гулиа. «Жизнь и смерть Михаила Лермонтова». Журнал «Москва» № 10, 1973.

МАГАЗИН СЕЛА МЕРКЕ

Красивое здание из стекла и бетона — новый торговый центр. Он расположен на центральной улице казахского села Мерке и называется так же, как село,— «Мерке».

В магазине применяются прогрессивные методы обслуживания покупателей, учтены последние достижения торговли. Самый большой зал — «Все для женщин». Не забыты и маленькие покупатели: для них оборудован торговый «теремок», где можно и осмотреть игрушки и поиграть, пока родители делают покупки.

120 продавцов, прошедших специальную подготовку, обслуживают покупателей.

В Мерке также завершается строительство ресторана, кафе, нового продовольственного магазина «Универсам».

За минувшую пятилетку в Меркенском районе построено много сельских магазинов, кафе, столовых и комбинатов бытового обслуживания.

Фото Иосифа БУДНЕВИЧА, Юрия КУЙДИНА (АПН).

Джамбулская область

Подходящая кандидатура

Аркадий САХНИН

Он идет по коридору уверенно, как и подобает идти полковнику ЦРУ в своей вотчине. Лицо спокойно, лишь едва уловимый оттенок недовольства. Он разговаривает с журналистом, поясняя и поучая, чтобы и тот все хорошо понял и рассказал бы людям, что все это ерунда какая-то, и вообще на радиостанции по-английски разговаривает только он один, и никаких документов, кроме материалов, идущих в эфир, у них нет и прочее в том же духе.

Полковник приводит журналиста в комнату, где вся стена — один сплошной стальной шкаф со множеством дверей.

Пожалуйста, смотрите, эти шкафы всегда открыты для всех. Он дергает и вертит рукоятку, но дверь не поддается. В раздражении что-то кричит, кому-то, конечно, изрядно достанется, когда уйдет журналист, ведь о его визите было известно заранее.

Но вот наконец двери распахнуты. Шкафы туго забиты папками. То ли их сюда специально уложили, готовясь к встрече с журналистом, и лишь по привычке все заперли, то ли это комната, о которой мне раньше говорил Анджей, специально предназначенная для тех случаев, когда появляется здесь посторонний.

Журналист не стал рыться в папках. Он долго слушал, а вместе с ним и мы, как возмущается полковник выдумками о шпионаже, пока не ложатся перед ним на стол те же документы, что предъявлялись и Коху.

— Это подлог или фотокопии подлинных документов?

Браун молча и долго смотрит на бумаги. Слишком много на них пометок, условных знаков, инициалов, выдающих происхождение и путь донесений.

После паузы Браун говорит тихо и твердо:

— Да, это наши документы.

— Такова истина,— сказал Генрих, когда мы вернулись в его кабинет.— Чтобы окончательно утвердиться в ней, взгляните еще раз на документы, которые мы вам дали. Цифры в колонках слева указывают, куда, в какие папки надлежит класть донесение и где его при надобности искать. Вопрос этот, как увидите, не технический.

Генрих дал мне фотокопию обширного перечня под скромным названием «Система делопроизводства» и помог разобраться, что к чему. На второй странице под номером 300 — раздел «Вооруженные силы». В нем двадцать шесть наименований: «Сухопутные войска», «ВВС», «Военно-морской флот», «Оружие и снаряжение», «Политическое воспитание» и другие. Все они перенумерованы, и под теми же номерами в сейфах РСЕ хранятся папки, где концентрируются шпионские данные по этим вопросам.

Скажем, приведенное выше донесение о польско-чехословацких лагерях, как относящееся к вооруженным силам, имеет номер 300. Но под этим номером много папок, и он указывает лишь сейф, где лежит искомая. На ней есть еще номер 305, соответствующий разделу «Подготовка». А поскольку речь идет о совместной военной подготовке двух стран, ставится еще третий номер — 325, которым обозначаются папки с материалами Варшавского договора.

В «Системе делопроизводства», кроме «Вооруженных сил», еще сорок разделов: «Сельское хозяйство», «Религия», «Экономика», «Национальные меньшинства», «Эмиграция», «Пропаганда», «Финансы».

Разделы, в свою очередь, делятся на ряд позиций. Скажем, раздел «Пограничные районы» имеет семь позиций, а «Промышленность» — шестьдесят. Сначала она делится на пятнадцать подразделов, таких, как «Военная промышленность», «Ядерная», «Авиационная», а они уже разбиты на позиции. Например, подраздел «Электротехническая промышленность» объединяет «Электронику», «Радио и телевидение», «Электромашины», «Телефонные линии и телекоммуникации» и др. А всего шестьсот пятьдесят позиций, охватывающих решительно все области жизни Польши, каждую ее клетку. Это только по «польской редакции». Несомненно, то же делается и в отношении других социалистических стран. А Советский Союз? Представляете, какие силы собраны против него на радиостанции под этим лживым названием «Свобода».

«Нам хорошо известно содержание сейфов польского отделения «анализа и исследований»,— продолжал Генрих. Я не буду сейчас говорить, что собой представляет добытая РСЕ информация о Польше и степень ее достоверности. Хочу лишь подчеркнуть, что при помощи радиостанции ЦРУ пытается овладеть материалами, представляющими не только военную и государственную тайну, что занимаются они не только экономическим шпионажем, но выискивают, собирают весьма сомнительные факты для шантажа и провокаций.

Генрих не стал развивать эту тему, но она буквально бьет в глаза, когда смотришь «Систему делопроизводства». Вот в разделе «Женщины» под номером 3411 читаю: «Жены и любовницы высокопоставленных лиц».

Интересно, для чего такой материал радиостанции? Ведь он годится только для сплетен, шантажа, провокаций. Какая уважающая себя и слушателей радиостанция будет заводить папки с подобными «данными» и прятать их в сейфах?

Раздел «Моральный дух и настроения» начинается номером 2001 — «Анекдоты». Тоже «достойное» занятие для такой радиостанции, как «Свободная Европа». В папке под номером 1702 лежат материалы, отвечающие ее названию,—«Халатность и ошибки», а № 1709— это «Трудности в производстве». Из раздела «Труд», насчитывающего тридцать шесть позиций, выделяются еще № 1907 — «Отношения между рабочими и интеллигенцией», № 1922/I — «Прогулы», № 1923/I — «Заводские парткомы», № 1927 — «Профессиональные заболевания»...

Все может пригодиться. И № 3213 — «Нехватки» из раздела «Уровень жизни», № 3301 — «Черный рынок» из раздела «Торговля» и № 3401 — «Семейная жизнь», и, конечно же, № 2303 — «Деятельность МВД», № 2309/I — «Служба безопасности» и № 2504— «Адреса мест заключения».

Чего только не нагорожено в «Системе»! Прочитаешь эти 650 позиций, и не останется сомнений: система шпионажа, провокаций, шантажа.

Со шпионажем ясно. Ну, а провокации, фальшивки? Что это такое? Кто придумывает технологический процесс, если так можно выразиться, их производства, кто исполнители?

Чехович рассказал, что это такое. По моей просьбе привел примеры из жизни не РСЕ, а радиостанции со столь же чуждым ей названием «Свобода», вещающей на Советский Союз. На этой радиостанции он также сумел завязать связи. И не только связи. Сблизился, установил надежные контакты с редактором — режиссером «татаро-башкирской редакции» Мисбахом, что в значительной мере облегчило ему выяснение многих вопросов.

Возглавляет эту редакцию Шипаг Нигматуллович Нигматуллин. Он же Нигмати, он же Иозеф Аксам-оглы, он же Юсуф-оглы.

В 1941 году Нигматуллин, будучи лейтенантом Советской Армии, сбежал к гитлеровцам. Из информации Мисбаха Чехович узнал полную биографию, каждый шаг этого человека. Сначала Нигматуллина отправили в школу пропагандистов так называемого восточного министерства, куда отбирали подававших надежды стать предателями. После ее окончания он вербовал военнопленных для такой же «учебы» в лагерях Вустрау и Цитенгорст.

Нигматуллин старался, поэтому получал повышения. Был заместителем редактора, а потом и редактором националистической газеты, которая выпускалась для поддержания духа предателей. Ему присвоили звание оберштурмфюрера СС.

К концу 1944 года ему стало не по себе. Он начал подозревать, что, возможно, немцы и не добьются окончательной победы. Эти подозрения усилились, когда его послали редактировать газету маленького восточнотюркского подразделения. Новое место службы не понравилось, поскольку со всех сторон стреляли. Он обиделся. Если с ним так нехорошо и неблагородно поступили, значит, и он имел моральное право ответить тем же. Хорошо бы, конечно, пробиться в плен к американцам или англичанам, чтобы разоблачать фашизм, но их поблизости не было. Оставаться же в немецкой армии не было никакого смысла.

Выбросив мундир и погоны, он удрал в западную часть Германии, где с большим знанием предмета подделал документы и стал свободным гражданином Турции по имени Иозеф Аксам-оглы. Так официально он именуется и сейчас.

Имя-то он получил, а вот насчет харча было трудновато. Попробовал свои силы на черном рынке, но дело оказалось трудоемким, а барыш невелик. Снова перешел на подделку документов. Он правильно рассчитал, что выгоднее всего подделывать продовольственные

———

Окончание. См. №№ 49 и 50.

карточки. Но тут его поймали с поличным и посадили в тюрьму. Об этом узнал бывший сотрудник немецкого восточного министерства профессор Менде, устроившийся в английской разведке, и забрал Нигматуллина к себе. И опять целая полоса неудач. За сбыт фальшивых денег его снова осудили в сорок девятом году, а в пятьдесят первом за регулярное пьянство и дебоши окончательно выгнали из английской разведки.

Не повезло и в Мюнхене. Опять попал в тюрьму, теперь уже за изнасилование. Это совпало с затруднениями в подборе кадров на радиостанции «Свобода». В частности, очень нужен был главный редактор «татаро-башкирской редакции». В связи с этим американцы и вызволили его из тюрьмы и посадили в редакторское кресло, где он и укрепился.

Официальные данные о назначениях, судимостях, приговорах Мисбах взял из его личного дела, а мотивы своих действий Нигматуллин изложил Мисбаху сам, поскольку считал его своей правой рукой.

Подобная информация нужна была, чтобы узнать, кто же практически, какие кадры способны изо дня в день сочинять фальшивки и совершать подлоги, для которых именно эти отрасли «деятельности» стали профессией.

Вот еще фигура из досье, составленного по информации Мисбаха. Довольно часто можно услышать радиопередачи, начинающиеся так: «Говорит Николай Градобоев...» Мисбаху удалось заполучить и скопировать все «личное дело» этого человека. Подлинная его фамилия Дудин. Лев Владимирович Дудин. Он родился и воспитывался в дворянской семье, перед войной стал доцентом Киевского университета.

Дождавшись прихода в Киев гитлеровцев, в первый же день явился в немецкую комендатуру и предложил свои услуги. По его доносам были схвачены, расстреляны и заточены в лагеря десятки истинных патриотов. Эта первая «услуга» Дудина была оценена. В гитлеровских архивах, захваченных Советской Армией при освобождении Киева, оказался рапорт начальника полиции безопасности и СД по Украине от 26. IV. 42 г. в адрес главного управления безопасности СС. Кроме биографических данных, в рапорте приведена краткая, но весьма выразительная характеристика Дудина: «Он оказал в разных случаях СД важные услуги». Что это за «важные услуги», мы уже знаем: кровь десятков людей.

Из архивного дела Дудина видна вся биография предателя. Она начинается со скромной должности переводчика в фашистской газете «Новое украинское слово». По рекомендации оберштурмфюрера СС Герхарда Мейснера его назначают заведующим отделом этой газеты, а затем и главным редактором еженедельника «Последние новости». Когда под ударами Советской Армии бежит он вслед за хозяевами на Запад, они дают ему рекомендацию: «Дудина можно использовать на заданиях по пропаганде, например, на работе в «Антикоминтерне», если его, конечно, нельзя использовать по линии Главного управления безопасности».

Его используют по всем «линиям».

Это предатель и военный преступник, виновный в гибели многих патриотов Родины. И вот теперь этот фашистский выкормыш, спрятавшись под фамилией Градобоева, тщится поучать советских людей, как им жить, выдавая сфабрикованные фальшивки за истину. Чаще всего их сочиняют в стенах радиостанции и выдают за письма слушателей из СССР. Более хитро поступил Нигматуллин. Письма он писал сам, а Мисбаха посылал с ними на аэродромы и вокзалы. Среди немецких туристов, особенно студентов, отправлявшихся в СССР, находились люди, которые соглашались — кто просто, не подумав, по глупости, а кто и за вознаграждение — брать с собой письма с адресом «Свободы» и наклеенными советскими марками и опускать их в почтовые ящики наших городов. Кое-кто выбрасывал потом эти письма, но часть из них в соответствии с адресом приходила на «Свободу» уже с советским почтовым штемпелем. Это создавало авторитет Нигматуллину, а заодно и Мисбаху.

Кстати, еще несколько слов о Мисбахе. Была и у него на душе вина перед родиной. Попав в плен и поверив лживым словам Нигматуллина, он согласился ехать в антисоветское гнездо Вустрау. Оттуда ему удалось сбежать, как только увидел, что оказался среди предателей, но он тяжело переживал свое пребывание там. Годами не мог найти работу, пока не прибился к радиостанции «Свобода». И здесь ему было невмоготу. А тут еще Нигматуллин, который хвастался перед американцами, что это он подготовил такого надежного человека. Вся обстановка радиостанции угнетала Мисбаха безмерно и доводила до самых крайних мыслей. Неразговорчивый, тихий, непьющий, он выполнял все задания и производил впечатление человека безотказного и замкнутого. Однако замкнутость не была чертой характера Мисбаха, и это сумел разгадать Чехович. Он понял, что именно гнетет Мисбаха, и постепенно сблизился с ним.

Осень 1968 года. Мисбах рассказывает Чеховичу о плане подготовки очередной крупной фальшивки. В связи с требованием о проведении значительных идеологических диверсий старый агент ЦРУ, один из руководителей «русской редакции», Гаранин, предложил изготовить декларацию от имени советских граждан России, Украины и Прибалтики, будто бы объединенных в единую антисоветскую организацию. Декларацию, якобы нелегально полученную из СССР, Гаранин предлагал затем широко распространять в социалистических странах и передавать по всем радиоканалам. К записке был приложен и проект декларации.

Несколько слов о Гаранине. Настоящая его фамилия — Синицын. Был он когда-то сельским учителем, сотрудником совета физкультуры в Петропавловске, сменил до войны немало должностей, учился заочно в юридическом институте. В 1942 году добровольно сдался в плен. Дальше, казалось бы, обычный путь: лагеря Вустрау, Цитенгорст. Тем, кто оправдывал надежды, вроде Нигматуллина, находили соответствующее применение, остальных отправляли в лагеря смерти или на тяжелые работы. Гаранин проявил такие способности, что из учащегося его сделали преподавателем в Вустрау. С его помощью в 1943 году было выявлено в лагере и расстреляно 13 коммунистов. Вскоре он выследил 25 человек, слушавших по радио сводки Совинформбюро. Все они были подвергнуты экзекуции, а затем куда-то отправлены. Видимо, это лишь немногое из его деяний подобного рода, ибо следующее назначение Гаранина — прокурор власовской армии. Чтобы получить такой пост, надо было доказать свою преданность фашизму не на словах, а кровью советских патриотов.

Год прокурорствовал он у Власова, арестовывая сотни людей, насильно загнанных в эту армию или одураченных гитлеровской пропагандой. Гаранин не раз высказывал мнение о том, что сохранить и держать в повиновении армию можно только жестоким террором. По его требованию выносились смертельные приговоры за малейшие подозрения людей в «нелояльности».

Гаранина подобрала американская разведка. И вот этот Гаранин и предложил своим хозяевам очередную, по его мнению, крупную идеологическую диверсию, о которой речь шла выше. Чеховичу удалось получить фотокопию этого доклада и проекта декларации, равно как и ответа нью-йоркского «Комитета радио «Свобода», предложившего создать группу из наиболее сведущих сотрудников, которая бы, взяв за основу проект Гаранина, подготовила декларацию.

В первом варианте фальшивка называлась «Программа народных требований в области государственного и общественного устройства». Готовилась она долго, много раз переделывалась и вышла лишь в 1970 году под новым названием.

— Вот посмотрите хотя бы на отмеченные мною места,— сказал Анджей и дал мне брошюру в красной обложке под заголовком «Программа демократического движения Советского Союза».

Внизу три строчки мелким шрифтом: «Амстердам. 1970. Фонд имени Герцена».

— А это что за фонд?

— Точно сказать не могу,— пожал плечами Чехович.— Один из многих. Вообще-то говоря, по американским открытым источникам антисоветских «фондов», с капиталом более ста тысяч долларов насчитывается тринадцать. Их финансируют магнаты США. А мелких, хотя каждый из них дает себе громкие названия, вроде фонда Герцена, более девятисот. Что о нем сказать?

Находится он в Голландии, и во главе его стоят Беземер Ян Вильям и ван Хет Реве Карел. Оба были корреспондентами голландской реакционной газеты «Хет парол» в Москве, и оба выдворены оттуда за составление и передачу клеветнической информации. Фонд создан разведкой США, а руководит им, судя по ряду данных, радиостанция «Свобода».

Я полистал брошюру. В ней 75 страниц убористого текста, и почти на каждой из них абзацы, подчеркнутые Чеховичем. И какое место ни возьми, подделка так и лезет со всех сторон.

Поистине, через все края хватил власовский прокурор, а его шефы проглядели и выплеснули в свет эту фашистскую клевету. Должно быть, прельстил их раздел, где излагается «новая программа».

Что же предлагает власовский прокурор из радиостанции с подложным названием «Свобода»?

Вот раздел на 12-й странице:

«Мы считаем»... И дальше с тупой откровенностью пункт за пунктом восхваляется мир голого чистогана, мир колониальных захватов, мир жестокого и беспощадного капитализма. Завершается раздел выводом: «Борьба против капитализма в любых его формах является преступной и бесцельной».

И авторство этой декларации, этой оголенной сути империализма приписывается советским людям, ибо «декларация» имеет подпись: «Демократы России, Украины, Прибалтики. СССР».

Брошюрку начали распространять, но стукнули кулаком по столу владельцы крупных «фондов»: «Запретить! Какой идиот мог это придумать!»

Вот как просчитался власовский палач. А ведь в директиве шефа с 42-й улицы Нью-Йорка Хоуленда Сарджента, копию которой мне показал Чехович, адресованной всем сотрудникам «Свободы», строго предписывалось: «Побольше такта и тонкости», «Не забывайте, что вы говорите с убежденными людьми, преданными своему строю и образу жизни».

Забыл об этом власовец и подвел многих, в частности Джона Лодизена, сотрудника ЦРУ, выдворенного из Москвы в 1968 году. Именно он, занимающий сейчас крупный пост на «Свободе», контролирует все выходящие оттуда тексты. Подвел и издателей, получивших приказ выпустить эту брошюру, скомпрометировавшую очередной антисоветский «фонд».

Распространять «декларацию» запретили, хотя до этого успели ее послать в ряд стран. Но дело не в ней. По этой истории видно, как создаются фальшивки.

Я начал делать выписки из брошюры, но Чехович остановил меня: «Не надо, я дам вам экземпляр. Покажите товарищам, ведь в такое трудно поверить».

Я поблагодарил, выразил сожаление, что нельзя написать о Мисбахе, оставшемся в Мюнхене.

— Да нет, теперь можно,— с грустью сказал Чехович.— Вот прочтите.

Он дал мне напечатанное на машинке сообщение радиостанции «Свобода». Я прочитал: «17 ноября от тяжелых увечий, полученных при автомобильной катастрофе, в пути следования из Мюнхена домой, скончался режиссер татаро-башкирской редакции радиостанции «Свобода» наш соплеменник Мисбах Мифтах».

Анджей сказал:

— Я подозреваю, как и многие другие в Мюнхене, что это не была случайная автомобильная катастрофа.

* * *

Больше года находился Анджей Чехович в западных лагерях, пока проверяла его американская разведка. Шесть лет проработал он на РСЕ, снимая копии секретных документов, налаживая контакты. Он вскрыл разветвленные каналы и методы работы радиостанции.

Ему было трудно. Порой невыносимо трудно. Не раз он оказывался под угрозой прова-

ла. Если он сам не мог найти выход из положения, на помощь приходил Центр.

Бывали случаи, когда он шел на риск сознательно, понимая всю важность задания. А дважды попадал в глупейшие положения, связанные с риском провала из-за собственной оплошности. Вот один из эпизодов.

В течение рабочего дня снимать копии документов было чрезвычайно трудно, так как во всех комнатах всегда находилось несколько сотрудников. Чехович нашел выход. Пользуясь хорошим к нему отношением Новака и Заморского, он заявил им, что хочет совершенствовать свои знания в области германской филологии и поступить в университет, где придется посещать лекции всего один раз в неделю. Как и предвидел Анджей, Заморский не возражал, но, несмотря на хорошие отношения, предложил отрабатывать этот день, продлив на час каждый его рабочий день. Именно об этом и мечтал Анджей. Когда все расходились, Анджей успевал выполнять и задания, оставляемые Заморским, и, открыв собственным ключом сейф, делать необходимые снимки. Прежде всего он брал книгу регистрации почты, где фиксировались не только источник и характер информации, но и степень секретности. Их было четыре — SLD, LTD, JD, ND. Наибольший интерес представляли первые две категории, как совершенно секретные и просто секретные. С них он и начинал, быстро находя соответствующие папки по «Системе делопроизводства».

Анджей успевал многое сделать, ибо оставался не на час, а порой на два и даже три часа. Он следил лишь, чтобы обязательно покинуть помещение до восьми тридцати вечера, ибо в это время охрана запирала их комнаты. Однажды то ли увлекся он работой, то ли часы подвели, но с ужасом услышал, как дважды щелкнул замок. Анджей оказался запертым. Ключи у охраны брал тот, кто приходил первым.

Он перебрал в уме самые различные варианты освобождения из плена, и ни один не подходил. Почти готов был позвонить охране. Так, мол, и так, случайно заснул. Но и это было слишком рискованно: неизбежен самый тщательный обыск. А у него аппаратура, много заснятой пленки, ключ от сейфа да и еще кое-что.

Решил положиться на Игнация Клибаньского.

— Это был старый человек,— сказал Анджей,— очень низкого роста. Он ходил в пальто и шляпе двадцатилетней давности, выцветшего темно-синего цвета, в больших, не по его размеру, ботинках. Это был смешной, опустившийся человек, выполнявший кое-какую техническую работу вроде подшивки и подклейки бумаг. Над ним потешались, подтрунивали, а мне, откровенно говоря, было жаль его, и я не раз брал старика под защиту. Видимо, потому ко мне он относился просто с благоговением. Стол Клибаньского — в комнате «F-7», а мой — в «F-9», хотя комнаты наши находились рядом и сообщались между собой. Довольно часто Клибаньский приходил задолго до начала рабочего дня и готовил себе крепкий чай. Единственное, что у него осталось в жизни, говорил он,— это красивый, крепкий стакан чаю. Если он явится первым, я зайду к нему, и старику в голову не придет, что моя комната заперта снаружи. Попрошу не говорить, что я рано пришел (просто с гулянки), объясню это как-то ему.

— Вы знаете,— улыбался Чехович,— я буквально молился. Всю ночь шептал: «Игнаций, милый, родной, приходи пораньше. Я очень тебя люблю, приходи, пожалуйста». И он услышал меня,— совсем рассмеялся Анджей.— Пришел и еще напоил действительно вкусным чаем. Все сошло благополучно.

На вопрос, оправдались ли надежды, возлагавшиеся на Чеховича, что дала его работа, Генрих сказал:

— В большей мере, чем мы ожидали. Во-первых, мы узнали не только систему враждебной нам деятельности РСЕ и ее информаторов, но и предотвратили многие провокации. Кроме того, мы вывели из строя источники информации, хотя никого не судили! Кое-кого мы вызвали, показывали им копии их донесений, просили, чтобы сами они подумали, как назвать их поступки, и сами бы сделали выводы. Об этом мы рассказывали на одной из телевизионных пресс-конференций, не назвав фамилий информаторов. В тот раз мы зачитали некоторые информации, сказав, что их авторов мы не приглашали для бесед, но об их «деятельности» информированы, и просили, если они патриоты Польши, пусть прекратят помогать ее врагам. Мы заявили, что нам известны имена информаторов, донесения которых и не зачитаны, но и к ним обращаемся с подобной же просьбой.

Надо сказать, что в большинстве люди, которые посылали информацию, либо были введены в заблуждение, либо шантажированы. Практически у них гора с плеч свалилась, когда вот таким образом решился вопрос.

Что касается РСЕ, то Чехович спутал все их карты. Они теперь не знают, кому верить, любого берут под подозрение, особенно после того, как в нашей печати появились некоторые данные о ее делах, которые могли быть известны только человеку, работающему там.

ФИЛЬМ-ЭКСПОНАТ

Говоря о цветном фильме «Во весь голос», задуманном как фильм-экспонат, как завершение обширной экспозиции Государственного музея В. В. Маяковского, можно не раз прибегать к слову «необычный». Действительно, совсем не часто приходится видеть полиэкранный фильм, к тому же озвученный с элементами стереофонии. Есть и другие новинки в этой небольшой ленте.

Однако необычность в подлинном смысле, пожалуй, в другом — в том общем впечатлении, какое производит слияние строчек вступления к поэме В. Маяковского (его читает диктор) со звуками и ритмами изображаемой на трех-четырех мини-экранах одновременно истории. Истории революции, истории созидания нашего государства — строительство заводов и фабрик, создание Красной Армии, пуск первой электростанции, ликвидация безграмотности, отпор вооруженным агрессорам, мирный труд на колхозных полях, движение ударников...

Перед авторами фильма стояла задача непростая — отобрать из документального архива фрагменты, которые наиболее близко иллюстрировали бы не просто строчки поэмы, а ее тематическую основу, главную мысль произведения.

Можно, пожалуй, оспаривать необходимость привлечения отдельных кадров, но авторам удалось главное — они передали ощущение сопричастности всего, что сделано Маяковским, нашему дню. Фильм наиболее выразителен в кадрах, где слова поэта о Родине, о таланте народа, о борьбе с угнетателями удачно дополняются кинематографическими образами, обогащающими и без того страстные строки поэмы звуком, цветом и объемом.

Слияние слова и зрительного образа, ощущение синхронности их так велики, что не раз начинает казаться, что не кадры подбирались к словам, не они «иллюстрируют» поэму, а скорее строки поэмы комментируют события не такой уж давней истории. Словно сам поэт через десятилетия обратился к потомкам, силой своего творчества умножая мощь страны, призывая к неустанной борьбе за счастье человека. Как остро и злободневно звучат слова Маяковского, сопровождающие редкие по динамичности кадры:

Рабочего
громады класса враг —
он враг и мой,
отъявленный и
давний.

Фильм, несомненно, удался в главном. Хотя он и не безупречен в некоторых деталях — чувствуется, что чтец мало «начитал» Маяковского, порой ему трудно справиться с элементарным волнением; затянуты кадры с Николаем II, сопровождаемые колокольным перезвоном; мало в фильме живого Маяковского. Можно было бы, наверное, в качестве завершающего экспоната зрителям предложить вообще чисто документальную ленту о Маяковском. Но думается, что одно другому не помешает — и посетители надолго запомнят красочное полиэкранное переложение вступления к поэме «Во весь голос» — эту яркую симфонию цвета и звука, наглядно демонстрирующую нетленность поэзии Маяковского.

Ю. СЕРГЕЕВ

Режиссер Г. Бреннер, оператор А. Винокуров. Производство НИКФИ (совместно с «Мосфильмом»).

ИСПЫТАННЫЕ ВОЙНОЙ

«Двум смертям не бывать» — так назвала свою новую повесть* Ольга Кожухова. И в этом названии не только запечатлела главную идею произведения, но словно бы подчеркнула направленность предыдущих своих книг, неразрывно связанных с военной темой.

Спустя тридцать лет после войны Сергей Большаков, один из главных героев повести, ученый-историк, после встречи с боевыми друзьями, приехавшими по приглашению пионеров — красных следопытов на места жестоких наступательных боев, размышляет: «Говорят, двух смертей не бывает... Бывает! Первая смерть, когда гибнешь от бомбы, от пули или снаряда. А вторая — без имени, без могилы — ну хотя бы как Лида, без следа исчезнувшая в огненном хаосе войны». И он, подобно героям других произведений О. Кожуховой — и Шуре Углянцевой из романа «Ранний снег» и Николаю Ушакову из повести «Фонарики, плывущие по реке»,— беспокойно спрашивает себя, вглядываясь в нынешний день: «...Неужели забудут наши голод и холод, наши раны и жертвы и нашу любовь, нашу веру, недопетые песни, недосказанные слова?.. Неужели забудут, какой ценой добывалась наша Победа?!.» И хотя отвечает себе: «Нет, не может этого быть!»,— вопрос его все же запоздал и вряд ли был нужен — Большакову на него ответила сама жизнь: ведь именно пионеры своим приглашением, своими розысками героев ответили утвердительно на вопросы ученого.

Но восстановить суровую правду давних боев не в силах даже фантазия мальчишек или девчонок. И, утверждая идею преемственности подвига, нескончаемости героизма, Ольга Кожухова рассказывает на страницах повести жгучую правду о боевых действиях на этом участке фронта, под некоей Александровкой, которые вели с противником люди дивизии молодого полковника Степана Шерстобитова.

Лаконично, скупыми мазками писательница сумела раскрыть перед нами рядовые в своей исключительности судьбы капитана Сергея Большакова и полковника Степана Шерстобитова, медсестры Лиды Букановой и полкового разведчика Валентина Яманова, командарма Горячева и начдива Тышкевича, раскрыть беспощадную правду испытания войной на право называться настоящим советским человеком.

Писательница незаметно, едва уловимыми штрихами восстанавливает биографию героев, их мысли, чувства, а с ними выходит к философии самой войны. Из прошлого героев преднамеренно выбираются, казалось бы, самые будничные факты, неприметные частности. Но они, сопровождающиеся отсветом пожарищ, гулом непрекращающейся стрельбы, оказываются способными выявить как античеловечность войны, так и особый характер ее для советского человека как войны священной, Отечественной.

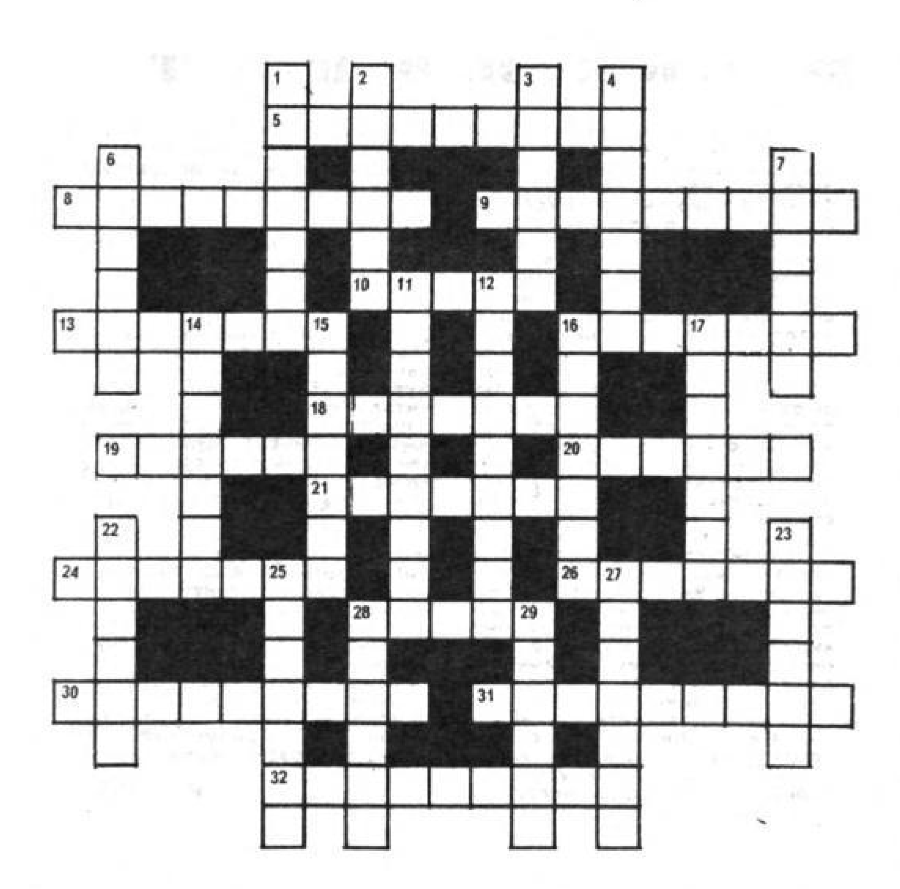
Если тебя убьют,— это «самое страшное, что может случиться с тобой»,— думает командарм Горячев, стоя на наблюдательной вышке и глядя в сторону противника.— «Но, однако же, существует и еще нечто более горькое, куда более страшное, чем смерть одного, даже лучшего человека. Рабство целых народов, духовная смерть, ежечасное, ежедневное подчинение чужой, вражеской воле, привычка к утрате чувства собственного достоинства, готовность продаться за сытный кусок — разве это не хуже физической гибели?!»

Вот почему и он, Горячев, и вверенные ему люди, и весь народ наш обязаны во имя будущего разгромить, уничтожить фашистского зверя.

Вновь, как и прежние произведения, новая повесть О. Кожуховой несет в себе огромной силы заряд антифашистской направленности. А это одно из первейших условий того, чтобы военное произведение воспринималось остросовременно, остросоциально. И потому оно непосредственно затрагивает мысли и чувства нашего современника, сегодняшнего и завтрашнего защитника Родины, защитника мира на земле.

Л. БОРИСОВ

* Ольга Кожухова «Двум смертям не бывать», журнал «Молодая гвардия», №№ 11, 12, 1972.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Действующее лицо пьесы А. Н. Островского «Без вины виноватые». 8. Воинское звание. 9. Электрический выключатель с ручным приводом. 10. Скульптор, создавший конные группы на Аничковом мосту в Ленинграде. 13. Река в США. 16. Английский астроном и оптик, открывший планету Уран. 18. Животное семейства кошачьих. 19. Многостворчатые ставни. 20. Автор «Приключений Чиполлино». 21. Математическое положение, требующее доказательства. 24. Произведение живописи. 26. Доставка багажа без перегрузок на промежуточных станциях. 28. Деньги, выдаваемые под отчет. 30. Советский кинорежиссер, постановщик фильма «Верные друзья». 31. Наука о собаках. 32. Документ, дающий право пользоваться на определенный срок местом в театре, на стадионе.

По вертикали: 1. Японский остров. 2. Горнопромышленное предприятие. 3. Полный оборот танцора на месте. 4. Повесть И. С. Тургенева. 6. Старая русская мера длины. 7. Балет А. Адана. 11. Великий русский ученый и поэт. 12. Сборник новелл Д. Боккаччо. 14. Врач. 15. Приток Северского Донца. 16. Водоразборная колонка. 17. Старинный экипаж. 22. Дерево семейства буковых. 23. Курорт в Крыму. 25. Немецкий композитор XIX века. 27. Лабораторный сосуд. 28. Русский металлург. 29. Вязаная фуфайка.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 50

По горизонтали: 4. Карелия. 5. Хронометр. 8. Плафон. 9. Кодекс. 12. Алыча. 16. Старшина. 18. Демокрит. 19. «Чародейка». 20. «Аленушка». 22. Нежданов. 24. Спика. 26. Ателье. 27. Шпинат. 29. Благодать. 30. Комитас.

По вертикали: 1. Слепок. 2. Гаронна. 3. Ливенка. 6. Сари. 7. Сейм. 8. «Парижанка». 10. Секундант. 11. Стапель. 13. Линотип. 14. Черенок. 15. Пирогов. 17. Акаба. 18. Декан. 21. Шлем. 23. «Жена». 24. Семафор. 25. Ашхабад. 28. Логика.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Справа вверху: Думы Японии. Слева: Хиросимские дети.— Люди и реклама.— Японская мадонна.— Внизу: Хиросима.— Переводчица Есенина Куми-сан.— Улица с большим автомобильным движением.— Будда.

Фото Е. Евтушенко.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, Д. Г. БОЛЬШОВ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 26/XI-73 г. А 00166. Подп. к печ. 11/XII-73 г.
Формат $70 \times 108^{1}/_{8}$. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Изд. № 2657. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 1479

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

В. Дружников и П. Глебов.

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

УМЕЕМ ЛИ МЫ

Любой фильм — всегда испытание, творческий экзамен и для постановщиков и для актеров. Но картина, о которой пойдет речь, оказалась прежде всего экзаменом для нас, зрителей. «Неизвестный, которого знали все» как бы задает нам сложную загадку, требующую обдуманного и серьезного ответа.

В первых же кадрах многосерийного телефильма мы знакомимся с замечательным человеком, узнаем, что он сапер, спасал да и сейчас спасает жизни людей, обезвреживая фашистские снаряды, притаившиеся в земле со времени войны.

И вдруг нам сообщают: этот человек — предатель, он работал полицаем, повинен в смертях многих и многих людей. Говорят об этом участники подполья, герои войны.

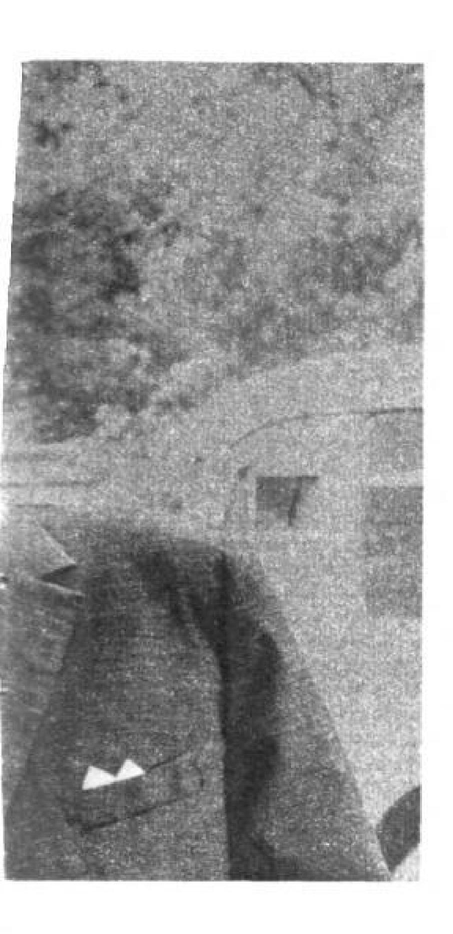
«Савчук — предатель?.. Не может быть!» — не соглашаемся мы. А ведь все факты против него. Значит, косвенно и против нас, зрителей, как-то сразу и безоговорочно проникшихся симпатией к Алексею Савчуку — его играет Петр Глебов.

От серии к серии накапливается все больше неоспоримых, казалось бы, подтверждений измены Савчука. У нас же нет доказательств обратного, нет фактов; наш главный «козырь» — вера в этого человека. И мы, зрители, так или иначе берем под сомнение все то, что порочит его в глазах людей. Причем делаем это горячо и взволнованно, в отличие от... самого Савчука — Глебова. А он, ко всеобщему удивлению, продолжает спокойно жить и работать; все так же неторопливо шагает по улицам родного Киева, все той же уверенной рукой обезвреживает смертоносные снаряды. Только на лице как-то резче обозначились морщины, да в глазах вроде бы появилась усталость. Он, Савчук, неспешно ждет развязки, словно и нам предлагая запастись терпением.

Возможно ли, в подобной ситуации?.. И тут приходит — такая простая! — разгадка. Савчук верит в людей, ради которых десятки лет рискует своей жизнью, в их справедливость, внимательность, честность, точно так же, как верим мы в него.

Внезапно прозревший зритель успокаивается. Поэтому-то, когда наконец приходит разъяснение, что Савчук и на самом деле герой подполья, сознательно, во имя высокой идеи, принявший на себя страшную, невыразимую муку — жить среди своих и считаться чужим,— оно воспринимается нами уже как нечто само собой разумеющееся.

Благодаря вот такому активному, вовлекающему в размышления и споры разговору с многомиллионной аудиторией «Неизвестный, которого знали все» (режиссер В. Луговский, «Укртелефильм») перерос рамки обычного детектива. Надо отметить, что удаче фильма

ВЕРИТЬ?

во многом способствовал замечательный актерский ансамбль: Петр Глебов, Владимир Дружников, Софья Павлова, Владимир Емельянов, Иван Переверзев, Клара Лучко, Владимир Гусев и другие...

Жаль, не очень часто появляются эти хорошие актеры в киноленках последнего времени, зато каждое подобное появление запоминается, независимо от того, какую роль играет любой из них — положительную или отрицательную, главную или эпизодическую... Назовем, к примеру, Владимира Дружникова, исполняющего здесь роль художника-модельера Дидовича и сумевшего сделать своего «героя» одним из центральных, хотя и отрицательных, образов фильма. Антипод Савчука, жалкий и корыстолюбивый трус, скрывающийся, словно за ширмой, за эффектной внешностью и изысканными манерами, он привлекает внимание, настораживает, будит мысль...

На первый взгляд конкретная идея фильма проста и ясна: зло, предательство не остаются безнаказанными; тяжесть преступления не уменьшается с течением лет. Но, кроме того, картина заставляет задуматься о сложности человеческих судеб, а главное, о том единственном пути, который ведет человека к самоотверженному служению своей земле, ее людям,— без ожидания какого-либо вознаграждения, особой благодарности или шумного признания заслуг.

Н. АЛЕКСЕЕВА.

ДОЛГ СПОРТИВНОГО ЖУРНАЛИСТА

Френк ТЕЙЛОР,
президент Международной федерации спортивной прессы

Спорт, как балет, музыка, искусство и литература, принадлежит миру. Именно поэтому те, кто пишет о спорте, говорят о нем по радио или телевидению, способствуют сближению людей. Ведь благодаря своей профессии они выступают перед миллионными аудиториями. Они разговаривают с миром, минуя границы, как это делаю я в данной статье. И основным оружием спортивного журналиста должна быть ПРАВДА.

С этими мыслями я покинул лондонский аэропорт Хитроу, чтобы в качестве президента Международной федерации спортивной прессы посетить Советский Союз.

Я знал, что встречу там друзей. Я знал также, что направляюсь в страну, давшую многих великих и всемирно известных спортсменов. Но смогу ли я, зная всего лишь два слова по-русски, найти контакт с моими новыми знакомыми? Но уже в московском аэропорту, где меня ждали руководители Федерации спортивных журналистов СССР, я понял, что тревожиться у меня нет причины. А потом я смог в этом убедиться по дороге в город.

На шоссе, идущем в Москву, я увидел гигантские металлические надолбы, возвышающиеся над землей. «Что это?» — спросил я. И узнал, что здесь, у стен Москвы, были остановлены гитлеровские армии.

У меня, привыкшего к забитой машинами лондонской Флит-стрит, где я работаю, дух захватило при виде широких московских улиц. В первое утро меня повели к Кремлю, на Красную площадь, к могиле Неизвестного солдата. Человек, лежащий в могиле, был когда-то молодым, жизнерадостным и полным надежд на будущее. Волею судьбы он взялся за оружие. Сейчас к нему, спустя годы, пришли молодожены, чтобы сказать: «Благодарим Вас за возрожденную жизнь».

У могилы Неизвестного солдата я почувствовал, что слышу биение сердца России.

С Красной площади мы направились в пресс-центр и попали в столь хорошо знакомую мне оживленную обстановку Универсиады. Мой хороший друг и коллега Борис Федосов, руководивший пресс-центром, оказался умным и гостеприимным хозяином, обеспечив информацией спортивную прессу всего мира. Ведь для того, чтобы помогать друг другу, и объединились 67 национальных федераций спортивной прессы.

Попробуйте представить себе 800 спортивных журналистов из разных стран. Все они требуют информации, все они нуждаются в телефонах, телексах, телеграфе, гостиницах, питании, транспорте, билетах на соревнования, все они считают, что первыми должны получить все, в чем нуждаются, без чего не могут обеспечить своевременной информацией своих читателей,— и вы поймете, как сложна деятельность сотрудников пресс-центра.

Универсиаду в Москве обслуживало 800 спортивных журналистов, на Олимпийских играх эта цифра подскочит до 4 000, но эти масштабы не смущают нас, работников АИПСа.

Много раз в Москве меня спрашивали, считаю ли я, что советские спортивные журналисты сделали все для своих коллег из других стран, и каждый раз отвечал: да... и притом безотказно.

За три недели наши советские коллеги проделали огромную работу. Ведь за это время в Советском Союзе были проведены три крупных международных соревнования — Универсиада, чемпионат Европы по академической гребле и чемпионат Европы по конному троеборью.

Сейчас Универсиада предстает передо мной как калейдоскоп событий. Из своего дома в Англии, закрыв глаза, я вновь вижу красочную церемонию открытия Всемирных студенческих игр, парад спортсменов, марш сводного военного духового оркестра, шествие знаменосцев, казачьи пляски, плавные движения девушек в национальных костюмах. Затем перед моими глазами возникает другая сцена. Я вижу тоненькую фигурку Ольги Корбут, выполняющую свои головокружительные упражнения на брусьях...

За свою жизнь я немало поездил по свету в качестве спортивного корреспондента, и вы можете мне полностью верить, когда я говорю, что моя поездка в Москву является одной из самых лучших, самых памятных. Много раз меня спрашивали о том, считаю ли я, что Москве следует дать право проведения Олимпийских игр 1980 года. На этот вопрос я всегда отвечаю одинаково: «Я не член Международного Олимпийского комитета. Но я убедился в том, что спортивный комплекс стадиона имени В. И. Ленина один из лучших в мире. Спортивные сооружения в Москве поистине первоклассны».

С моей точки зрения, спортивные журналисты, объединенные в АИПС, а их более десяти тысяч, могут сделать многое в деле пропаганды чистых и справедливых идеалов спорта, в деле показа на страницах печати примеров справедливой игры, что поднимает спорт в глазах читателей. Я знаю, что многие мои коллеги в СССР окажут самую мощную поддержку этим высоким идеалам.

Я должен подчеркнуть это обстоятельство, ибо мы, спортивные журналисты, обязаны играть положительную роль в поддержании и сохранении высокого уровня спортивного соперничества. К сожалению, довольно часто недостойное поведение спортсменов дает пищу журналистам, что, несомненно, не идет на пользу спорту.

Весь спорт и все человечество выиграют от того, если мы будем показывать то счастье, которое приносит спорт. Я часто говорю у себя в Англии: значительно лучше быть спортивным журналистом, чем военным корреспондентом. Через АИПС мы сможем пропагандировать высшие идеалы справедливой игры и спортивного соперничества во всем мире.

Перевод с английского Альберта ЛЕЙКИНА

Олег СПАССКИЙ

Фотографии во всех газетах.
Ольга Корбут и Людмила Турищева.

В Лондон пришла Гимнастика.

Это был девятый по счету чемпионат Европы среди женщин, но как он был непохож на турниры предшествующие. Непохож потому, что в праздничной атмосфере, отличающей обычно соревнования такого ранга, на этот раз звучали грустные и тревожные мотивы.

«Может быть, эти новые элементы высшей сложности мы увидим в исполнении Ольги Корбут на соревнованиях такого масштаба в последний раз, поскольку Международная федерация гимнастики будет в следующем месяце рассматривать предложение об их запрещении».

«Посмотрите внимательно, как выполняет Ольга сальто назад в группировке на бревне, потому что публика сможет увидеть этот элемент, принесший Корбут золотую медаль на Олимпийских играх в Мюнхене, в последний раз. Он считается опасным, и потому с 1 января 1974 года его решили запретить».

Первая цитата — из «Морнинг стар», вторая — из «Ивнинг Стандард».

Неужели же в последний?

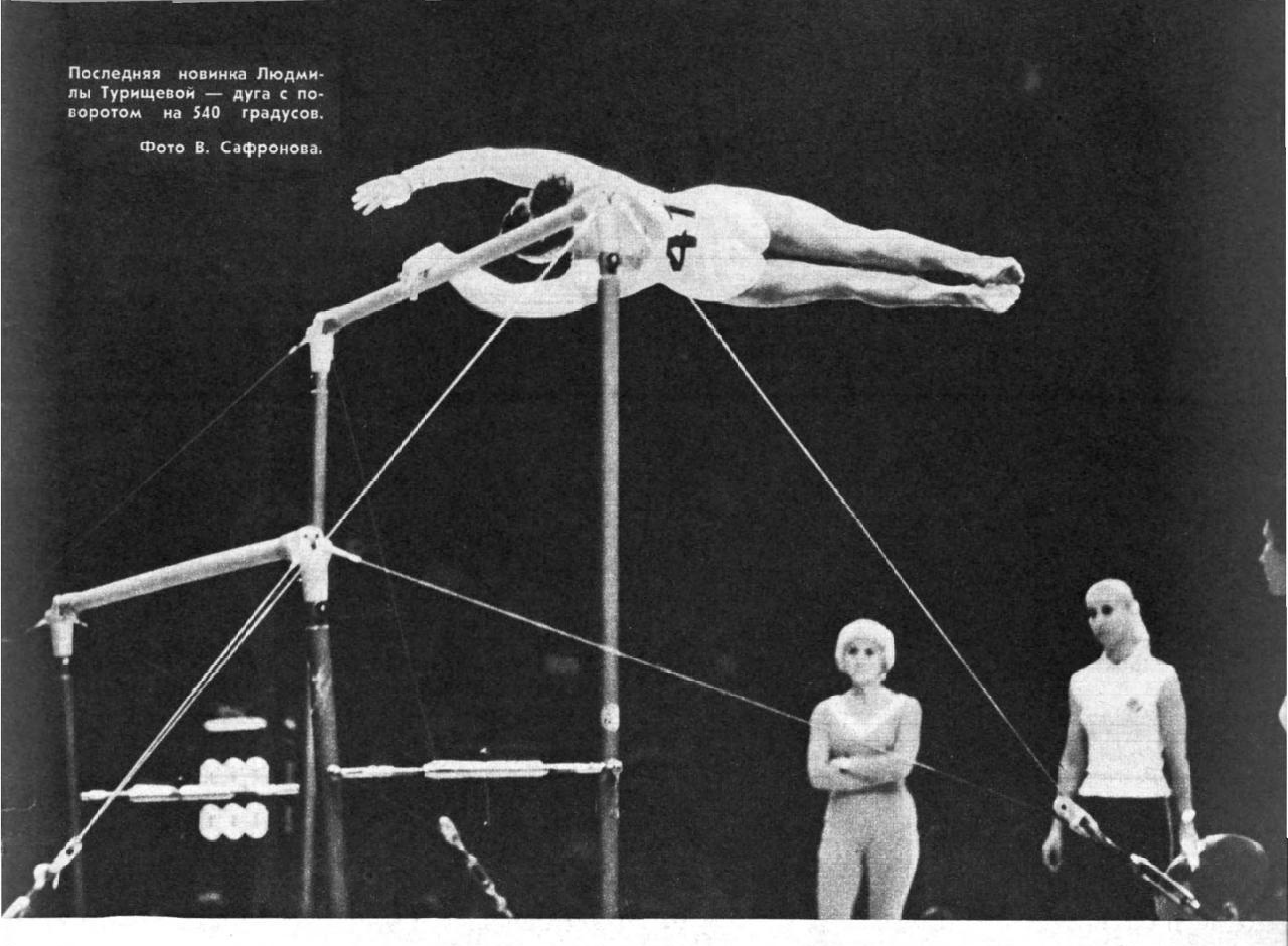
Такой вопрос волновал меня в те дни больше всего: спортивный исход соревнований загадки не таил — победить могли только Людмила Турищева или Ольга Корбут, королева гимнастики или ее принцесса. Так оно и получилось. Людмила Турищева (тренер Владислав Растороцкий) продемонстрировала весь современ-

ОСТА

ный технический арсенал женской гимнастики и завоевала большую золотую медаль абсолютной чемпионки Европы и четыре золотые медали за победу на всех четырех снарядах — на бревне, брусьях, в прыжках и в вольных упражнениях. Ольга Корбут (тренер Ренальд Кныш) в многоборье была второй и получила большую серебряную медаль. (К сожалению, травма не позволила ей сражаться за победу на отдельных снарядах.) Но не менее важным итогом соревнований казалось мне другое — торжество того направления в гимнастике, которое исповедует отечественная школа. Наши ведущие мастера и тренеры всегда были убеждены, что предела для совершенства нет, что прогресс задержать невозможно.

Конечно, трудно сравнивать возможности испанки Амалии Гарсия, первой вышедшей на помост европейского чемпионата, с мастерством Людмилы Турищевой, но и первая и последняя, а между ними и сорок остальных участниц

Такой сложный соскок с брусьев Ольга Корбут впервые выполнила на чемпионате Европы в Лондоне.

Последняя новинка Людмилы Турищевой — дуга с поворотом на 540 градусов.

Фото В. Сафронова.

НОВКИ НЕ БУДЕТ

демонстрировали все многообразие, всю неотразимую привлекательность и чрезвычайно возросшую сложность современной женской гимнастики.

Нет, судьи не всегда поощряли девушек, включающих в свою программу сложные элементы, и особенно несправедливы, как мне показалось, были служители Фемиды при оценке прыжка. Ута Шорн из ФРГ прыгала тотчас же вслед за Турищевой — обе получили по 9,3 балла, но если Ута, не рискуя, выбрала довольно простой прыжок «сгиб-разгиб», то Людмила выполнила «цукахару», сложнейшее вращение, которое еще недавно было под силу лишь немногим мужчинам и относилось к «ультра-си», то есть к числу элементов наивысшей категории трудности.

Да, судьи не всегда поощряли смелость и творческий поиск, но в «Эмпайер-пул» присутствовал и более влиятельный рефери — Гимнастика. Остановки не будет, как бы напомнила она, процесс развития спорта необратим. Затормозить его не по силам самой осторожной судейской коллегии.

И вот Алина Гореак из Румынии тоже прыгает «цукахару», и вот Ута Шорн выполняет в вольных упражнениях двойной пируэт, элемент, безусловно, высшей трудности. И вот Ольга Корбут на прыжках показывает такое, чему пока и названия не придумали, еще до толчка о снаряд она делает «винт» на 360 градусов.

— Трудно предугадать, какое решение примет Международная федерация гимнастики, но я буду работать по-прежнему.— Мой собеседник заслуженный тренер СССР Викентий Дмитриев — человек в спорте известный. Это он подготовил в Витебске знаменитых гимнасток Ларису Петрик, олимпийскую чемпионку 1968 года, Тамару Лазакович, ставшую вместе с Турищевой абсолютной чемпионкой Европы на турнире 1971 года в Минске и олимпийской чемпионкой в Мюнхене.— Женская гимнастика становится все сложнее, все интереснее. Обратите внимание на команду Румынии. В арсенале спортсменок элементы самой высшей сложности. А другие гимнастки? Сальто с поворотом на 720 градусов в вольных упражнениях. Дуга с поворотом на 540 градусов на брусьях. Сложнейшие и эффектнейшие соскоки. Все это стало гимнастической практикой, ее сегодняшним днем. Неужели же можно предложить гимнасткам забыть освоенное, уже взятое на вооружение? Нет, вчерашний день не вернешь...

А вот мнение еще одного специалиста, Медеи Джугели, ставшей в 1952 году олимпийским чемпионом в составе команды советских гимнасток.

— Время стремительно, и то, что тогда, в наши молодые годы, могли выполнить только чемпионы, сегодня освоили девочки, занимающиеся в гимнастических школах. А лидеры ушли дальше. Не могли не уйти. Современная гимнастика объединяет атлетизм с артистизмом, динамику с молниеносной ориентировкой в пространстве, причем особое предпочтение отдается частому изменению ритма упражнения. Как это иногда бывает, новое, непривычное многим кажется чем-то ненужным, нереальным, рискованным, опасным. И скептики немало сил приложили к тому, чтобы остановить развитие гимнастики.

...И, конечно же, этот дух тревоги не мог не волновать и нас, журналистов, побывавших на чемпионате Европы в Лондоне. Каково же было всеобщее удовлетворение, когда уже после отъезда гимнасток из Англии мы узнали, что на конгрессе Международной федерации гимнастики в Роттердаме Технический комитет отозвал свои предложения и больше не собирается сковывать творческих замыслов гимнасток.

Здравый смысл взял верх. И не последнюю роль сыграли здесь блестящие выступления Людмилы Турищевой и Ольги Корбут на соревнованиях в Лондоне.

Лондон — Москва.

Цена номера 30 коп.

УНИВЕРМАГ

КИТАПТАР-КНИГИ

кафе

